

**Федеральное Государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»**

**Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского**

IX Международный Византийский семинар

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И «ПОЛИС»

Севастополь, Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
29 мая - 3 июня 2017 г.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Севастополь

2017

УДК 93

ББК 63.3(0)4

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС // Материалы научной конференции. IX-й Международный Византийский Семинар (Севастополь – Херсонес 29.05 - 03.06 2017)

*Издаются по решению Ученого Совета
ФГБУК «Государственный историко-
археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»*

Редакционная коллегия:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь) – **ПРЕДСЕДАТЕЛЬ**

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. Etudes Médiévales (Paris IV - Sorbonne), кандидат исторических наук, зав. филиалом ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь) – **КООРДИНАТОР**

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института всеобщей истории РАН (Москва)

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

ЯШАЕВА ТАТЬЯНА ЮСУФОВНА, заведующая отделом ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь) – **СЕКРЕТАРЬ**

*Конференция проводится при финансовой поддержке
компании **ДОБРЫНЯ & СО***

© Коллектив авторов (2017)

© Алексеенко Н.А., составление, оформление (2017)

© ФГБУК «Государственный историко-
археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический» (2017)

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАТОРЫ И УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ	9
ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ	15
АЙБАБИН А.И. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) О реформе системы управления владениями Византии в Крыму в последней четверти VI в.	17
АЛЕКСЕЕНКО Н.А. (ГМЗХТ, Севастополь) Новые буллы чиновников Херсона: дополнения к каталогу	20
АРЖАНОВ А.Ю. (ГМЗХТ, Севастополь) Комплекс укрепленных построек в балке Бермана как памятник ближней округи Херсона IX века	28
АФИНОГЕНОВ Д.Е. (ИВИ РАН, Москва) Повесть Феофана Пресвитера о перенесении мощей патриарха Никифора (ВНГ 1336–1337) и codex Marcianus graecus 359.....	35
БИБИКОВ М.В. (ИВИ РАН, Москва) Византийская и поствизантийская криптография (на материалах греческих рукописей, памятников эпиграфики и нумизматики)	37
БУТЫРСКИЙ М.Н. (ГМВ, Москва) Императорская печать: Василий II или Константин VIII?	41
ГИНЬКУТ Н.В. (ГМЗХТ, Севастополь) Поливная керамика с изображением человека из раскопок генуэзской крепости Чембало	44
ЕВДОКИМОВА А.А. (ИЯз РАН, Москва) Формулы погребальных византийских надписей Афин и Салонник	48

КАЗАНСКИЙ М.М. (SNRS, UMR 8167, Paris) О появлении гепидов в Крыму в VI веке	53
КАЛИНИНА Т.М. (ИВИ РАН, Москва) Рассказ араба – византийского пленника из книги Ибн Хаукала (X в.)	59
KANEV N. (Université, Veliko Tarnovo) Le sceau de Pakourianos Arsakides, protokouropalates decouvert en Bulgarie	63
КУЩ Т.В. (УрФУ, Екатеринбург) Чудо, спасшее Константинополь: две истории избавления столицы от турецкого завоевания в 1422 г.	66
МАЙКО В.В. (ИАКр РАН, Симферополь) Византиноведческие исследования Института археологии Крыма в XXI веке.....	68
МАСТЫКОВА А.В. (ИА РАН, Москва) Броши средиземноморской традиции в костюме аланского населения Северного Кавказа эпохи переселения народов	76
НАУМЕНКО В.Е. (КрФУ, Симферополь) Христианская топография мангупского городища периода княжества Феодоро (по материалам новых археологических исследований)	83
ОШАРИНА О.В. (ГЭ, Санкт-Петербург) Изображения в медальонах на памятниках раннехристианского искусства	91
СЕДИКОВА Л.В. (ГМЗХТ, Севастополь) Предметы христианского культа из раскопок I квартала Херсонеса	96
СИДОРЕНКО В.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) К достоверности сведений Константина Багрянородного о строительстве Саркела	99

СТЕПАНЕНКО В.П. (УрФУ, Екатеринбург)	
Бронзовая иконка из Херсонеса	105
СТЕПАНОВА Е.В. (ГЭ, Санкт-Петербург)	
Лев – диакон Великой Церкви и Ὁ ἁγθροτός деспины	109
ХАЙРЕДИНОВА Э.А. (ИАКр РАН, Симферополь)	
Нагрудные украшения в костюме крымских готов	111
ХРАПУНОВ Н.И. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь)	
Херсон, Каффа и «мономаховы регалии».....	116
ХРУШКОВА Л.Г. (МГУ, Москва)	
Ранневизантийский архитектурный декор из мрамора: история изучения и современное состояние	119
ЧХАИДЗЕ В.Н. (ИА РАН, Москва)	
Византийская печать переводчика Икелия (вторая половина XI в.)	124
ЧХАИДЗЕ В.Н., ЕФРЕМОВ С.А. (ИА РАН, Москва)	
Печать Льва Гурна (первая половина XII в.)	128
ШАМАНАЕВ А.В. (УрФУ, Екатеринбург)	
Проекты восстановления византийской церкви на Херсонесском городище во второй половине XIX в.	132
ЮРОЧКИН В.Ю. (ИАКр РАН, Симферополь)	
И. Тунманн и средневековая надпись из деревни Саблы	136
БАРАБАНОВ Н.Д. (ВолГУ, Волгоград)	
Византийские святые и мир природы. Некоторые аспекты взаимоотношений	139
ТУРОВСКИЙ Е.Я., ЯШАЕВА Т.Ю. (Севастополь)	
Христианские древности из слоя пожара X в. в юго-восточном районе Херсонеса	143

CONTENTS

CONFERENCE ORGANIZERS AND PARTICIPANTS.....	9
ABSTRACTS OF PRESENTATIONS	15
AIBABIN A.I. (Simferopol) On the Reform of the Administrative System of Byzantium's Possessions in the Crimea in the Last Quarter of the Sixth Century.....	17
ALEKSEENKO N.A. (Sevastopol) New Seals of the Officials of Cherson: Amendments to the Catalogue.....	20
ARZHANOV A.Iu. (Sevastopol) A Complex of Fortified Buildings the Berman Ravine as an Archaeological Site in Cherson's Close Environs from the Ninth Century	28
AFINOGENOV D.E. (Moscow) Theophanes the Presbyter' Narration on the Translation of Relics of Patriarch Nikephoros (BHG 1336–1337) and <i>Codex Marcianus Graecus</i> 359	35
BIBIKOV M.V. (Moscow) Byzantine and Post-Byzantine Cryptography (According to the Materials of Greek Manuscripts, Epigraphy, and Numismatics).....	37
BUTYRSKII M.N. (Moscow) An Emperor's Seal: Basil II or Constantine VIII?	41
GINKUT N.V. (Sevastopol) Glazed Ware Depicting Humans Excavated at the Genoese Fortress of Cembalo	44

EVDOKIMOVA A.A. (Moscow) Formulas of Byzantine Funerary Inscriptions in Athens and Thessalonike.....	48
KAZANSKI M.M. (Paris) On the Gepaides' Arrival to the Crimea in the Sixth Century	53
KALININA T.M. (Moscow) A Tale by an Arab Captive of the Byzantines from Ibn Hawqal's Book (Tenth Century)	59
KANEV N. (Veliko Tarnovo) Le sceau de Pakourianos Arsakides, protokouropalates decouvert en Bulgarie	63
KUSHCH T.V. (Yekaterinburg) The Miracle that Saved Constantinople: Two Tales of How the Capital Was Saved from a Turkish Conquest in 1422	66
MAIKO V.V. (Simferopol) Byzantine Studies in the Institute of Archaeology of the Crimea in the Twenty-First Century	68
MASTYKOVA A.V. (Moscow) Brooches of the Mediterranean Tradition in the Costume of the Alanic Population of the Northern Caucasus from the Migration Period	76
NAUMENKO V.E. (Simferopol) The Christian Topography of Mangup Town in the Period of the Theodoro Principality (According to the Materials of Recent Archaeological Researches)	83
OSCHARINA O.V. (St-Petersburg) The Images in Medallions on the Monuments of the Early Christian Art	91
SEDIKOVA L.V. (Sevastopol) Christian Cult Items Excavated at Quarter L of Chersonese.....	96

SIDORENKO V.A. (Simferopol)	
On the Reliability of Constantine Porphyrogennetos'	
Account on the Construction of Sarkel	99
STEPANENKO V.P. (Ekaterinburg)	
A Bronze Icon from Chersonese	105
STEPANOVA E.V. (St-Petersburg)	
Leo the Deacon of the Great Church and Ὁ Ἀνθρῶπος of the Empress	109
KHAIREDINOVA E.A. (Simferopol)	
Pectoral Ornaments in the Costume of the Crimean Goths	111
KHRAPUNOV N.I. (Simferopol)	
Cherson, Caffa, and «Monomach's Regalia»	116
KHRUSHKOVA L.G. (Moscow)	
The Early Byzantine Architectural Décor of Marble:	
A History and Current State of Its Research	119
CHKHAIDZE V.N. (Moscow)	
A Byzantine Seal of Translator Ikelios	
(Second Half of the Eleventh Century)	124
CHKHAIDZE V.N., EFREMOV S.A. (Moscow)	
A Seal of Leontas Gournos (First Half of Twelfth Century)	128
SHAMANAEV A.V. (Ekaterinburg)	
Restoration Project of a Byzantine Church	
in Ancient Chersonese in the Second Half of the Nineteenth Century	132
IUROCHKIN V.Iu. (Simferopol)	
J. Thunmann and a Medieval Inscription from the Village of Sably	136
BARABANOV N.D. (Volgograd)	
Byzantine saints and the world of nature.	
Some aspects of relationships	139
TUROVSKII E.Ya., YASHAEVA T.Yu. (Sevastopol)	
Christian Antiquities from the Tenth-Century	
Conflagration Layer in the South-Eastern Area of Chersonese	143

ОРГАНИЗАТОРЫ

ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

БИБИКОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, руководитель Центра истории Византии и восточно-христианской культуры Института Всеобщей истории РАН (Москва)

СЕДИКОВА ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВНА, кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

КООРДИНАТОР:

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), кандидат исторических наук, зав. филиалом ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА:

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ,

профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института Всеобщей истории РАН (Москва)

НЕСОВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

председатель правления ООО «Аврора - Крым Девелопмент» (Севастополь) – БИЗНЕС-РЕФЕРЕНТ

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ,

профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

ЧХАИДЗЕ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН (Москва)

ЯШАЕВА ТАТЬЯНА ЮСУФОВНА,

заведующая отделом ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь) – СЕКРЕТАРЬ

ДОКЛАДЧИКИ

АЙБАБИН А.И. д.и.н., проф.

НИЦ истории и археологии Крыма Крымского
Федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)
e-mail: aleksandraibabin@rambler.ru

АЛЕКСЕЕНКО Н.А. dr. Etudes Médiévales (Paris IV-Sorbonne), к.и.н.

ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
e-mail: chembalo@yandex.ru

АРЖАНОВ А.Ю.

ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
e-mail: aleksar71@gmail.com

АФИНОГЕНОВ Д.Е., д.фил.н., к.и.н., проф.

Институт всеобщей истории РАН (Москва)
e-mail: logotheta@mail.ru

БАРАБАНОВ Н.Д.Б., к.и.н., доц.

Волгоградский государственный университет (Волгоград)
e-mail: byzbar@mail.ru

БИБИКОВ М.В., д.и.н., проф.

Институт всеобщей истории РАН (Москва)
e-mail: mbibikov@mail.ru

БУТЫРСКИЙ М.Н.

Государственный музей Востока (Москва),
e-mail: chalkites@mail.ru

ГИНЬКУТ Н.В.

ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)
e-mail: n-ginkut@yandex.ru

ЕВДОКИМОВА А.А., к.и.н.

Институт языкознания РАН (Москва)
e-mail: arochka@gmail.com

КАЗАНСКИЙ М.М. docteur habilité, prof.

Le Centre national de la recherche scientifique (SNRS),
UMR 8167 «Orient et Méditerranée» (Paris, France)
e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

КАЛИНИНА Т.М., к.и.н.

Институт всеобщей истории РАН (Москва)
e-mail: tmka@yandex.ru

KANEV N., PhD., prof.

Université Saint-Cyrille et Saint-Méthode (Veliko Tarnovo, Bulgarie)
e-mail: kan-nikolay@yandex.ru

КУЩ Т.В., д.и.н., доц.

Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
e-mail: tkushch@yandex.ru

МАЙКО В.В., д.и.н.

ГБНУ РК «Институт археологии Крыма» РАН (Симферополь)
e-mail: vadimmaiko@ukr.net

МАСТЫКОВА А.В., д.и.н.

Институт археологии РАН (Москва)
e-mail: amastykova@mail.ru

НАУМЕНКО В.Е., к.и.н., доц.

Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь)
e-mail: byzance@rambler.ru

ОШАРИНА О.В., кандидат искусствоведения

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

e-mail: oosharina@yandex.ru

СЕДИКОВА Л.В., к.и.н.

ФГБУК «Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

e-mail: sedikova7@yahoo.com

СИДОРЕНКО В.А., к.и.н.

НИЦ истории и археологии Крыма Крымского

Федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

e-mail: crimeastor@rambler.ru

СТЕПАНЕНКО В.П., д.и.н., проф.

Уральский Федеральный университет

им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

e-mail: v.stepanenko49@mail.ru

СТЕПАНОВА Е.В., к.и.н.

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

e-mail: stepanovaesp@yandex.ru

ТУРОВСКИЙ Е.Я., к.и.н.

ФГБУК «Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

e-mail: tuevgenij@yandex.ru; turovs_1@mail.ru

ХАЙРЕДИНОВА Э.А., к.и.н.

НИЦ истории и археологии Крыма Крымского

Федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

e-mail: khairedinovaz@rambler.ru

ХРАПУНОВ Н.И., к.и.н.

НИЦ истории и археологии Крыма Крымского

Федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

e-mail: khrapunovn@gmail.com

ХРУШКОВА Л.Г., д.и.н., проф.

Московский Государственный университет

им. М.В. Ломоносова (Москва)

e-mail: khrushkoval@list.ru

ЧХАИДЗЕ В.Н., к.и.н.

Институт археологии РАН (Москва)

e-mail: chkhaidze.v@yandex.ru

ШАМАНАЕВ А.В., к.и.н., доц.

Уральский Федеральный университет

им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

e-mail: shamanaev@mail.ru

ЮРОЧКИН В.Ю. к.и.н.

ГБНУ РК «Институт археологии Крыма» РАН (Симферополь)

e-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

ЯШАЕВА Т.Ю.

ФГБУК «Государственный историко-археологический

музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь)

e-mail: tatjus2@mail.ru

ТЕЗИСЫ

докладов и сообщений

А.И. АЙБАБИН

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

О РЕФОРМЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ВЛАДЕНИЯМИ ВИЗАНТИИ В КРЫМУ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ VI в.*

В 571 г. [Гадло 1979: 96; Кляшторный 2005: 95] или после 572 г. [Blockley 1985: 179, 276] граничившие с азиатским Боспором степи между Меотидой и Кавказскими горами захватили тюрки, подчинив утигуров и алан. Каган тюрков Истеми (Сильзибул в византийских и Синджибу в арабских источниках) [Moravcsik 1958: 275, 276; Кляшторный 2005: 93] назначил наместником новых земель своего сына Турксанфа (Тянь-хань-хана в китайских источниках) [Blockley 1985: 171–177]. В 576 г. тюрки разрушили город Боспор, а в 579 встали лагерем в местности, из которой виден Херсон [Blockley 1985: 223–225].

Надписи из Херсона и из Тамани фиксирует проведение вызванного тюркской экспансией реформирования системы управления владениями империи в Крыму [Айбабин 1999: 132–133; Ajbabın 2011: 118–120, 122].

О начале реформы можно судить по опубликованному В.В. Латышевым фрагменту строительной надписи, найденной в Херсонесе в раскопе у южной оборонительной стены. На фрагменте прочитаны вырезанные в генетивусе имя жены Юстина II Софии (Σοφίας), наименование должности δοῦκς, титул λαμπρότατος и имя Феаген (Θεαγ[ένους?]) [Латышев 1906: 121–123]. После обнаружения второго фрагмента плиты Э.И. Соломоник дополнила текст надписи. По ее предположению, в надписи идет речь о постройке стены или башни под руководством «дуки Херсона светлейшего Феагена (δοῦκς [Χερσῶνος ...τοῦ] λαμπρ[ότατου ...]Θεαγ[ένους?])» [Соломоник 1986: 213, 214]. Дука (δοῦξ, лат. Dux) со времени Диаклетиана командовал приграничными войсками и функционировал независимо от гражданской администрации [ODB 1991: 659; Treadgold 1997: 246; Храпунов 2011: 44, 45]. В VI в. в некоторых приграничных регионах, например, в Исавии и

в Египте дуки командовали местными войсками и возглавляли гражданскую администрацию [ODB 1991: 659; Jones 1992: 281, 282]. В Херсоне же такое совмещение полномочий практиковалось уже со времени Зинона [Айбабин 1999: 132]. В надписи титул *λαμπρότατος* (греческий вариант титула *clarissimus* – клариссим) помещен после наименования должности. Если при Константине I титул *vir clarissimus* носили все лица сенаторского звания, то при Юстиниане I этот титул давали и вновь назначенным провинциальным чиновникам. Согласно Р. Гийану, в конце VI в. эпитет *λαμπρότατος* (светлейший или сиятельный) применяли по отношению к архонтам, отцам города и другим чиновникам [Гийан 1964: 42–48]. В новеллах и надписях титул чиновника помещали до наименования должности. Надпись сообщает о восстановлении куртины или башни на южном участке обороны города дукой Херсона вместе с исполнителем работ – городским чиновником по имени Феаген (возможно отцом города), имевшим титул *λαμπρότατος*. В.В. Латышев датировал надпись временем соправительства Юстина II и Софии – т.е. 565–578 гг. [Латышев 1906: 123]. Однако, в 574 г. больной Юстин II усыновил и провозгласил кесарем и соправителем Тиберия, который стал реальным правителем империи [Кулаковский 1996: 306, 307; Jones 1992: 306]. Поэтому надпись следует отнести к периоду между захватом тюрками Приазовья в 571 или 572 гг. и 574 г. Очевидно должность дуки Херсона учредил Юстин II, подчинив ему гражданскую администрацию и византийские войска в городе.

После того как тюрки в 581 г. ушли из Крыма [Ajbabın 2011: 124, 128], император Маврикий (582–602 гг.) предпринял усилия по защите владений Империи в Таврике и продолжил военно-административную реформу на полуострове. Как сказано в изданной В.В. Латышевым надписи, найденной в сооружённой А.В. Суворовым в Тамани земляной крепости: «Средь прочих великих и дивных деяний и сие славное на Боспоре кесарское здание возобновил М[авр]икий, благочестивейший и богохранимый наш владыка, через собственного своего раба Евпатерия, славнейшего стратилата и дука Херсонского. Индикта 8-го». По словам В.В. Латышева 8-ой индикт приходится на 590 г. [Латышев 1894: 671, 672; Латышев 1896: 108, 109]. По мнению В.В. Латышева и согласившегося с ним Н.И. Храпунова, в названии магистратуры Евпатерия «*Εὐπατέριος ἐνδοξότατος στρατηλάτης καὶ δοῦξ Χερσῶνος*» стратилат означает титул, а дука – должность [Латышев 1894: 671; Храпунов Н.И. Ук. соч. С. 39, 40]. Текст надписи дает основания говорить о подчинении дуке Херсона всех владений империи не только на полуострове (Херсон, Юго-Западный Крым и города на Европейском Боспоре), но и на азиатском берегу пролива Боспор [Айбабин 1999: 132, 141; Ajbabın 2011: 128]. Следует

также заметить, что на Боспоре с конца VI в. чеканились монеты заимствованных из Херсона типов [Сидоренко 2003: 376].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Крымские готы страны Дори (середина III–VII вв.)» №15-31-10123.

Библиография

- АЙБАБИН А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- ГАДЛО А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л., 1979.
- Гийан Р. Очерки административной истории ранневизантийской империи (IV–VI вв.) // ВВ. – 1964. Т. 24.
- КЛЯШТОРНЫЙ С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. – СПб. 2005.
- КУЛАКОВСКИЙ Ю.А. История Византии. 518–602 гг. – СПб. 1996. Т. II.
- ЛАТЫШЕВ В.В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. – 1894. Т. I.
- ЛАТЫШЕВ В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб., 1896.
- ЛАТЫШЕВ В.В. Эпиграфические новости из южной России // ИАК. – 1906. Вып. 18.
- СИДОРЕНКО В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590-688 гг.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2003. Вып. X.
- СОЛОМОНИК Э.И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. – 1986. Т. 47.
- ХРАПУНОВ Н.И. К дискуссии о должности дуки Херсона // ВВ. – 2011. Т. 70.
- AJBABIN A.I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. – Mainz, 2011. (Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuseums. Band 98).
- BLOCKLEY R.C. The history of Menander the Guardsman. – Liverpool, 1985.
- JONES A.H.M. The Later Roman Empire. Vol. I, II. – Baltimore, 1992.
- MORAVCSIK Gy. Byzantinoturcica. – Berlin, 1958. Bd. II.
- The Oxford Dictionary of Byzantium (ODB) / Ed. A. Kazhdan. – New York; Oxford, 1991. Vol. 1–3.
- TREADGOLD W. A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, 1997.

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО

ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

**НОВЫЕ БУЛЛЫ ЧИНОВНИКОВ ХЕРСОНА:
ДОПОЛНЕНИЯ К КАТАЛОГУ***

Обширная коллекция византийских подвесных свинцовых печатей, происходящих с территории древнего городища Херсонеса-Херсона? постоянно растет и пополняется. Значительную часть в этом составляют моливдовулы местных представителей власти, которые стали поступать не только с территории древнего города, но и с его окружи и даже из других регионов. Со времени выхода в свет каталога И.В. Соколовой, содержавшего всего 75 экземпляров печатей [Соколова 1983], уже удалось собрать информацию о 410 печатях различных херсонских функционеров [Aleksyenko 2012]. Но и сегодня эта цифра неуклонно растет и, очевидно, в скором времени достигнет 500 булл. По численности это самая значительная коллекция из всех известных византийских провинциальных администраций.

Как правило, доминирующая часть печатей херсонских чиновников представлена моливдовулами IX–X вв. Рассматриваемая группа новых булл в этом плане также не исключение. В тоже время она показывает устойчивую тенденцию последнего времени – ранее неизвестные экземпляры появляются все реже и реже. Очевидно, в Корпусе моливдовулов представителей херсонской администрации достигнут некий определенный предел, хотя в нем представлены далеко не все известные в других провинциях должности. Новые открытия в основном только пополняют уже известные серии печатей херсонских функционеров новыми дублетными экземплярами, в отдельных случаях лишь уточняя этапы служебной карьеры некоторых владельцев булл.

В водимой в научный оборот группе печатей представлены как хорошо знакомые буллы по предыдущим публикациям, так и ранее неизвестные. Весьма примечательно, что обилие дублетных экземпляров, оттиснутых одними и теми же парами матриц, позволяет восстанавливать

утраченные части легенд на сильно фрагментированных или поврежденных буллах и тем самым в значительной степени сокращать количество безымянных печатей.

Среди новых печатей три моливдовула первой половины IX в., принадлежавших императорскому спафарию и архонту Херсона Григорию.

Два из них (рис. 1–2) оттиснуты одной парой матриц и полностью соответствуют аналогичному моливдовулу из раскопок Мангула [Alekseyenko 2012: 114, пр. 22], на котором имя владельца не сохранилось и лишь предполагалось. Теперь мы не только можем в значительной степени реконструировать текст легенды булл этой серии, но и исключить их из безымянных.

Рис. 1. Печать Григория,
императорского спафария и архонта Херсона
(первая половина IX в.)
Akh-1708. Музей Шереметьевых (Киев).

Рис. 2. Печать Григория,
императорского спафария и архонта Херсона
(первая половина IX в.)
Akh-1709. Музей Шереметьевых (Киев).

Третий экземпляр (рис. 3) находит аналогии среди булл другой серии архонта Григория [Alekseyenko 2012: 110-111, пр. 18.1-6] и это уже 7-й экземпляр в ней.

Рис. 3. Печать Григория,
императорского спафария и архонта Херсона
(первая половина IX в.)
Akh-595. Музей Шереметьевых (Киев).

Наличие экземпляра хорошей сохранности позволяет безошибочно реконструировать весь текст его легенды.

Еще один моливдовул (рис. 4) дополняет группу печатей императорского кандидата и экдика Херсона Никифора [Alekseyenko 2012: 214–216, пр. 131.1-4].

Рис. 4. Печать Никифора,
императорского кандидата и экдика Херсона
(последняя треть IX в.)
Akh-1707. Музей Шереметьевых (Киев).

Несмотря на не вполне удовлетворительную сохранность печати (оттиснута на маломодульной заготовке) ее безошибочно можно отнести к единственной серии моливдовулов Никифора последней трети IX в.

Совпадение размещения литер в строках в сохранившейся части легенды свидетельствует о том, что и данный экземпляр (пятый по счету) принадлежит той же паре матриц, что и все его известные ранее печати.

Три моливдовула представляют коммеркиариев Херсона.

Первый из них (рис. 5) находит полную аналогию в ранее изданной печати безымянного имп. спафария конца IX – начало X вв. [Alekseyenko 2012: 202, нр. 115], имя которого ранее предположительно восстанавливалось как Сергей. Новый моливдовул, несмотря на не полную сохранность сохранил имя владельца (Иоанн) и по всем признакам свидетельствует о принадлежности обеих булл одной паре матриц.

Рис. 5. Печать Иоанна,
императорского спафария и коммеркиария Херсона
(конец IX – начало X вв.)
Е-09-15. Колл. К. Ефименко (Севастополь).

Еще один экземпляр (рис. 6) дополняет серию печатей коммеркиария Херсона Дамиана [Alekseyenko 2012: 203–204, нр. 117.1-5].

Рис. 6. Печать Дамиана, коммеркиария Херсона (начало X в.)
Akh-1734. Музей Шереметьевых (Киев).

Несмотря на то, что на рассматриваемом моливдовуле отсутствует имя владельца, характерное изображение Богоматери и специфический шрифт легенды, украшенной внизу крестиком из жемчужин, дает все

основания отнести его к печатям Дамиана. Более того, это уже 6-й экз. той же пары матриц, что и все ранее известные.

Последняя из печатей коммеркиариев представляет нам нового ранее неизвестного персонажа – императорского спафарокандидата и коммеркиария Херсона Михаила.

Несмотря на то, что печать сохранилась лишь во фрагменте – в виде сломанной по линии канала половинки буллы, она несет достаточного данных для полной реконструкции и сфрагистического типа, и легенды.

1. Akh-1724. Музей Шереметьевых (Киев). Рис. 7.

D – ок. 24 мм; толщина заготовки – ок. 1,5 мм.

Сохранность: фрагмент (1/2 печати); сломана по линии канала; слегка помята; на оборотной стороне трещина по краю канала.

Происхождение: найдена в Херсонесе (архив); из колл. Ю. Самойленко.

Аналогий нет.

Не издана.

Рис. 7. Печать Михаила, императорского спафарокандидата и коммеркиария Херсона (конец X в.).

Аверс. Изображение фигуры архангела Михаила с распростертыми за спиной крыльями, держащего в левой руке сферу, в рост, анфас в ободке из слившихся в линию жемчужин. В поле справа надпись в столбик слева – (не сохранилась); справа – Χ|Α|Η|Λ. – [Ο ἀρχάγγελος Μι]χαήλ.

Реверс. Пятистрочная надпись в ободке из слившихся в линию жемчужин, украшенная внизу жемчужиной или крестиком между двух лепестков (сохранился левый): ΜΙ... |Ρ Σ Π Α Θ...|ΔΔ Σ Κ Θ...|Κ Ι Α Ρ...|Σ Θ...|–.

Μι[χαήλ] β(ασιλικῶ) σταθ[(αρο)καν]δ(ι)δ(άτω)
(καὶ) κο[υμ(ι)ερ]καρ(ίω) [Χερ]σόν(ος).

Стилистически печать относится к памятникам второй половины X в. (наиболее вероятен конец столетия) и является одной из самых поздних булл коммеркиариев Херсона. Кроме нее можно назвать лишь моливдовул билатерального типа (с двухсторонней надписью) коммеркиария Херсона Плотина [Alekseyenko 2012: 211, нр. 125.1-2],

известный теперь уже в трех экземплярах, который также имел чин императорского спафарокандидата.

Остальные буллы принадлежат херсонским стратигам IX–X вв.

Первая из них в силу своей не совсем удовлетворительной сохранности, к сожалению, не сохранила имя ее владельца. Печать имеет существенные утраты металла в верхней части поля по линии канала. Аналогий ей среди булл херсонских стратигов пока обнаружить не удалось.

2. Akh-1696. Музей Шереметьевых (Киев). Рис. 8.

D – ок. 22 мм; толщина заготовки – ок. 2,5 мм.

Сохранность: в верхней части с обеих сторон по линии канала утраты металла; первые три строки надписи сильно коррозированы.

Происхождение: найдена в Херсонесе (архив); из колл. Ю. Самойленко.

Аналогий нет.

Не издана.

Рис. 8. Печать N.,
... спафария и стратига Херсона (рубеж IX/X вв.).

Аверс. Изображение шестиконечного патриаршего креста на трех ступенях в ободке из слившихся в линию жемчужин. По кругу надпись с инвокативным обращением:

[+KEROIOEITOCW]ΔOVLΩ – Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ.

Реверс. Пятистрочная надпись, от которой сохранились нижние четыре: ...H...|...CΠAΘ|AP·CCTPAT|HΓ·XEP·CΩ|NOC

– [... β(ασιλκῷ) (πρωτο)]σπαθαρι(ῶ) (καὶ) στρατηγ(ῶ) Χερσῶνως.

Как видно из надписи, моливдовул принадлежал неизвестному по имени херсонскому стратигу, который имел ранг императорского спафария или протоспафария. По стилистике изображений и типу печать относится к памятникам рубежа IX/X вв.

Среди булл херсонских стратигов с аналогичным типом креста известны печати только двух персонажей (Арсавира и Николая), однако оба представлены в ранге императорского спафарокандидата [Alekseyenko 2012: 130–131, nr. 42, 43]. Не исключено, что

рассматриваемый экземпляр мог принадлежать одному из них на ином этапе их служебной карьеры.

Следующий моливдовул принадлежал императорскому протоспафарию и стратигу Херсона Епифанию второй половины X в.

Рис. 9. Печать Епифания, императорского протоспафария и стратига Херсона (вторая половина X в.).

Е-14-2015. Коллекция К. Ефименко (Севастополь).

Несмотря на значительную фрагментарность печати (сохранилась лишь разломанная по линии канала одна из половинок) представленная на ней информация не только позволяет вывести ее из безымянных булл, но и безошибочно установить ее владельца.

Он относится к первой серии булл стратига Епифания, где наш владелец имел ранг только императорского протоспафария [Alekseyenko 2012: 152–153, пг. 65.1-8]. Это уже девятый экземпляр данной пары матриц, известный как по находкам в Херсоне, так и за его пределами.

И наконец, владельцем последней печати, к сожалению весьма неудовлетворительной сохранности, с очевидной вероятностью мог быть императорский протоспафарий *epi tou Chrysotriklinou* Никита, бывший стратигом Херсона в последней трети X столетия.

Рис. 10. Печать Никиты, императорского протоспафария *epi tou Chrysotriklinou* и стратига Херсона (конец X в.). Akh-487. Музей Шереметьевых (Киев).

Моливдовул практически не сохранил изображения на лицевой стороне. Однако характерные особенности расположения легенды на оборотной, совмещающей круговую надпись и четырехстрочную в центре, находят полную аналогию с именными буллами стратига Никиты. Абсолютное совпадение литер в строках и соответствующие украшения легенды сверху и снизу свидетельствуют об очевидной принадлежности последнего моливдовула той же паре матриц (или, по крайней мере, его оборотной стороны), которой оттиснуты и два известных моливдовула стратига Никиты с изображением Богоматери Одигитрии, датируемые концом X столетия [Alekseyenko 2012: 149–150, пр. 63.1-2].

Таким образом, рассмотренные выше печати херсонских чиновников IX–X вв. не только в очередной раз дополнили уже известные серии булл городских функционеров, но и, что очень важно, благодаря более полным данным позволили вывести отдельные из них из разряда безымянных булл.

Кроме того корпус печатей местных таможенников пополнился еще одним новым ранее неизвестным персонажем, что в свою очередь свидетельствует о том, что институт коммеркиариев Херсона сохраняется в местной администрации до конца X столетия.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-31-10106 «Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики».

Библиография

СОКОЛОВА И.В. Монеты и печати византийского Херсона. – Л.: Искусство, 1983.

ALEKSEYENKO N. L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. – Paris: ACHByz, 2012.

А.Ю. АРЖАНОВ
ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

КОМПЛЕКС УКРЕПЛЕННЫХ ПОСТРОЕК В БАЛКЕ БЕРМАНА КАК ПАМЯТНИК БЛИЖНЕЙ ОКРУГИ ХЕРСОНА IX ВЕКА

Комплекс укрепленных построек в балке Бермана расположен в южной части Гераклеяского полуострова на древнем земельном участке № 347. Его раскопки производили К.Э. Гриневич в 1928–1929 гг., Г.М. Николаенко в 1983–1984, 1990–1992 гг. С 2001 г. производятся регулярные раскопки памятника Гераклеяской экспедицией Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический» под руководством Г.М. Николаенко. К настоящему моменту открыто несколько архитектурных комплексов, расположенных вдоль южного склона балки (рис. 1).

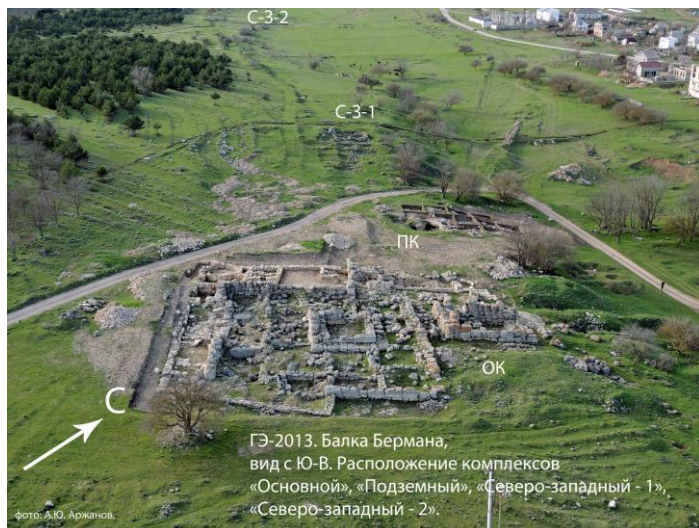

Рис. 1. Раскопки археологических комплексов в балке Бермана.
Общий вид.

Хронологические границы существования памятника определены с IV в. до н.э. по первую половину XV в. н.э. [Николаенко 2001: 130 Гинькут, Яшаева 2014: 43]. В настоящей работе на основании накопленных данных предпринята попытка рассмотреть комплекс построек в балке Бермана во время их существования на протяжении IX в.

Обратить пристальное внимание именно на этот период нас заставила опубликованная в 2015 г. Н.А. Алексеенко печать дийокита Халдии Михаила. Печать, находящаяся в частной коллекции и найденная где-то на территории балки Бермана, датируется автором первой половиной IX в. [Алексеенко 2015: 417]. Эта находка послужила поводом еще раз пересмотреть материалы раскопок на исследуемом нами памятнике. В отчете К.Э. Гриневича за 1928 г., опубликованном в виде статьи в журнале «Крым», нашлось упоминание о еще одной печати, найденной в помещении № 7 во время окончательной зачистки после завершения работ [Гриневич 1928: 69]. К сожалению, в полевых описях Гриневича за 1928 г., данная находка не отмечена. Однако в каталоге И.В. Соколовой под № 17 представлена печать коммеркиария Иоанна, найденная «при раскопках Н.И. Репникова на Гераклейском полуострове в 1928 г.», датируемая исследовательницей 70–80-ми гг. IX в. [Соколова 1983: 150, 151, 169, № 17; ср. Alekseyenko 2012: 182, nr. 96.1 – ок. середины IX в.]. Согласно летописи раскопок Херсонеса, в 1928 г. на Гераклейском полуострове раскопки производились только «напротив хутора Бермана», то есть, на рассматриваемом нами памятнике. Н.И. Репников был ответственным секретарем Гераклейской экспедиции, осуществляя непосредственное руководство рабочим процессом. Иных раскопок на Гераклейском полуострове в 1928 г. не зафиксировано, и мы имеем достаточно оснований отождествить печать, упоминаемую К.Э. Гриневичем в отчете, с печатью коммеркиария Иоанна, вошедшую в Каталоги печатей херсонских чиновников. Примечательно, что обе печати, происходящие, предположительно, из комплекса в балке Бермана, принадлежат чиновникам одного и того же имперского ведомства – государственного фиска, и датируются периодом около середины IX в.

Характеризуя помещение, под порогом которого найдена печать, Гриневич упоминает о его хозяйственном назначении, отмечая наличие пифосных ям. Общий облик поселения в это время представляет собой ряд помещений, сгруппированных вокруг остатков эллинистических башен, а также отдельных сооружений между ними. Многие средневековые помещения заглублены в грунт до скалы, имеют лестничные спуски. У части помещений встречаются закругленные углы; в кладке стен зафиксированы как необработанные камни, так и блоки вторичного использования. Отдельные средневековые сооружения вписываются в

ранее существовавшие остатки строений, зачастую используя их в качестве одной из несущих стен. Строительные остатки и материал времени IX в. встречаются на территории всех ранее открытых комплексов балки Бермана: «Основного», «Северо-Западных I и II», «Подземного» и простираются по южному склону балки на расстоянии до 500 м.

Среди средневековых сооружений хотелось бы выделить раскопанные К.Э. Гриневичем в 1928 г. помещения № 7 и № 8 Основного комплекса (рис. 2).

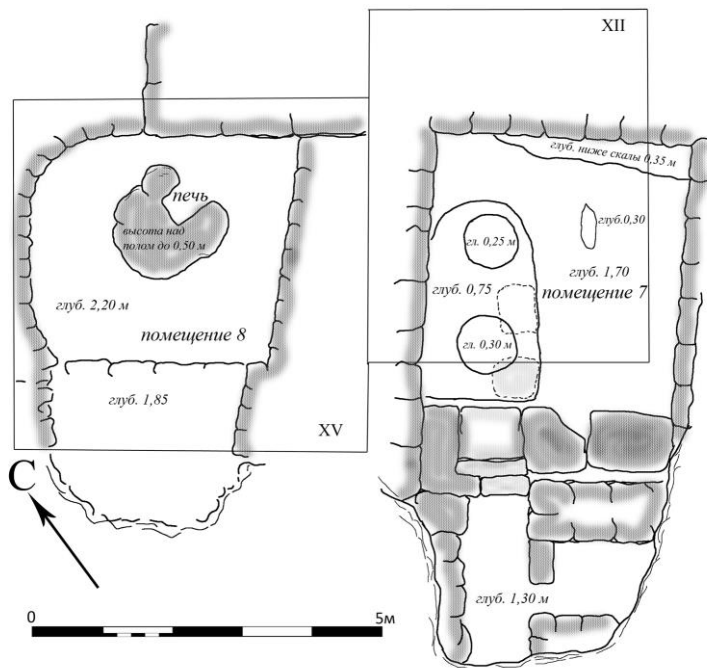

Рис. 2. Помещения № 7 и № 8 Основного комплекса в балке Бермана (прорисовка по дневниковым схематическим планам Е.В. Веймарна).

Пристроенные к юго-западной стене эллинистической башни, они образуют, на наш взгляд, единое сооружение. Площадь помещения № 7 составляет около 12 кв. м., помещения № 8 – около 9 кв. м. Помещения имеют каждое свой вход, причем с одной и той же, юго-западной стороны. Между собой помещения разделены массивной стеной, толщиной около 2 м. Оба – имеют схожую особенность кладки стен –

камни верхних рядов выдвигаются внутрь помещения, «образуя нечто вроде ложного египетского свода» [Гриневич 1928: 69]. Помещение № 7 при сооружении было заглублено в грунт, о чем свидетельствуют ступени, ведущие от входа вниз. Полом помещения является тесаная скала, в которой в свою очередь отмечены вырубывы для установки пифосов. На основании этого К.Э. Гриневич пришел к выводу о хозяйственном назначении данной постройки. Перед порогом, на вымостке у входа в помещение, найдена монета Василия I, а в нижней части порога – моливдовул, о котором было сказано выше. Помещение № 8 имеет скругленные очертания северо-западной стены, а стены в южном углу перекрывали цистерну, в которой был зафиксирован материал римского времени. В середине помещения были найдены остатки печи, имеющей подковообразную форму. Пол помещения был глинобитным.

В целом, вышеописанные помещения рядом своих особенностей напоминают жилища населения дальней округи Херсона VIII–IX вв., выявленные и подробно описанные А.Л. Якобсоном [Якобсон 1970: 117]. Двухкамерность с отдельными входами, заглубление в грунт, закругление некоторых углов, пристройка помещения к мощной несущей стене – вот те черты, которые роднят наше сооружение как с вышеозначенными жилищами, так и с жилищами салтовского населения Восточного Крыма. Вместе с тем, есть и некоторые различия: в стенах данных помещений отсутствует кладка «в елочку», также высота их заметно больше, чем высота стен сельских жилищ Восточного Крыма и дальней округи Херсона. Эти различия, очевидно, в первую очередь можно объяснить использованием различного строительного материала. Как известно, на дальней округе, а тем более в Восточном Крыму, аналогичные жилища возводились на неосвоенных местах и при этом использовался необработанный бутовый камень; здесь же на месте ранее существовавших построек, предоставляющих отличный материал для вторичного использования, форма камня (обработанные или полуобработанные блоки), несомненно, диктовала несколько иные строительные приемы.

Керамический материал из раскопок в балке Бермана еще нуждается в подробном и внимательном осмыслении. Сложность его анализа определена рядом факторов. Во-первых, на данном памятнике крайне редки слои *in situ*; как правило, мы имеем дело с многократно перемещенным грунтом. Перестройки разных эпох и периодов, происходившие на одних и тех же местах, сильно перемешали археологический материал. Во-вторых, крайне редки и археологически целые формы, что также является следствием многократных перестроек и затрудняет создание более дробной хронологической стратификации. Но

ряд особенностей для периода IX в. все же необходимо отметить. Первая особенность – это большое количество фрагментов амфор с зональным рифлением. Ещё К.Э. Гриневич при описании верхнего, 1-го слоя, отмечал, что «кроме поливной керамики в одном слое с нею были находимы черепки больших сосудов, покрытые орнаментом в виде тонких параллельных полосок, иногда идущих волнообразно» [Гриневич 1928: 44]. Нередки такие находки и в материалах раскопок Г.М. Николаенко последних лет. С этим связана и вторая особенность: фиксируя слои, содержащие фрагменты амфор с зональным рифлением, Г.М. Николаенко отмечает в тех же слоях фрагменты высокогорлых кувшинов с плоскими ручками (ВКПР) [см.: Николаенко 2012–2015]. В этом случае перед нами слои, образовавшиеся не ранее середины IX в.

Анализируя нумизматический материал, накопленный за годы раскопок, можно отметить, что в нём преобладают монеты Василия I, доля которых в общем комплексе определяемых находок составляет около 25% (17 экз. из 69). Также из монет IX в. единичными экземплярами представлены монеты Льва V и Михаила III. Такое процентное соотношение монетного материала, вместе с находками печатей, свидетельствует об экономическом расцвете данного памятника в период около середины – второй половины IX столетия.

Из многообразия металлических находок, происходящих с памятника в балке Бермана и относящихся к данному периоду, хотелось бы выделить следующие:

Серьга (рис 3,1). Инв. № 37678/34. Найдена на комплексе «Северо-Западный – 1» в 2013 г., в слое каменного завала с юго-западной стороны от эллинистической башни СЗ-1. Датируется концом VIII – началом IX вв. и относится к серьгам салтовского типа [Веймарн, Айбабин 1993: 184; Плетнева 1967: 141, рис. 36].

Пряжки бронзовой фрагмент (рис 3,2). Инв. № 37678/16. Найдена в 2012 г. на комплексе «Подземный – 1» в слое серовато-коричневого суглинка, лежащего непосредственно над скалой перед скальными ступенями, ведущими к пещерным сооружениям комплекса. Датируется VIII – IX вв. и относится к пряжкам салтовского круга [Веймарн, Айбабин 1993: 42, 175, рис. 24.27].

Перстень (рис. 3,3) с ромбовидной жуковиной и орнаментом в виде креста из пяти точек. Инв. № 37668/4. Найден в 2015 г. на комплексе «Подземный – 1» под скальными ступенями, ведущими к пещерным сооружениям комплекса. Датируется VIII–IX вв. [Веймарн, Айбабин 1993: 29, 185, рис. 16,27].

Рис. 3. Находки из раскопок в балке Бермана.
 1 – серьга (инв. № 37678/34); 2 – фрагмент пряжки (инв. № 37678/34);
 3 – перстень (инв. № 37678/34)
 Фонды ГМЗ «Херсонес Таврический». Фото К.В. Зыковой.

Сопоставляя данные находки со всем, что было рассмотрено выше, можно предположить появление в этом месте к середине IX в. населения, полностью находившегося в орбите влияния византийского Херсона, но сохранившего в своей материальной культуре некоторые черты, присущие салтово-маяцкой культуре.

Подводя итог, хочется отметить, что, рассматривая памятник в балке Бермана, мы видим его как достаточно большое средневековое поселение ближней округи Херсона, вероятно, имевшее в период IX в. важное административное и хозяйственное значение. Дальнейшее изучение накопленного материала, как и продолжение раскопок, помогут сделать более конкретные выводы о характере и датировке данного поселения.

Библиография

АЛЕКСЕЕНКО, Н.А. Византийская Таврика в системе имперских финансовых и экономических коммуникаций по данным печатей чиновников фиска и торгово-таможенной службы // Труды Государственного Эрмитажа. – СПб., 2015. Т. LXIV. С. 415–424.

- ВЕЙМАРН Е.В., АЙБАБИН А.И. Скалистинский могильник. – Киев, 1993.
- ГИНЬКУТ Н.В., ЯШАЕВА Т.Ю. Некоторые группы поздневизантийской поливной керамики из раскопок К.Э. Гриневича в балке Бермана // Тезисы докладов международного научного семинара «Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации». – Севастополь, 2014. С. 40–44.
- ГРИНЕВИЧ К.Э. Раскопки Гераклеяской экспедиции 1928 г. предварительный отчет с описанием архитектурного комплекса // Крым. – М.; Л: Госиздат, 1928. № 2 (8). С. 34–71.
- НИКОЛАЕНКО Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. – Севастополь, 2001. Ч. II. 163 с.
- НИКОЛАЕНКО Г.М. Отчеты о раскопках комплекса укреплённых построек в балке Бермана на древнем земельном участке № 347. 2012–2015 гг. // Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический». Дела №№ 4229, 4286, 4320, 4478.
- ПЛЕТНЕВА С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. – Москва, 1967. Т. 142. 197 с.
- СОКОЛОВА И.В. Монеты и печати византийского Херсона. – Л.: Искусство, 1983. 176 с.
- ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. – М.; Л., 1970. Т. 168. 224 с.
- ALEKSEYENKO N. L'administration byzantine de Cherson: catalogue des sceaux. – Paris, 2012. 268 p.

Д.Е. АФИНОГЕНОВ
Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

**ПОВЕСТЬ ФЕОФАНА ПРЕСВИТЕРА О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ
ПАТРИАРХА НИКИФОРА (ВНГ 1336–1337)
И CODEX MARCIANUS GRAECUS 359**

Один из крупнейших французских византинистов, Жан Гуйяр, считал лучшим источником по восстановлению иконопочитания в 843 г. Повесть Феофана Пресвитера, рассказывающую о перенесении мощей патриарха Никифора, которое состоялось 12–13 марта 847 г. по инициативе и при активном участии патриарха Мефодия [Gouillard 1967: 122]. П. Карлин-Хайтер была настроена гораздо более скептически [Karlin-Hayter 2006: 67, п. 35]. Между тем, есть несколько обстоятельств, которые подтверждают не только информационную ценность, но и очень раннюю дату этого произведения.

К аргументам такого рода относятся как внешние, так и внутренние. Рассмотрим, например, эпитеты, прилагаемые к двум святым патриархам, являющимся главными героями повествования (без заключительной молитвы Никифору – Д.А.). Никифор: богоносный (θεοφόρος, с. 116) знаменитый (περιφανής, с. 117), весьма сведущий в богословии и проницательнейший, препрославленный (πολὺς τὰ θεῖα καὶ ἀγχινούστατος, παναοίδιμος, с. 118), богоявитель отец (θεοφάντωρ πατήρ, с. 120), треблаженный (τρισμακάριστος, с. 121), почтенный и знаменитый (αἰδέσιμος, περίοτος, с. 124), блаженнейший (μακαριώτατος, с. 125). Мефодий: всесвященный (πανίερος, с. 124), священнейший (ιερώτατος, с. 126). Кроме того, дважды, когда речь идет о нем, он не удостоен никакого эпитета (см. с. 123 и с. 127, где он назван священнослужителем (ιεροτελεστής) без определения). Тарасий, между тем, упомянутый один раз, именуется «величайшим и всеблаженным патриархом (μέγιστος καὶ πανμάρκα πατριάρχης, с. 124).

Из этого сопоставления, на мой взгляд, очевидно, что Мефодий для автора не относится к тому же разряду, что и Никифор с Тарасием, то

есть к почитаемым святым. А это возможно только в том случае, если сочинение писалось при его жизни, потому что после смерти он сразу был прославлен как исповедник. Таким образом, мы получаем очень точную датировку: между 13.03.847 и 14.06.847 (день смерти Мефодия).

Далее, Повесть обнаруживается лишь в одной рукописи: *codex Marcianus graecus 359*, X в. Рукопись же эта представляет собой четью mineю за март и апрель, причем апрельская часть явно отражает стадию постиконаборческого развития студийских четьих миней, более раннюю по сравнению с известным кодексом *Vaticanus gr. 1660* с колофоном 916 г. Логично предположить нечто подобное и для мартовской части. Это означало бы, что рукописная традиция Повести восходит ко второй половине IX в.

Если наша датировка верна, то сведения, сообщаемые Феофаном Пресвитером, представляют первостепенный интерес, и критическое комментированное издание памятника оказывается насущной необходимостью.

Библиография

EHRHARD A. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche. 3 Bde. — Leipzig, 1936–39. Bd. 1. MIONI E. *Bibliotecae Divi Marci Venetiarum Codices Graeci Manuscripti*. 6 vol. — Roma, 1967–1985.

GOUILLARD J. *Le Synodikon de l'Orthodoxie, texte et commentaire* // TM. — 1967. Vol. 2. P. 1–316.

KARLYIN-HAYTER P. *Methodios and His Synod* // *Byzantine Orthodoxies* / ed. A. Louth, A. Casiday. — Aldershot, 2006.

Theophanis Presbyteri *Narratio de translatione Nicephori* // *Μνημεῖα ἀγιολογικά / ἐκδ. ὑπὸ Θ. Ἰωάννη*, — Βενετία, 1884. Σ. 115–128.

М.В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

ВИЗАНТИЙСКАЯ И ПОСТВИЗАНТИЙСКАЯ КРИПТОГРАФИЯ
(на материалах греческих рукописей, памятников
эпиграфики и нумизматики)*

Различные виды тайнописи хорошо знакомы источникововедам, занимающимся рукописями, лапидарными надписями и граффити, чтением нумизматических лемм, а также сигиллографистам и другим специалистам в области различных специальных историко-филологических дисциплин, касающихся как Руси, так и Византии, Западной Европы и стран Востока. Предлагаемые примеры византийской и поствизантийской криптографии относятся к материалам палеографии и кодикологии, эпиграфики и нумизматики и почерпнуты как из непосредственных исследований рукописей и надписей, так и из архивных занятий с материалами византинистов прошлого.

Среди выявленных в свое время рукописных списков византийского прототипа Изборника Святослава 1073 г. особая роль принадлежит пергаменному Старшему Парижскому, по нашему определению, списку – Cod. Paris. gr. 922, датируемому серединой XI в. Некоторые чтения этого греческого списка представляют собой гапаксы, находящие славянские соответствия только в самом Изборнике [Бибиков 1996: 69–73]. Важным моментом атрибуции указанного кодекса является миниатюра на л. 5об. и надпись в квадрате, занимающая весь л. 4. Непонятный, на первый взгляд, набор букв в квадрате обретает смысл, если читать текст из середины квадрата на периферию фигуры по всем направлениям. Текст является акростихом, означающим в русском переводе «Эта книга – августы Евдокии». Наиболее вероятная идентификация этой императрицы – Евдокия Макремволитисса – жена византийского

императора Константина X Дуки (1059–1067), правившая после его смерти самостоятельно в качестве регента при малолетних сыновьях – будущем императоре Михаиле VII Парапинаке и Константине и ставшая затем женой Романа IV Диогена (1068–1071) [Бибиков 1996: 308 и сл.]. Парадные портреты Евдокии с царствующим василевсом хорошо известны по мозаичному портрету на хорах второго этажа константинопольского храма св. Софии, а также на известном серебряном реликварии св. Димитрия из Оружейной палаты в Москве – так называемом Ковчежце Срезневского [Срезневский 1863: 1–34], где Христос (полуфигура) венчает императорскую чету. Реликварий содержит греческую надпись, читаемую в переводе «Константин во Христе Боге верный василевс ромеев Дука» и «Евдокия во Христе Боге (великая) царица ромеев». Известны и другие миниатюрные рукописные и рельефные (из слоновой кости) изображения Евдокии [Spatharakis 1976: 105]. Итак, идентификация посвятительной надписи августу Евдокии в Парижском списке византийского прототипа Изборника 1073 г. является свидетельством того, что книга находилась (и создавалась) в императорских придворных кругах.

Примеры эпиграфической криптографии почерпнуты из собственноручных копий надписей, сделанных на Афоне о. Порфирием Успенским и хранящихся в Архиве РАН в Санкт-Петербурге (Ф. 118. Оп. 1. № 74. Л. 145–265) под заглавием «Надписи в монастырях, скитах и знаменитых кельях на св. Горе Афонской».

На л. 176об. среди ватопедских материалов воспроизводится надпись 1285 г. «у вторых ворот монастыря на крепостной стене под зубцами ее»:

MC	MX	Надпись прочитана (в русском переводе) как «Великомученики Христовы отцы (числом) одиннадцать».
II	ΠΑΙ	

О. Порфирий относит надпись к царствованию Андроника Старшего (т. е. Андроника II Палеолога), «когда латиняне в 1285 г. повесили ватопедских монахов на холме Фуркувун, а игумена Евфимия утопили в море и ограбили монастырь».

Другая ватопедская надпись (л. 188–188об.) обнаружена в приделе Утешения у креста, написанного на стене собора гласит:

IC	XC	Иисус Христос
NI	KA	Победитель

АПМТ	ТКПГ	Адам падший восстал крестом,
ТОПТ	ТНТ	Креста оружие супостатов смущает.
ТВТ	ТПТ	Крест царей победное знамение,
ТАН	КΔТ	Крест ангелов веселие.
Х	Х	
Х	Х	Место лобное рай бысть,
		Крестом побеждаются тираны.
		Крест верных твердыня
		И бесов уязвление.
		Христос христианам
		Дарование даст.

К поствизантийскому времени относятся надписи обителей Каракалла и Ставроникиты. Каракальская надпись 1838 г. находится в северном отделении монашеских келий (в три жилья). Из надписи, помещенной в восточном углу, видно, что верхнее жилье отделано в 1838 г., 15 июня, с помощью христиан, старанием игумена Дамаскина». (л. 198об.):

IC	XC	Иисус Христос
Ф	Х	Свет Христов
Ф	П	Просвещает всех.
А	П	Адам падший
М	Т	Восстал крестом.
Т	К	Место лобное
П	Г	Рай бысть.
TTTT	ΔΦΡ	Его чудного знамения Бесы боятся и трепещут,
ΘΘΘΘ	ЄЄЄЄГ	Божие видения божественное чудо обрела Олена обретение от Голгофы.

Еще одна надпись в монастыре Ставроникиты находится «у креста на двери братской трапезы, сделанного из деревянной и костной мозаики» (л. 254–254об.):

Ф IC	XC X
Р XЄ	Є X Р
Ф NI	KA П
Р XЄ	Є X Р
ТП	КГ

Надпись начинается традиционным лозунгом «Христос Победитель» (выделена цветом – М.Б.). Остальной же текст криптограммы следует читать от крайних левой и правой букв – к центру, так чтобы получилось:

ФХФП	Свет Христов просвещает всех,
РРРР	Избавителей обветшавших избавляет.
ХХХХ	Христос христианам благодать дает.
ЕЕЕЕ	Обрела Олена обретение от Голгофы,
ТКПГ	Место лобное рай быть.

Последний пример (нумизматический) почерпнут из переписки о. Антонина Капустина, хранящейся в Архиве Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Письмо от 26 июня 1871 г. из Иерусалима адресовано о. Азарию (Попцову), библиотекарю и начальнику канцелярии монастыря, прославившемуся в качестве первого издателя и переводчика актов Пантелеимонова монастыря и историку русской святогорской обители. Письма недавно изданы К.А. Вахом [Архимандрит Антонин 2016: 284].

«На монетах византийских золотых и полных (т. е. настоящих солидах, а не половинках или четвертях их) выбивали обыкновенно и год царствования императора. На юстиниановой монете Вы найдете буквы Г.Д.Н.АВ и т. д. По чему и уразумеете, в какой год от Р.Х. та или другая монета чеканена. Кроме того, после слова CON..., Что означает Constantinopoli, всегда выбивалось ОВ. Этот ОВ до сих пор не исследован хорошо. Думают, что этим обозначалось то, что монета составляет семьдесят вторую часть фунта. Но против этого говорит то обстоятельство, что и на полусольдах видится то же самое ОВ. Думают еще, что это значит officina Вaсѳилѳу (sic. – М.Б.) или оффицина вторая, т.е. В'...».

* Работа написана по программе гранта РФФИ (бывш. РГНФ) № 16-01-00089.

Библиография

- Архимандрит Антонин (КАПУСТИН). Письма на Афон и в Афины / публ. К.А. Ваха при уч. А.А. Турилова и Л.А. Герд // Православный Палестинский сборник. – М., 2016. Вып. 112.
- БИБИКОВ М.В. Византийский прототип древнейшей славянской книги [Изборник Святослава 1073 г.]. – М., 1996.
- СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Древний византийский ковчежец // Известия РАО. – СПб., 1863. Т. 4.
- SPATHARAKIS I. The Portrait in Byzantine Illuminated Manuscript. – Leiden, 1976.

М.Н. БУТЫРСКИЙ
Государственный музей Востока
(Москва)

**ИМПЕРАТОРСКАЯ ПЕЧАТЬ:
ВАСИЛИЙ II ИЛИ КОНСТАНТИН VIII?**

Задачей настоящего сообщения является атрибуция византийского императорского моливдовула из частной коллекции (ранее не публиковался).

Печать оттиснута на широком и толстом свинцовом кружке правильной формы, без существенных утрат.

Размеры 30–33 мм, вес 31 г.

Сохранность: покрыта коричневой патиной; оборотная сторона немного де-центрирована влево.

Лицевая сторона. Бюст Христа Пантократора с крещатым нимбом, в хитоне и гиматии, благословляющего правой рукой, левой придерживающего кодекс. В поле по сторонам титлы: слева – [ΙC]; справа – ΧC. Круговая надпись неразличима.

Оборотная сторона. Погрудное изображение императора анфас, с короткой клиновидной бородой, в венце с треугольным начельем и

подвесками, лоратном облачении, с лабарумом в правой руке и акакией в левой. Круговая надпись: ...ΕΙ.С ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡ.

В чём заключается проблема атрибуции данного моливдовула? Его оформление характерно для печатей X–XI вв. Имя императора на оборотной стороне утрачено, однако портрет наделён рядом иконографических признаков, свойственных изображениям Константина VIII (1025–1028). Печати этого императора достаточно редки: например, они отсутствуют и в Каталоге собрания Dumbarton Oaks [Nesbitt 2009], и в собрании Г. Закоса [Zacos, Veglery 1972]. Для сличения выбраны экземпляры, опубликованные в каталоге императорских печатей Государственного Эрмитажа [Соколова 2007].

В эрмитажной коллекции находятся два моливдовула Константина VIII разной сохранности, и оба атрибутированы достаточно осторожно. Верификация портрета этого царя произведена по его золотым гистаменонам, на которых Константин представлен с длинной окладистой бородой, в венце и лоре, с акакией и лабарумом. Портрет на эрмитажной печати [Соколова 2007: 60, 61, № 101] полностью воспроизводит данный тип за малым исключением: потёртость экземпляра не мешает видеть, что абрис лика иной, поскольку изображён правитель либо с очень короткой бородой, либо вовсе без неё. Однако в круговой надписи на печати уверенно читается «Константин», что и дало основания И.В. Соколовой «отдать» её Константину VIII (печати Константинов VII и IX имеют другой тип портрета).

Другая эрмитажная печать [Соколова 2007: 61, № 102], худшей сохранности, имеет значительные утраты. В остатках легенды читается: ΠΤΙ...ΑΥΤΟCΡ. Форма бороды близка её трактовке на предыдущем экземпляре.

Портрет императора на публикуемой печати полностью повторяет тип обоих эрмитажных экземпляров, однако сопутствующая ему легенда оставляет возможность для иной атрибуции: перед титулом «автократор» можно разобрать ΕΙ[Ο]C. Так могло оканчиваться только имя брата и соправителя Константина VIII, его предшественника на посту главы империи, Василия II Болгаробойцы (976–1025), чьи многочисленные печати хорошо известны, однако их портретный тип не имеет вышеописанных деталей (в правой руке сфера с крестом, лабарум отсутствует).

Атрибутируемая печать, совмещающая в императорском бюсте на реверсе детали, свойственные как иконографии портрета Василия II, так и Константина VIII, вероятно, представляет собой ранее неизвестный, «гибридный» тип моливдовула старшего из братьев-царей.

Библиография

Соколова И.В. Печати византийских императоров. Каталог коллекции. — СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007.

Nesbitt J. W. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Volume 6: Emperors, Patriarchs of Constantinople. Addenda.

— Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 2009.

Zacos G., Vegliery A. Byzantine Lead Seals. — Basel, 1972. Vol. 1.

Н.В. ГИНЬКУТ

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА ИЗ РАСКОПОК ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО

За время раскопок генуэзской крепости Чембало было исследовано более 10 объектов: оборонительных сооружений, церквей, построек хозяйственного назначения и жилых помещений. Накопленный материал генуэзского периода существования крепости разнообразен и в количественном отношении значителен. Основой массового археологического материала стала поливная керамика. Среди множества находок внимание привлекли несколько фрагментов открытых сосудов с изображением человека*.

Это чашка и чаша полусферической формы, тарелка, а также дно на кольцевом поддоне сосуда открытого типа (возможно, чаши). Четыре сосуда изготовлены в византийских центрах, а один – небольшая чашка на кольцевом поддоне местного производства (Чембало). Изображения на упомянутых сосудах византийской продукции выполнены в модном для XIV в. сочетании техник «sgraffito» и «champlevee», сосуды покрыты лимонно-оливковой или желтой поливой по внутренней поверхности и зеленой по внешней. Орнамент на местной чашке исполнен в технике «sgraffito», и сосуд покрыт желтой поливой по внутренней поверхности. Все изображения различны, носят светский характер и характеризуют городскую культуру того времени.

На одной чаше (КО 37604/1, найдена в пространстве между куртиной и домом; квадрат 3) изображен бородатый мужчина средних или преклонных лет, одетый в далматику с орнаментальной отделкой по горловине и рукавам, изображение сохранилось только верхней части (рис. 1,1). Подобная одежда была широко распространена в Византии, а отделка характеризует ее праздничное назначение.

Рис. 1. Фрагменты открытых сосудов с изображением человека из раскопок крепости Чембало.

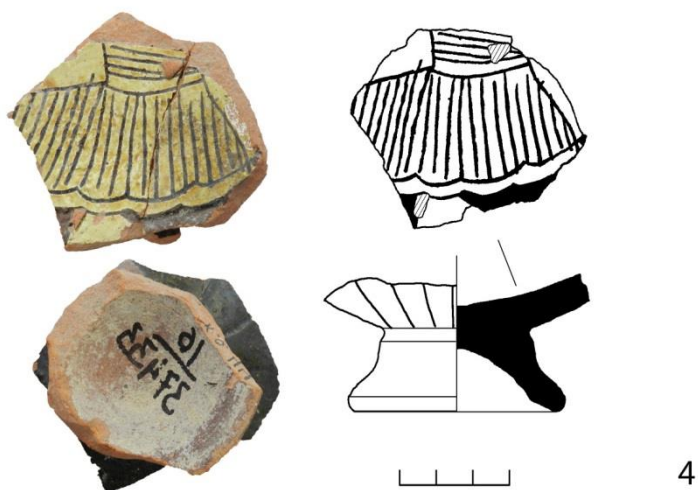

Рис. 2. Фрагменты открытых сосудов с изображением человека из раскопок крепости Чембало.

На фрагментах небольшой тарелки (блюда) (КО37509/6, найдена у куртины башни 8;участок В) с сюжетным рисунком (рис. 2,3) сохранилась верхняя часть изображения стоящих в рост двух молодых людей, одетых в модные для того времени западноевропейские *беретто* и возможно, *шаперон-буреле*. Юность облика подчеркнута тщательно выбритым лицом, что считалось идеальным в Италии для молодого человека XIV – начала XV вв. Возможно, это молодые негоцианты, прибывшие в Константинополь или Фессалоники с торговыми целями. Еще на одном фрагменте дна сосуда (КО 37433/16, найдена у Башни № 2, в пространстве между куртиной крепостной стены и домом № 2) византийского производства изображен фрагмент одежды, возможно, небольшой куртки (*соттовесте*, *брагони*, *фарсетто*, *претине* или *джорне*), перетянутой в талии поясом, подчеркивая стройность фигуры (рис. 2,4). Данная одежда была популярна среди молодых людей Италии эпохи Ренессанса. Производство данных сосудов, по мнению ряда исследователей, было в нескольких византийских центрах конца XIII–XIV столетий, и, в частности, в Константинополе и Фессалониках. В большинстве случаев орнаментальные композиции содержали растительные и геометрические композиции.

Вышеописанные сосуды датируются в пределах второй половины XIV в.

На небольшом фрагменте дна на кольцевом поддоне чашки производства крепости Чембало (КО НФВ 1204/8, найдена в пространстве между куртиной крепостной стены и домом; квадрат 1) сохранилось лицо молодого человека с развевающейся прической, выполненное в профиль и заключенное в стилизованный медальон (рис.1,2). Изображение человеческого лика в технике «sgraffito» было популярно на архаической керамике итальянской провинции Эмилии – Романии в конце XIV – первой половине XV столетия. Позднее, в конце XV–XVI столетиях изображение лиц и различных сцен из жизни на итальянской майолике стало широко распространено. Фрагмент сосуда из крепости Чембало датируется в пределах конца XIV – первой половины XV вв.

Небольшая коллекция поливных сосудов из раскопок генуэзской крепости Чембало с изображением человека расширяет наши представления о географии поступления керамики, о вкусах и предпочтениях населения городских приморских центров генуэзского периода, а также еще раз свидетельствует о синтезе культур в поздневизантийскую эпоху в регионе.

* Выражаю глубокую признательность Н.А. Алексеенко, С.В. Дьячкову, С.Б. Адаксиной, В.Л. Мышу, С.В. Ушакову за возможность использовать материалы раскопок, а также И.Б. Гусаковой и К.В.Зыковой за помощь в подготовке иллюстраций.

А.А. ЕВДОКИМОВА
Институт языкознания РАН
(Москва)

ФОРМУЛЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ НАДПИСЕЙ АФИН И САЛОННИК. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Для данной работы были проанализированы все доступные по базе РНІ7 надписи из Афин (368 надписей) и из Салонник (12 надписей). В обоих городах наиболее распространенной формулой ядра является формула, содержащая наименование могилы.

Для Афин самый частотный вид погребения в надписях – «κοιμητήριον» + Р.п. умершего – всего 141 надпись в такой формуле и 5 надписей без датировки в более пространным варианте «κοιμητήριον διαφέρων» + Д.п. (принадлежащий). Рассмотрим распределение по орфографическим вариантам: «κοιμητήριον» – V–VI вв., 73 надписи без даты, из которых 38 с утратой части слова, и в них издатели восстановили, по обычаю, слово в классическом написании. Остальные в порядке убывания: «κυμητήριον» – IV–V вв., 45 надписей без даты, «κυμιτήριον» – пять надписей без даты, «κυμητήριον» – четыре надписи без даты, «κοιμητ[ί]ριον» – две надписи без даты, «[κ]οιμητήριον» – две надписи без даты, «κυμητ[ί]ήριον» – надпись без даты, «κυμ[ητή]ριον» – надпись без даты. Эпитетов к этому месту погребения немного: «οἰαλᾶ {ὑαλᾶ}» (стеклянный), «ἐώνιον» (вечный). Последний часто сочетается и с другими названиями могил, обычно с эвфемизмами со значением *дом, жилище*.

Дополнения можно разделить на несколько категорий: традиционные христианские формулы (например, «πλι<σ>ίον τοῦ ἀρχαγγέλου» (рядом с архангелом) или «τῶν μακαρίων» (блаженных)), христиански ориентированные фразы и цитаты, восхваляющие Господа; классическая дополняющая ядро погребальная формула со словом «μνημη» в Р.п. и разными эпитетами к нему («ἀλησμονήτης», «μακαρία»), а также модификации античного проклятья для осквернителей могил

(например, «ὁ θεὸς ὁ κατακρίνας τὸν Ἰούδαν μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος, αὐτὸς τὸ κατάκριμα δόξῃ τοῖς μελλόντος ἀνῶγειν τὸ μνήμα τοῦτο κ(αῖ) ἕτερον κατατίθιν εἰς αὐτὸ ἀμήν» [Κωνσταντόπουλος 1900: 21, 1.1] (Бог, осудивший Иуду до скончания веков, сам осуди тех, кто в будущем откроет памятник этот и положит в него кого-то другого, аминь).

Характеристики умерших, в основном, по профессии, из которых пять раз встречается чтец («ἀναγνώστου») в разных вариациях, с уточнением церкви, где служит, и без него. А также дважды «κοῦρσορος» (бегун), «πλακουνταρίου» (пекарь лепешек), «χάρκε[ω]ς» (медник), «τροχαδαρίου» (сапожник), «σιρκαρίου» (шелковых дел мастер), «ἱητροῦ» (врач), «λίθο[κόπο]υ» (каменотес), «ὕδραγουγοῦ καὶ ἀχιτέκτωνος τῶ<ν> ὑδάτων» (V–VI вв., водопроводчик и архитектор источников), «πρεσβυτέρο[υ]» (пресвитер), «διακό[νου]» (дьяк), «κουρέος» (цирюльник), «οἰκοδόμου» (строитель), «μύλινα(ρίου)» (мельник). А для женщин обозначение родственных связей, как «[γ]αμε[τ]ῆς» и «γαμικῆ[ς]» (невеста), «τῆς τοῦτο[υ] μ[η]τρός» (его мать).

Следующей в этой категории формул ядра будет: «οἰκητήριον» (жилище) + Р.п. умершего – 12 надписей, основная масса которых без даты. Из них одна надпись датируется III–IV вв., а во второй употреблен орфографический вариант «ὠκητήριον». Синонимичное им «κατο[ι]κητήριον[υ]» встречается в надписях дважды, также без даты. Среди профессий «μαγείρου» (повар), «πλακουνταρίου» (изготовитель лепешек, III–IV вв.), «μοναχῆς» (монахиня, наименованию которой сопутствуют в данной надписи много эпитетов, традиционных для слова «μνήμη»). Дополнение только одно, к семейному погребению, с предупреждением об уплате штрафа золотом в случае, если кто осмелится потревожить покойников. Синонимичное «οἰκητήριον» выражение «οἰκήματα διαφέροντα» встречается только в одной надписи без даты.

Вариант наименования погребения «μνημ[όριον]» + Р.п. умершего – представлен в Афинах тремя надписями без даты. В одной из них упомянута профессия σιρκαρίου (шелковых дел мастер) и уточнение, что последний был слугой анфипата Плутарха. Представлен также и вариант сочетания формул «[μνημ]όριον» + «ἔθα κίτε», являющийся надписью чтеца без даты. Однокоренное предыдущему названию погребения «μνήμα» + Р.п. – три надписи без даты и каких-либо уточнений. Как и в предыдущем случае, есть еще вариант «[μ]νήματα διαφέροντα» – также одна надпись без даты.

По две надписи для каждого названия в Афинах у следующих слов: 1) «τῦνβος» + Р.п. умершего – две надписи без дат, одна из которых содержит презентацию памятника в виде обращения «ὦ ξέναι» (к незнакомцу), который увидит эту могилу. 2) «θήκη» + Р.п. имени умершего – одна надпись IV в. и одна без даты. «ἡ θήκη διαφέρει» + Д.п.

умершего – надпись без даты. В этой надписи дополнением выступает традиционное проклятие, начинающееся с обычного условия «[εἰ τις] τολμήη» (если кто-то осмелится), надо отметить, что проклятия в византийских надписях Афин встречаются гораздо реже, чем в надписях из Малой Азии и других регионов. Однокоренное «θηκίον» + Р.п. умершего представлено одной надписью без даты. 3) «τόπος» + Р.п. умершего – две надписи без даты. В обоих случаях это семейные погребальные памятники. Как и в единственной надписи без даты с формулой «οὐκ ἔστιν αἰώνιος» (вечный дом) + Р.п. умершего.

Для Салоник, при достаточно малом числе опубликованных погребальных надписей рассматриваемого периода, самым распространенным является простое наименование могилы «τάφος» – пять надписей, и все датированы в промежутке XIV–XV вв. Одна принадлежит ктитору, другая дяку, третья содержит фамилию, четвертая две монограммы, позволяющие датировать ее. Самая любопытная – пятая, XIV века, предлагающая помолиться 318 святым отцам тому, кто пожелает открыть могилу. Одна надпись 1348 г., принадлежащая иеромонаху, использует синоним «τύμβος» для обозначения могилы. Другая надпись II–III вв. употребляет эвфемистическое выражение «ἐὼς <v>ιον οἴκου» (вечный дом). А в третьей недатированной используется выражение «κοιμητήριον() διαφέ[ρον(τα)].

Следующий ряд разбираемых нами формул в погребальных надписях выбранных регионов, когда ядром формулы служит глагол. Самый частотный вариант для Афин – «ἐτελιώθη» (скончался) + Им.п. умершего + дата – насчитывает всего 87 надписей. Из них большая часть представляет формулу в более полном виде: «ἐτελιώθ(η)/ ἐτεληόθ(η) /ἐτελειώθ(η) ἐν Κ(υρί)ῳ/ ἐν Κ(υρί)ῳ» + Им.п. 46 надписей – пять без даты, 863 г., 896 г., 893–991 гг., 912 г., 914 г., 918 г. (2), 919 г. (2), 943 г., 949 г., X в., 1006 г., 1055 г., 1058 г. (2), 1060 г. (2), 1061 г., 1062 г., 1064 г., 1068/9 г., 1070 г. (2), 1071 г., 1086 г., XI в. (2), 1103 г. (2), 1108 г., 1121 г., 1153 г., 1160 г., 1162 г., 1169 г., 1171 г., 1175, XI–XII вв. (2), 1314 г. «ἐτελιώθη»/ «ἐταλιόθι»/ «ἐτελιόθη» 38 надписей – без даты, 693 г., 702 г., 704 г., 713 г., 779 г., 793 г., 768 г. или 813 г., VIII–IX вв., 819 г., 841 г., 848 г., 879 г., 881 г., 898 г., 913 г., 921 г., 926 г., 929 г., 941 г., 959 г., 966 г., 967 г., 975 г., X–XI вв., 1006 г., 1030 г., 1041 г., 1045, 1052, 1062 г., 1070 г., 1092 г., XI в. (2), 1118 г., XII в. (2). И небольшое число синонимично самому частому варианту: «ἐ<τ>ηλη(ώ)θ(η) ἐ[ν] Χ(ριστ)ῷ» 1022 г., «ἐτεληόθ(η)/ ἐτεληώθ(η) [ἐ]ν θ(εῷ)» XI в., 1061 г. Сопутствующие эпитеты умерших указывают на деятелей церкви разного ранга, включая митрополитов (например, «ὁ ἁγίωτ(α)τ(ος) ἡμῶν μ(ητ)ροπο(λί)τ(ης) κύρ» 1153 г.). На все количество надписей 12 митрополитов, 7 архиепископов, 11 епископов, 2

протосинкела, 1 синкел, 1 протоспафарий и т.д. Вполне закономерно, что еще одним частотным сопутствующим эпитетом в надписях этого круга является традиционное «ὁ/ ἡ δοῦλ(ος) τοῦ θε(ο)ῦ».

Таким образом, объяснимым становится дополнение: «ὁ Κ(ύριος) στέψ(η) αὐτ(όν)» [CIG 1877: пг. 9332.1] (Господь, увенчай его).

Синонимичный ему в контексте погребальных надписей, но более редкий в Афинах «ἐκοιμήθη» – всего пять надписей, со следующим распределением: «ἐκυμηθ(η)» 893–991 гг. н.э., и в более расширенных вариантах: «ἐκοιμήθη ἐν ἱρήνῃ» без даты, «ἐκοιμήθη ἐν Κυρίῳ» две надписи 1223 г.н.э., одна византийского времени. Три из них относятся к служителям церкви разного ранга, а в двух встречается фамилия умершего.

Второй синоним «ἀναπαύω» – четыре надписи без дат: в варианте «[ἀν]άπαυ[σον]» – две надписи, а в остальных по одной: «ἀν[απ]α[ύεται]», «ἀναπαύσατο». Все надписи содержат либо обращение к Богу, либо традиционные христианские эпитеты умерших, либо и то, и другое. Указания на профессии отсутствуют. С «ἀπέλεσεν» + название месяца – одна надпись без даты и с «θανοῦσα» также одна надпись III–IV вв. с пространством описанием умершего.

В Салониках из этого рода формул встречается только глагол «ἐκοιμήθη», всего две надписи. Одна 1359 г., вторая очень пространная с подробным восхвалением умершего 1481 г.

Другой разряд формул задает выражение: «ἐνθάδε κεῖτ(αι)» (здесь лежит). В Афинах встречается в 19 надписях со следующим выбором глагольных форм и орфографических вариантов: «ἐνθάδε κεῖτ(αι)» – пять надписей без даты, «ἐνθάδε[]κ[ι]τε» – III–IV вв., шесть надписей без даты, «ἐντα(ῦ)θα κεῖτ(αι)» 1045, «ἐνθάδε κεῖμαι» – две надписи без даты, «ἐνθάδε κῖμε» – одна надпись без даты, «ἐνθάδε κατάκειται» две надписи без даты, «ἐν[θ]άδ[ε] κῖται» – одна надпись без даты. Синонимичное выражение «ἐνθάδε κατοικεῖ» (здесь обитает) – одна надпись без даты, и в другом написании также одна «ἐνθάδε κατοικῖ» и тоже без даты. Помимо профессий «διακόνισσα» (дьяконисса), «μυλιν(α)ρίου» (мельник), «ὑπ[ο]διακόνου» (иподьяк) в этих памятниках встречаются и традиционные эпитеты умершим, например: три раза «ὁ τῇν μακα[ρίαν] μνήμ[η]ν» (блаженной памяти) или «σ[τ]ῶφρων δοῦ[λ]η θεοῦ» (целомудренная раба Божия), или указание на место жительства «Θεσ[σ]αλονι[κ]έως[]» (из Салоник). Дополнения делятся на два вида: варианты проклятий осквернителям могил, больше похожие на обещания небесной кары в разных видах (в трех надписях) и призывы к братьям во Христе (в двух надписях). Синонимичный вариант «ἐν[θ]άδε τέθαπται» XI в. без эпитетов и дополнений представлен только одной надписью.

В Салониках «ἐνθάδε κεῖτε» III–IV вв. в надписи возницы и в варианте «ἐν)θάδε() κεῖτ(αι)» 1333/4 г в надписи архиепископа. В первой из них довольно подробно изложено, что ожидает рискнувшего осквернить данную могилу, при этом для наименования погребения используется слово «σπορὸν».

Следующая группа формул содержит в ядре глагол «μνήσκω» – 32 надписи. Предлагающие такие варианты написания: «μῆστ[ητ]η / μνήστητι / μνήσθητι / μνήσ)θειτι, Κ(ύρι)ε» 28 надписей без даты, XIII–XIV вв., «[Κ(ύρι)ε μν]ήσ[θητι]» – одна надпись IX в., «ἐμνήσθην)/ «ἐμνήσθη» – две надписи без даты, «μ)νησθῆ») – одна надпись без даты. Сопутствующие фразы «ἐν τῇ βασιλείᾳ σου» (во царствии Твоем), «κατ[ὰ] [τὸ π]λῆθος/ πλῆθος τῶν [οἰκτιρ]μ(ῶν) σου» (по величине сострадания Твоего), «δὸς αὐτ(ὸν) ἄφεσιν ἁμαρτιῶ[ν] τῇ ἡμέρᾳ τῆς κρίσε(ος)» (дай ему опущение грехов в день суда).

С формулой «ὕλασθητὶ τεῶς ἁμαρτίες μου» – две надписи без даты, обе из Парфенона с традиционными обращениями к Господу. И еще одна надпись также без даты из Парфенона с формулой «φῆσε, Κ(ύρι)ε, τῆς ψυχῆς τοῦ δούλου σου» (подтверди, Господи, душу раба своего).

Без формулы ядра 45 надписей на территории Афин. С использованием вместо них Им.п. умершего 33 надписи: 14 надписей без дат и других данных, 11 надписей служителей церкви различного ранга от чтеца до митрополита, 6 без дат с разного рода эпитетами умершим или указанием родственных связей. Одна датированная с упоминанием фамилии умершего 1482/3 г. и одна с использованием выражения «ἐν ἱρήνῃ θεοῦ» (в мире Божьем). С Р.п. умершего 11 надписей. Из них 7 надписей без дат, состоящие из одних имен. 3 надписи без дат с разного рода эпитетами умершим или указанием профессии. И одна надпись из Парфенона 848 г., где есть дата и должность, но имя умершего утрачено. С Д.п. только одна надпись V в.

Таким образом, для Афин можно выделить погребальные формулы, предпочитаемые для служителей церкви, обычно содержащие даты и глагол в качестве ядра, и используемые для простых людей разных профессий формулы, заданные существительными со значением погребения, чаще всего без дат в тексте. По сравнению с Малой Азией количество сопутствующих проклятий осквернителям могил невелико.

Библиография

ΚΩΝΣΤΑΝΤΟΠΟΥΛΟΣ Κ.Μ. Ανέκδοτοι ἐπιγραφαὶ ἐπιτύμβιοι χριστιανικῶν χρόνων // Ἀρμονία 1 (1900) 21,1.1

Corpus Inscriptionum Graecarum (CIG). – Berlin: 1877.

М.М. КАЗАНСКИЙ
Centre national de la recherche scientifique (SNRS)
UMR 8167 «Orient et Méditerranée»
(Paris, France)

О ПОЯВЛЕНИИ ГЕПИДОВ В КРЫМУ В VI ВЕКЕ

Начиная с середины V в. в материальной культуре варварского населения Крыма хорошо заметно влияние восточных германцев Балкан, Среднего Дуная и Италии. Так, в женском костюме Боспора Киммерийского отмечены предметы гепидского происхождения, в основном VI в., а дериваты этих вещей хорошо известны в готских некрополях типа Суук-Су в Юго-Западном Крыму, VI–VII вв. [Амброз 1968; Айбабин 1990].

Это, прежде всего, большие поясные пряжки, украшенные орлиными головами, которые входят в состав женского восточногерманского убора с парными двупластинчатыми или пальчатыми фибулами. Крымские орлиноголовые пряжки явно местного происхождения (Хайрединова 2000), хотя их самые ранние экземпляры, происходящие из Керчи и Тамани (рис. 1), явно восходят к гепидским образцам первой половины – середины VI в. По классификации М. Надь [Nagy 2002] ранние крымские пряжки гепидского происхождения принадлежат двум типам:

Тип I (рис. 1,2), так называемый трансильванский (Керчь, погр. 152. 1904 г.); тип II (рис. 1,1), «дунайский», распространенный в области Сирмия и в Мезии I, т.е. на территории современной северной Сербии (Керчь, неизв. происх.: рис. 1.3; Тамань, коллекция Запорожского).

Кроме того, на Боспоре Киммерийском найдены пальчатые фибулы с растительным и геометрическим декором, типичные для гепидов (рис. 2). Две из них (рис. 2,3-4) обнаружены в коллективном захоронении, в контексте первой половины VI в. (Керчь, погр. 78. 1907 г.). Они имеют параллели в гепидских древностях бассейна Тиссы [Kazanski 2013: 121]. Другие пальчатые фибулы с территории Боспора Киммерийского (рис. 2,1-2), с декором на ножке в виде цепи (Керчь, неизв. происх. и погр. 66. 1905 г., согласно А.К. Амброзу, хотя в опубликованном отчете раскопок

В.В. Шкорпила эта фибула не упоминается) известны в первую очередь у гепидов Трансильвании, региона Сирмия и Мезии I [Kazanski 2013: 121]. Наконец, довольно большие фибулы с растительным декором (рис. 2,5-6) (Засецкая 1998: табл. VIII,112-113), видимо, еще конца V в. имеют наиболее близкие аналогии в Трансильвании (рис. 2,7) [ср. Kühn 1974: Taf. 243.4,26, 244.4,29].

Необходимо подчеркнуть, что достоверно гепидские вещи, найденные в Северном Причерноморье, датируются в основном концом V – первой половиной VI в., более поздние импорты из Гепидии сюда не попадают. При этом в Крыму встречены пряжки и фибулы, характерные для всех трех групп дунайских гепидов, выделяемых по археологическим памятникам – трансильванской, тисской и сирмийской [см. карту: Bóna 1976: 36, 37]. Поскольку подобные гепидские вещи встречены и в причерноморский Мезии II (территория современной восточной Болгарии), то можно предположить, что эти элементы убора, а также их владельцы, попали в Крым морем, из Фракии, в то время подконтрольной Византии. Иные пути попадания гепидских вещей в Крым возможны (например, через Поднепровье, где гепидское влияние в VI в. проявляется в славянском фибульном уборе [см.: Казанский 2014]), но представляются мне менее вероятными.

Какие-либо данные письменных источников о контактах Крыма с гепидским королевством, или же о присутствии гепидов в Крыму отсутствуют. Точно также, нет никаких прямых свидетельств о присутствии гепидов Трансильвании или Тиссы на территории Византии. Зато для региона Сирмия (римская провинция Паннония II) сообщения древних авторов освещают некоторые аспекты византийско-гепидских контактов [Pohl 1980: 288–301]. В первый раз гепиды занимают этот регион в 473–474 гг. и держат его до 504–505 гг., когда Сирмий захвачен остроготами. Нападение остроготов на гепидов спровоцировало войну между остроготами и Империей, покровительницей гепидов. В конечном итоге император Анастасий уступает Сирмий итало-остроготскому королевству в 510 г. Не исключено, что нападение остроготов на Сирмий в 504–505 г. вызвало миграцию гепидов в причерноморские провинции Византии, т.е. в Мезию II, но это лишь одна из возможностей. В самом деле гепиды, несомненно (хотя бы частично), остаются в области Сирмия под властью остроготского короля и даже участвуют в 523 г. в войне остроготов с бургундами в Галлии [Stein 1949: 250].

В 530 г. гепиды в союзе с герулами, при участии полевого командира Мунда и его бандитов, и с молчаливого согласия византийского императора атакуют остроготский Сирмий, однако их атака отбита. Тем не менее в 535 г., в начале Готской войны, армия Юстиниана всё же

занимает Сирмий. Вполне возможно, что захваченные в плен в ходе этой операции остроготы, а также их гепидские союзники, депортированы на восток, во Фракию, а может быть, даже и в Крым. Действительно, по дате византийское завоевание Сирмия более или менее соответствует отправке юстиниановского экспедиционного корпуса на Боспор Киммерийский против захвативших его гуннов. Привлечение к охране границ Империи на дальних рубежах только что захваченных военнопленных вполне соответствует стилю византийской военной политики, как об этом свидетельствует, например, депортация вандалов из Африки на персидскую границу, организованная тем же Юстинианом (Прокопий, *Война с вандалами*, II.14.17-18). Военная депортация готов и гепидов в Крым около 535 г., вместе с их семьями, может быть причиной появления в Северном Причерноморье восточногерманского костюма с пальчатыми фибулами, включавшего как остроготские, так и гепидские элементы [Веймарн, Амброз 1980: 260].

Не позднее 537 г. гепиды вступают в конфликт с Империей и захватывают Сирмий, а в 539 г. они побеждают византийскую армию Каллыуса и убивают самого полководца. В 541 г. присутствие гепидов отмечено в гвардии короля италийских остроготов.

Итак, в ходе Готской войны гепиды занимают по отношению к Византии откровенно враждебную политику, что вполне оправдывает их депортацию из Сирмия. Война между гепидами и союзными Византии лангобардами в 549–552 гг. еще более усугубляет вражду Юстиниана к гепидам. Наконец, в 567 г. авары громят гепидское королевство и захватывают провинцию Паннония II [Demougeot 1979: 835, 83]. Можно предположить, что некоторое количество гепидов, захваченных в плен лангобардами и византийцами в 549–550 гг., а также беженцы, уходившие от аварского нашествия, могли оказаться на византийской территории, а впоследствии и в Крыму. Но к этому времени элементы гепидского костюма уже прочно вошли в состав крымского варварского убора, насколько можно судить по закрытым погребальным комплексам.

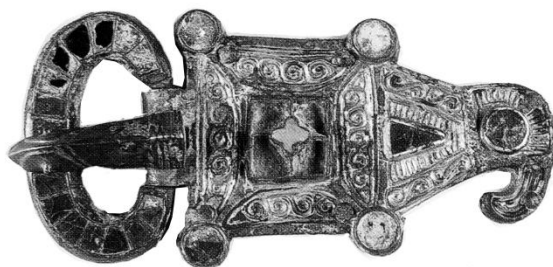
Таким образом, у нас есть основания связывать распространение предметов гепидской материальной культуры с военно-политическими событиями в регионе Сирмия в 504–535 гг.

1

2

3

Рис. 1. Гепидские орлиноголовые пряжки из Северного Причерноморья:
1 – Тамань; 2 – Керчь, погребение 152 (1904 г.);
3 – Керчь, неизвестного происхождения.
(по Kazanski 2013).

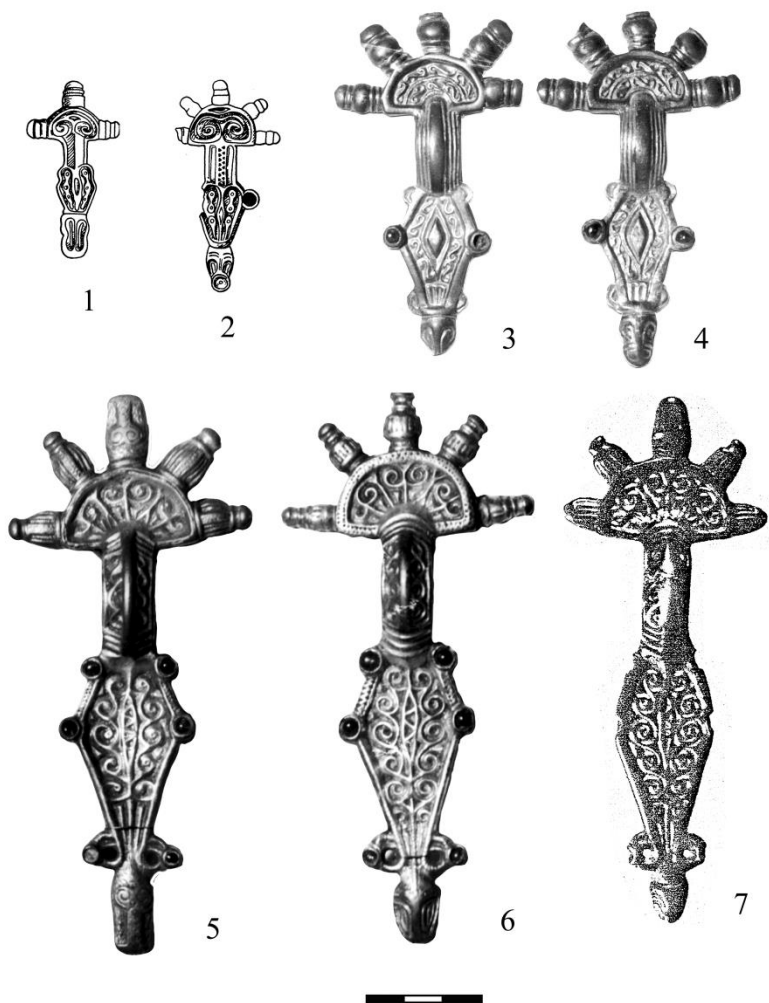

Рис. 2. Гепидские фибулы из Северного Причерноморья (1–6) и их некоторые параллели (7).
 1, 2, 5, 6 – Керчь, происхождение неизвестно; 3, 4 – Керчь, погребение 78 (1907 г.); 7 – Клуж.
 (1, 2 – по Амброз 1968; 3–6 – по Засецкая 1998; 7 – по Kühn 1974).

Библиография

- АЙБАБИН А.И., Хронология могильников Кыма поздне римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. — Симферополь, 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.
- АМБРОЗ А.К., Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI–VII вв.) // КСИА. — 1968. Вып. 113. С. 10–23.
- ВЕЙМАРН Е.В., АМБРОЗ А.К., Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288) // СА. — 1980. № 3. С. 247–262.
- ЗАСЕЦКАЯ И.П., Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. — Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 394–478.
- КАЗАНСКИЙ М.М., Славяне и дунайские германцы в VI веке: свидетельства письменных источников и некоторые археологические данные // В: Токарева Е.П., Лушин В.Г. (отв.ред.). Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. — Зимовники, 2014. Кн. I. С. 175–200.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А., Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. — Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 91–133.
- BÓNA I. A l'aube du Moyen Age. Gépides et Lombards dans le bassin des Carpates. — Budapest, 1976.
- DEMOUGEOT E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. II.2. De l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle. — Paris, 1979.
- KAZANSKI M. Les Gépides et la Crimée // Starinar. — 2013. Vol. 63. P. 115–130.
- KÜHN H. Die Germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. — Graz, 1974.
- NAGY M. Die Gepidischen Adlerschnallen und ihre Beziehungen // Budapest Régiségei. — 2002. Vol. XXXVI. P. 363–392.
- POHL W. Die Gepiden und die gentes an der mittleren Donau nach dem Zerfall des Attilareiches. In: Wolfram H., Daim F. (dir.), Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. — Wien, 1980. S. 239–305.
- STEIN E. Histoire du Bas-Empire. Tom II. De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476–565). — Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949.

Т.М. КАЛИНИНА
Институт Всеобщей истории РАН
(Москва)

РАССКАЗ АРАБА – ВИЗАНТИЙСКОГО ПЛЕННИКА ИЗ КНИГИ ИБН ХАУКАЛА (X в.)*

Ибн Хаукал ан-Нисиби, представитель «классической школы» арабских географов X в., был автором географического произведения «Книга путей и стран». Рукопись из Стамбула 1086 г. является наиболее старой, она включает в себя текст и карты описываемых регионов [Крачковский 1957: 198–205; Miquel 1986: 786–788]. Толчком для написания сочинения Ибн Хаукалу послужила его встреча со своим старшим современником Абу Исхаком ал-Фариси ал-Истахри и знакомство с его трудом. Ибн Хаукал, по согласию с ал-Истахри, использовал его материалы для своей, завершённой в 977 (или 988) г., книги [Крачковский 1957: 196–198; Miquel 1997: 222, 223; Kramers 1932: 9–30]. Основоположником же этой географической школы был Абу Зайд ал-Балхи (ок. 850–934), написавший около 920 г. трактат «Изображение семи климатов» (в источниках встречаются и другие названия) [Крачковский 1957: 195, 196; Watt 1983: 399, 400]. Данные этого произведения использовали и ал-Истахри, и Ибн Хаукал. В этих трудах главная роль отводилась описанию мусульманских стран, поэтому за ними закрепилось название «Атласа ислама». Сочинения содержали круглые карты мира и карты отдельных регионов; тексты были посвящены описанию территорий, морей, стран, а также отдельных карт [Крачковский 1957: 194–218; Tibbets 1992: 108–129]. На картах и в текстах трудов ал-Истахри и Ибн Хаукала уделено внимание Византии.

Оба произведения содержат описание *бахр ар-Рум* («моря Византии»), т.е. Средиземного. По воззрениям наших авторов, оно включало в себя водный массив от Гибралтара до Сирии, который далее поворачивал к северу и становился Константинопольским проливом, шедшим единым потоком до Окружающего океана на севере. Понятие об Окружающем океане, омывающем населенную землю, перешло к арабам

от античной традиции. Черное и Азовское моря не были выделены и поименованы на картах этих авторов.

Ибн Хаукал предоставил гораздо более обширную, чем ал-Истахри, информацию о море Рума, навигации на нем, прибрежных странах и областях. В географическое описание этого моря Рума были вставлены ремарки оригинального характера. Одна из них была посвящена Византии:

«Я слышал, как Абу-л-Хусайн Мухаммад Ибн Абд-ал-Ваххаб ат-Талл Музани, мужчина, которому было более ста лет, но он находился в здравом уме и был благочестивым – рассказывал: «Меня вели из Камаха (Кемах, к юго-западу от Эрзинджана – *Д.М.*; *здесь и далее отдельные византийские соответствия арабским терминам и названиям принадлежат Д.Е. Мишину и Т.М. Калининой*), процветающего византийского города, выгодно расположенного на царской почтовой дороге, до ал-Кустантинийи 186 баридов (барид – арабская мера длины, равная 4 фарсахам, фарсах – 6–7 км – *Т.К.*). Когда же я покинул ал-Кустантинийу и выехал обратно, я направился в Анкиру, большой разрушенный город (Анкира была разрушена во время битвы за город Аморий в 838 г. – *Т.К.*), в Малатийу, [проделав путь в] 128 баридов. От Камаха до Сарихи (Сариха – может быть, современная Зара (др. Галис) на р. Кызылрмак, северо-восточнее Сиваса – *Д.М.*) – 2 дня пути, а оттуда до города Харшана (фема Харсианон – *Д.М.*) – также 2 дня пути. Затем меня вели через другие процветающие города, названий которых я не знаю, далее – к Сагари (река в северо-западной части Малой Азии, впадает в Черное море – *Т.К.*), которая находится на берегу реки Алис (‘Алис – Кызылрмак в Малой Азии, впадает в Черное море восточнее Синопа – *Т.К.*). Мы переправились на корабле и на корабле же проделали по озеру [путь] в 6 фарсахов. Мы двигались на борту [корабля] ещё день к городу, известному как Никомидийа. Оттуда мы плыли по морю два дня и прибыли в город, известный как Халкидонийа. Мы остановились там, а затем, на рассвете, нас повели [снова]; мы поплыли по заливу и утром достигли ал-Кустантинийи. Барид у них – это фарсах. Я слушал, как он рассказывал: «У царя за царским дворцом четыре тюрьмы для заключённых, где содержатся царские узники в надлежащих условиях (исследователи перечисляют несколько тюрем: Халке, Нумера, Элефантин, Буколеон, Анема, Прандиара, из которых здесь правильно названы только две – *Т.К.*). Одна из них известна как ал-Таркасис (возможно, Фраксион или Тракесион по мнению Д.Е. Мишина; вероятно, здесь рассказчика подвела память: он называет имя фемы, а не тюрьмы – *Т.К.*), другая – как ал-Убсик (так называлась фема Опсикион, а не тюрьма. – *Т.К.*), ещё одна – как ал-Булкилар (имя, созвучное феме Букелларион – *Д.М.*, однако здесь, вернее, искаженное название тюрьмы

Буколеон – *Т.К.*), а последняя – как ан-Нумура (тюрьма Нумера, а не название фемы Анемурион, как предположил Д.Е. Мишин – *Т.К.*)».

Он сказал: «Легче всего – ал-Таркасис и ал-Абсик, наиболее щадящие, ибо там нет оков, а в ал-Булкилар и ан-Нумура – трудно. Тех, кого задерживали сначала в царском дворце, затем заключали в ан-Нумуру, тесную, безотрадную, мрачную темницу».

Он сказал: «Когда нас вели, каждый день мы проходили по 15 – 20 баридов. Мы прибыли в ал-Кустантинийу из Камаха приблизительно за 10 дней. Мне известно, что между Камахой и Малатийей 10 мархала (мархала – дневной переход, пеший или конный – *Т.К.*), между Малатийей и Анкирой – 20 мархала, а оттуда до ал-Кустантинии – 10 мархала; таким образом, весь путь составляет 40 мархала».

Он сказал: «Я узнал, что у них следующий [по своему положению] за царём – *ал-лу'гтит* (логофет – *Д.М.*), он – визирь. За ним – *ал-фарх* (эпарх – *Т.К.*); в силу своего положения он носит две [пары] обуви – красную и чёрную, и никто, кроме него, в его присутствии так не одевается. Это оттого, что он имеет право выносить решения, решать дела, налагать подати и управлять, не советуясь с царём. После него – *ад-думустук* (доместик – *Т.К.*). Затем – *ал-батарика* (патрикий – *Т.К.*), их – двенадцать, ни больше и ни меньше, ибо если один из них умрёт, его место займёт другой подходящий [человек]. Затем – *аз-заравира* (*ал-заравира* (*зурара*?) – термин не ясен); их несметное множество, и они – как военачальники при эмирах. Затем – *ат-тарамиха* (*ат-тарамирха* – турмарх – *Т.К.*); они вторичны [по положению] и владеют богатством, [сами] из числа жителей ал-Кустантинии. Из них можно выдвинуться на положение *аз-заравира* и *ал-батарика*. Каждому, кто рождается в ал-Кустантинии, для *ат-тарамиха* полагается от царя содержание от рождения до конца жизни, в течение которой пожалования и содержание, получаемые им, могут быть большими или меньшими в зависимости от того, достиг ли он совершеннолетия или состарился; заслуживает ли он прибавки потому, что вошёл в число власть имущих вследствие знания политики, или в случае бедности, и прибавляется в случае отваги и храбрости, или же мудрости и сметливости. Если он становится монахом, то просит освободить его от пожалований, и царь освобождает его» [Orus geographicum 1939: 195].

Если, как пишет Ибн Хаукал, он слышал речь столетнего старца, то не исключено, что это был невольник, который участвовал в одном из обменов пленными между арабами и византийцами, практиковавшихся в IX в. Как представляется, в этом фрагменте собраны не только сведения старца о тюрьмах и путях, по которым возили заключенных, но также

информация самого Ибн Хаукала о чиновных лицах византийского двора**.

* Работа выполнена в рамках проекта «Трансграничные взаимодействия и контактные зоны: античный и средневековый опыт» (программа Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность»).

** Я глубоко благодарна моим коллегам Д.Е. Мишину и М.А. Курышевой за помощь в подготовке статьи.

Библиография

- КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Арабская географическая литература // Избранные сочинения. – М.; Л., 1957.
- ЛИТАВРИН Г.Г. Как жили византийцы. – М., 1974.
- K[AZH DAN] A. Prisons // The Oxford Dictionary of Byzantium. – New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 1723.
- KRAMERS J.H. La question Balhi-Istakhri-Ibn Hawqal et l'atlas de l'Islam // Acta Orientalia. – Leiden, 1932. Vol. 10.
- MIQUEL A. Ibn Ḥawqal // The Encyclopaedia of Islam. New Ed. – Leiden, 1986. Vol. III.
- MIQUEL A. Al-Istākhrī // The Encyclopaedia of Islam. New Ed. – Leiden, 1997. Vol. IV.
- Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī)... «Liber imaginis terrae» / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H. Kramers. – Lugduni; Batavorum, 1938–1939.
- TIBBETS G.R. The Balkhī School of Geographers // History of Cartographers. – Chicago; London, 1992. Vol. II. Book I: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies.
- WATT W.M. Abū Zayd al-Balkī // Enzyclopaedia Iranica. – 1983. Vol. I. Fasc. 4.

N. KANEV
Université Saint-Cyrille et Saint-Méthode
(Veliko Tarnovo)

**LE SCEAU DE PAKOURIANOS ARSAKIDES,
PROTOKOUIROPALATES DECOUVERT EN BULGARIE**

Au mois de Septembre 2014, au cours de fouilles de sauvetage à la ville de Pomorié (l'ancien Anchialos), un sceau byzantin très intéressant a été découvert (fig. 1). Le sceau a un poids de 7,52 gr. et un diamètre de 21–22 mm.

Une inscription de cinq lignes est écrite sur la face:

+ Τ..|ΓΡΑΦΑΣ|ΣΦΡΑΓΙ|ΖΩΝΑΚ..|ΡΟΠΑΛ

A l'envers il y a une inscription de quatre lignes:

ΠΑΚΟΥΡΙΑΝΟΥ|ΑΡΣΑΚΙΔΟΥ

+ Τ[άς] γραφάς σφραγίζων (πρωτο)κ[ου]ροπάλ(ατου)
Πακουριάνου τοῦ Αρσακίδου.

Datation : fin du XI s.

Parallèle: [Seibt 1994: 354, nr. 6b].

Le sceau est en bon état, même si son intégrité est légèrement modifiée à certains endroits de sa périphérie. La légende est assez lisible et reste tout à fait compréhensible. Les petites déformations du sceau n'empêchent pas de façon significative de conclure que le sceau est du même boullotèrion que l'exemplaire publié par prof. Werner Seibt.

J.-Cl. Cheynet a également mentionné un sceau inédit d'un protokouropalates des familles des Archakides et des Pakurianos [voir Cheynet 1996: 73, note 35], qui fait partie de la collection de Dumbarton Oaks (DO 58.106.3074) et qui est probablement identique au sceau édité par prof. Werner Seibt.

Quelles informations nous donne le sceau? Son propriétaire est un dignitaire byzantine d'origine arménienne (ou bien – d'origine arméno-géorgienne) Pakourianos Archakides portant le titre byzantin protokouropalates (πρωτοκουροπαλάτης), qui est inconnu par les sources écrites, ou du moins il n'est pas connu avec cette combinaison de noms et de titre. Le nom de Pakourianos (Bakourianos) est bien attesté comme un prénom au milieu de l'aristocratie arméno-géorgienne et aussi – sous la forme de Pakouriani (Bakouriani) – comme le nom d'une famille arméno-géorgienne très illustre qui fait partie de l'élite byzantine de la deuxième moitié de XI siècle et surtout – du temps d'Alexis I (1081–1118). Il nous semble tout à fait pertinent à se demander si les noms attestés dans la légende du sceau ici publié sont un prénom et un nom de famille, ou peut-être il est plus probable de supposer que ce sont les noms des deux familles à la fois célèbres et nobles – celles des Pakourianoï et Archakides, desquelles ce protokouropalates byzantin a prétendu être originaire. Dans le même sens va l'interprétation de J.-Cl. Cheynet concernant l'information du sceau de plomb de Dumbarton Oaks dans sa publication citée.

Il y a un certain nombre des sceaux connus des représentants des familles des Archakides et des Pakourianoï du territoire actuel de la Bulgarie – Brachamios Archakides, vestarches [Jordanov 2009: 159, 160, nr. 383, 384], Grégoire Archakides [Jordanov 2009: 605, nr. 1819b], Tigranos Archakides [Jordanov 2009: 605, 606, nr. 1820, 1821], Aspietes Pakouriani [Jordanov 2009: 653, nr. 2008–2012], Mouselios Pakouriani, proèdre [Jordanov 2009: 200, nr. 506], NN. Pakouriani [Jordanov 2009: 653, 654, nr. 2013; Йорданов 2015, c. 269, № 110], Apassios Pakouriani, le frère du fondateur de monastère de Batchkovo Grégoire Bakouriani [Морева, Басамаков 2013: 123–127; Йорданов 2015: 268; 269, № 109], Grégoire Bakouriani lui-même – avec le titre d'archonte des archontes [Йорданов 2012: 538–556; Он же 2015: 229–230, № 21] et Tatoul Pakouriani – avec les titres de nobellissime et d'archonte

des archontes [Jordanov 2009: 206, 207, nos. 524, 525]. Ces sceaux ont une datation pareille, c'est-à-dire la de la période de deuxième moitié de XI siècle et le début du XII siècle.

Bibliography

ЙОРДАНОВ И. Печати на представители на фамилията Пакуриани (Бакуриани) от територията на днешна България // Българското средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф. д-р Миляна Каймакамова. – София, 2012. С. 538–556.

ЙОРДАНОВ И. I. Jordanov. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria, vol. 1-3, Sofia, 2003, 2006, 2009. Addenda et Corrigenda (2). // България в европейската култура, наука, образование, религия. – Шумен, 2015. Т. 1.

МОРЕВА Р., БАСАМАКОВ Х. Новооткрит оловен печат от Асенова крепост // Приноси към българската археология. – София, 2013. Т. VII.

CHEYNET J.-Cl. Les Arméniens de L'Empire en Orient de Constantin X à Alexis Comnène (1059–1081) // L' Arménie et Byzance. Publications de la Sorbonne. – Paris, 1996. Vol. XII.

JORDANOV I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2009. vol. III
SEIBT W. 'Arsakidis-Aršakuni – Armenische Aristokraten in byzantinischen Diensten // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. – 1994. Bd. 44.

Т.В. КУЩ
Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

**ЧУДО, СПАСШЕЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬ:
ДВЕ ИСТОРИИ ИЗБАВЛЕНИЯ СТОЛИЦЫ
ОТ ТУРЕЦКОГО ЗАВОЕВАНИЯ В 1422 Г.**

В июне 1422 г. Константинополь был осажден войсками султана Мурада II. После двухмесячных приготовлений турки предприняли 24 августа 1422 г. штурм города. Численный и военный перевес, очевидно, был на стороне осаждавших. Византийский автор Иоанн Канан, свидетель тех событий, описал огромные размеры войска, стянутого под стены византийской столицы, прекрасное вооружение и технические новшества, примененные османами во время финальной атаки, турецкую тактику ведения осады и штурма, отточенную десятилетиями успешных завоеваний. Да и ситуация в столице не внушала осажденным жителям оптимизма: опытный в ратном деле император Мануил II Палеолог по состоянию здоровья отошел от дел, молодому же соправителю Иоанну VIII, на плечи которого легла организация обороны, не доставало решительности и воинской доблести; число защитников было катастрофически мало несмотря на то, что даже монахи и священники (необычное для Византии дело!) взяли в руки оружие. Всеобщая паника и неверие в возможность противостоять разрушительной внешней силе почти сломила дух жителей, и многим казалось, что город обречен на гибель. Однако хорошо подготовленный штурм был отбит. Причины неудачи османов крылись и в качестве оборонительной системы столицы, в очередной раз прошедшей проверку на прочность, и в героизме ромеев, отчаянно сражавшихся на стенах города. Новой попытке турок штурмовать город и довести начатое дело до конца помешали также внутренние проблемы, возникшие у осман – разгоралась новая гражданская война за султанский трон, и Мурад II вынужден был увести войска вглубь Анатолии.

Угроза захвата Нового Рима счастливым образом миновала.

В народном же представлении избавление столицы от опасности носило характер чуда. Спасение в критической ситуации, когда, казалось, у ромеев не было никаких шансов устоять перед яростным нашествием врага, укрепляло веру жителей в заступничество высших сил. Только милостью Божией и помощью Всевышнего обыденное сознание могло объяснить свершившееся чудесное спасение. Сохранились два свидетельства, излагающие разные версии того, каким образом уцелел Константинополь и его население. Обе версии при всем их различии суть отражение народных представлений, имевших глубокие исторические корни. Первая изложена византийцем Иоанном Кананом по горячим следам и доносит до нас «свежие впечатления» горожанина, только что лично пережившего эти события. Вторая же – воспоминание греков о том штурме в пересказе чужеземца, кастильского идаляго Перо Тафура, побывавшего в Константинополе в феврале-марте 1438 г. и услышавшего от местных жителей «легенду» об осаде 1422 г. В своем докладе мы не столько сопоставим две истории о произошедшем «чуде», сколько обратимся к истокам этих легенд о спасении Константинополя.

В.В. МАЙКО
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ КРЫМА В XXI ВЕКЕ*

Византийская археология, как составная и неотъемлемая часть византистики, всегда была одним из главных направлений исследований медиевистов Института археологии Крыма. Эти работы, начатые сотрудниками нашего учреждения еще в составе Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г., успешно на новом уровне были продолжены и в текущем столетии.

В XXI веке они традиционно охватывают практически весь спектр проблем византийской археологии Крыма. Надо отметить, что на протяжении всей эпохи средневековья, по крайней мере, с VI в. по 1475 г. в Таврике, независимо от политической подчиненности, существовали различные варианты провинциально-византийской культуры. Их комплексный анализ – тема отдельной работы. В данном случае, остановимся на общеисторических вопросах и тех составляющих материальной культуры, которые можно считать для полуострова импортными. Под этими составляющими я понимаю культовое строительство, невозможное без участия византийских инженеров и подчиненное общевизантийским канонам, фортификационные сооружения, погребальный обряд и археологические артефакты, поступавшие на полуостров из Константинополя и центральных городов империи.

Историческая ситуация на полуострове в византийское время постоянно находится в сфере научных интересов Ю.М. Могаричева. Ученым в соавторстве с ведущими специалистами в области археологии и истории в ряде монографий и многочисленных статей на фоне анализа исторической ситуации и археологических реалий были опубликованы и детально проанализированы византийские агнографические произведения, непосредственно связанные с Крымом [Могаричев и др. 2007; Могаричев и др. 2009; Могаричев и др. 2012], проанализированы сложные вопросы

византийско-хазарских взаимоотношений [Могаричев 2007: 181–191; Могаричев, Сазанов 2012: 122–145]. Исследователь является и автором целого ряда учебных пособий по средневековой (в том числе и византийской) истории Таврики [Могаричев 2014].

В.В. Майко была проанализирована историческая ситуация в восточной части Таврики и детально охарактеризована материальная культура этого региона полуострова второй половины X–XII вв. Автор пришел к выводу о том, что она является одним из вариантов провинциально-византийской культуры средневизантийского времени [Майко 2014]. Масштабные раскопки средневековых памятников южного берега Крыма проводила И.Б. Тесленко. Материалы раскопок таких долговременных объектов, как поселение Сотера [Тесленко, Телиженко 2015: 201–310], Кара-Узень [Тесленко, Лысенко 2015: 366–392], Еди-Евлер [Лысенко, Тесленко 2012: 103–122], Кале-Поти [Лысенко, Тесленко 2010: 323–346], существенно дополнили информацию о провинциально-византийской культуре этого региона полуострова.

Одним из старейших направлений, активно разрабатываемых В.П. Кирилло и И.Б. Тесленко, является изучение византийской культовой архитектуры. На рубеже XX и XXI вв. проводились масштабные исследования храма монастыря святых апостолов Петра и Павла в Партените на Южном берегу Крыма, активное участие в которых принимал В.П. Кирилло. Основные итоги работ оперативно публиковались [Адаксина, Кирилло, Мыц, Смекалов 2000: 25–30; Адаксина, Кирилло, Мыц 2002: 35–41]. Была не только уточнена и дополнена планировка монастыря, но и получен материал для аргументированной его датировки второй половиной X в.

На протяжении текущего столетия целым коллективом наших исследователей, в том числе и И.Б. Тесленко, производились раскопки долговременных христианских храмов и прихрамовых некрополей на г. Аю-Даг [Лысенко, Тесленко 2003: 114–135; Тесленко, Лысенко 2007: 132–144], в с. Малый Маяк [Тесленко, Лысенко 2004: 260–296], в урочище Еди-Евлер [Тесленко, Мусин 2015]. В.П. Кирилло в обобщающей работе был подведен итог изучения двухапсидных храмов полуострова [Кирилло 2012: 189–223].

Христианскими византийскими памятниками юго-западного Крыма на протяжении долгого времени активно занимается В.Ю. Юрочкин. Им в нескольких работах анализировались вопросы изучения Готской епархии [Юрочкин 2006: 41–67], рассматривались византийские памятники городища Бакла в ракурсе изменения материальной культуры этой части полуострова во второй половине X в. [Юрочкин 2009: 275–311].

Важнейшим направлением византиноведческих исследований медиевистов Института является анализ категорий импортного для полуострова византийского археологического материала, в первую очередь, керамики.

Константинопольская поливная керамика середины IX–XI вв., происходящая из восточного Крыма и Херсонеса, подробно рассматривалась в ряде работ В.В. Майко [Майко 2004: 206–208; 2014а: 112–115; Майко, Туровский и др. 2014: 84–87]. Удалось выделить ряд признаков, отличающих посуду второй половины IX – первой половины X и второй половины X–XI вв.

В текущем столетии нашими специалистами сделан большой шаг вперед в изучении импортной для Таврики поздневизантийской поливной керамики. Важнейший результат был получен И.Б. Тесленко. Исследовательница на основании уникального по богатству и разнообразию комплекса поливной византийской керамики, полученного в ходе подводных исследований в бухте поселка Новый Свет, выделила новую ее группу, получившую рабочее название «Novy Svet Ware» [Зеленко, Тесленко, Ваксман 2012: 135]. На основании морфологических, технологических и орнаментальных критериев удалось разработать ее типологию, рассмотреть территорию распространения, выдвинуть гипотезы о происхождении и установить хронологические рамки существования [Тесленко 2000: 153–168; Waksman, Teslenko, Zelenko 2009: 851–856; Waksman, Teslenko 2010: 357–375; Зеленко, Тесленко, Ваксман 2012: 129–148; Майко 2014б: 73–76]. Проведенные исследования, прежде всего технологические, позволяют согласиться с тем, что центр ее производства остается не выясненным. Продукция гончарных центров Никеи, имеющая несомненное сходство с анализируемой керамикой, все же имеет технологические различия. На наш взгляд, вхождение этой группы в состав керамики типа «Зевксипп» класса I правомочно только в виде отдельной группы.

Подробно анализировались и другие известные группы византийской поливной керамики [Зеленко, Тесленко, Ваксман 2012: 129–148], в частности, белоглиняная керамика с зелено-коричневой бесконтурной росписью «Glazed White Ware IV» или «Green and Brown Painted Ware». Было установлено, что хронологические рамки ее бытования в основном совпадают с группой «Novy Svet Ware», а вероятным местом производства является все же Константинополь [Waksman, Teslenko, Zelenko 2009: 852].

В плане изучения поздневизантийской поливной керамики важные выводы были получены и С.Г. Бочаровым. На основании технологических, морфологических и орнаментальных признаков

исследователю удалось выделить 6 групп византийской поливной керамики второй половины XIII – конца XIV вв. и сделать вывод о том, что эта продукция, поступавшая на рынок большими партиями, полностью доминировала во второй половине XIII в. [Бочаров, Масловский 2012: 30–36]. Исследователем анализировались и более частные вопросы, связанные с изготовлением византийскими мастерами уникальных сосудов по заказам итальянских государств [Бочаров, Масловский 2015: 245–249], распространением парадной поливной керамики Константинопольского производства и светлоглиняной кухонной поливной керамики второй половины XIII–XIV вв. на памятниках Восточной Европы, использованием поливной керамики в качестве хроноиндикаторов [Бочаров, Масловский 2014: 19–21; 2014а: 23–25; Бочаров, Масловский, Ситдилов 2014: 27–29].

И.Б. Тесленко и В.В. Майко анализировались византийская керамика группы «Elaborate Incised Ware» из усадеб XIV в. городища Луста (Алушта) [Тесленко 2014: 109–112] и комплекс керамики второй половины X–XIII вв. средневековой Сугдеи (Судак) [Майко 2014б: 73–76].

Помимо керамики И.Б. Тесленко были проанализированы и некоторые предметы мелкой византийской пластики, в частности, крестовидные подвески и кресты [Тесленко, Мусин 2014: 242–253; 2016: 204–219].

Уникальные ранневизантийские лекифы с изображением святых рассматривались в ряде работ В.Ю. Юрочкина [Юрочкин, Туровский 2001: 43–44].

Подводя итоги, отметим, что данная работа является первой попыткой краткого осмысления исследований ученых Института археологии Крыма по изучению византийской археологии полуострова. Подробный и обстоятельный анализ – дело будущего, надеюсь, ближайшего.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-31-10169а(ц) «История Крыма».

Библиография

- АДАКСИНА С.Б., КИРИЛКО В.П., МЫЦ В.Л., СМЕКАЛОВ С. Л. Археологические исследования Парthenитской базилики в 1999 году // Отчетная археологическая сессия за 1999 год. – СПб., 2000. С. 25–30.
- АДАКСИНА С.Б., КИРИЛКО В.П., МЫЦ В.Л. Археологические исследования в Парthenите в 2001 году / // Отчетная археологическая сессия за 2001 год. – СПб., 2002. С. 35–41.

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Поволжская археология. – 2012. № 1. С. 30–36.

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Парадная поливная керамика константинопольского производства на памятниках Восточной Европы конца XIII–XIV вв. // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации: Тезисы докладов конференции. – Севастополь, 2014. С. 19–21.

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Светлоглиняная кухонная поливная керамика византийского производства на памятниках Восточной Европы второй половины XIII–XIV вв. // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов конференции. – Севастополь, 2014а. С. 23–25.

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Символика власти на византийских глазурованных сосудах из Северного Причерноморья (вторая половина XIV в.) // Stratum plus. – 2015. № 6. С. 245–249.

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н., СИТДИКОВ А.Г. Столовая поливная керамика провинциальных византийских центров как хроно-индикатор для памятников Крыма, Причерноморья и Восточной Европы второй половины XIII–XIV вв. // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов конференции. – Севастополь, 2014. С. 27–29.

ЗЕЛЕНКО С.М., ТЕСЛЕНКО И.Б., ВАКСМАН С.Й. Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым) (Морфологическая типология и лабораторные исследования) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). – Київ, 2012. С. 129–148.

КИРИЛКО В.П. Двухапсидные храмы Таврики // Археологический альманах. – Донецк, 2012. № 28. С. 189–223.

ЛЫСЕНКО А.В., ТЕСЛЕНКО И.Б. К вопросу о локализации средневековых храмовых комплексов на г. Аю-Даг // Історико-географічні дослідження в Україні. – Київ, 2003. Число 6. С. 114–135.

ЛЫСЕНКО А.В., ТЕСЛЕНКО И.Б. Исследования средневекового укрепления на холме Кале-Поти // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. – Донецк, 2010. № 22. С. 323–346.

ЛЫСЕНКО А.В., ТЕСЛЕНКО И.Б. Комплекс археологических объектов в балке Еди-Евлер и ее ближайших окрестностях (краткие итоги исследований 2003–2007 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. – Донецк, 2012. № 28. С. 103–122.

МАЙКО В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – К., 2004. 316 с.

МАЙКО В.В. Восточный Крым во второй половине X–XII вв. – Киев, 2014а.

МАЙКО В.В. Поливная византийская керамика Сугдеи второй половины X–XIII вв. Основные типы и хронология комплексов // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов конференции. – Севастополь, 2014б. С. 73–78.

МАЙКО В.В., ТУРОВСКИЙ Е.Я., ФИЛИППЕНКО А.А., СТУПКО М.В. Поливная византийская керамика второй половины X в. из раскопок зольника вблизи 13 куртины южного участка обороны Херсонеса. Предварительное сообщение // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов конференции. – Севастополь, 2014. С. 84–89.

МОГАРИЧЕВ Ю.М. Об одном из сюжетов Жития Стефана Сурожского (Бравлин из Новгорода или песах из С-м-к-рая?) // Хазарский альманах. – Киев; Харьков, 2007. С. Т. 6. 181–191.

МОГАРИЧЕВ Ю.М. Средневековый Крым (VI – середина XIII в.): история, религия, культура. – Симферополь, 2014. 240 с.

МОГАРИЧЕВ Ю.М. САЗАНОВ А.В., ШАПОШНИКОВ А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского времени». – Симферополь, 2007. 346 с.

МОРАГИЧЕВ Ю.М., САЗАНОВ А.В., СТЕПАНОВА Е.В., ШАПОШНИКОВ А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. – Симферополь, 2009. 334 с.

МОГАРИЧЕВ Ю.М., САЗАНОВ А.В. Крымская Хазария X–XI вв. Хазарский анклав в Крыму или историографический миф? (исторический контекст) // Хазарский альманах. – Харьков, 2012. Т. 10. С. 122–145.

МОГАРИЧЕВ Ю.М., САЗАНОВ А.В., САРГСЯН Т.Э., СОРОЧАН С.Б., ШАПОШНИКОВ А.К. Жития Епископов Херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического // Нартекс (Byzantina Ucrainensis). – Харьков, 2012. 416 с.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Комплекс поливной керамики с места кораблекрушения второй половины XIII в. вблизи Судака (Крым) // Българите в Северното Причерноморие. – Велико Търново, 2000. Т. VII. С. 153–168.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Византийская керамика группы «Elaborate Incised Ware» из усадеб XIV в. городища Луста (современная Алушта, Крым) // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению Византийской цивилизации. Тезисы докладов конференции. – Севастополь, 2014. С. 109–115.

ТЕСЛЕНКО И.Б., ЛЫСЕНКО А.В. Средневековый христианский храм в с. Малый Маяк и его археологическое окружение // О древностях Южного берега и гор Таврических. – Киев, 2004. С. 260–296.

ТЕСЛЕНКО И.Б., ЛЫСЕНКО А.В. Погребение священника в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг // Материалы международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. – Симферополь, 2007. С. 132–144.

ТЕСЛЕНКО И.Б., ЛЫСЕНКО А.В. Средневековое поселение на левом берегу р. Ай-Лия (Кара-Узень) (по материалам исследований 2005 г.) // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. – Київ, 2015. № 33. С. 366–392.

ТЕСЛЕНКО И.Б., МУСИН А.Е. «Средневековые крестовидные подвески из листового серебра»: тридцать лет спустя // Труды ГИМ. Славяне и иные языцы... (к юбилею Н.Г. Нedoшивиной). – М., 2014. Вып. 192. С. 242–253.

ТЕСЛЕНКО И.Б., МУСИН А.Е. Древности Семидворья I. Двухапсидный средневековый храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): материалы и исследования // Археологический альманах. – Киев, 2015. № 32. 408 с.

ТЕСЛЕНКО И.Б., МУСИН А.Е. Железные кресты средневековых памятников: «византийско-кавказские» или византийские? // Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник научных трудов памяти И.С. Каменецкого. – М., 2016. С. 204–219.

ТЕСЛЕНКО И.Б., ТЕЛИЖЕНКО С.А. Новые исследования средневекового поселения на мысе Сотера (предварительные итоги работ 2004, 2008–2013 гг.) // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. – Київ, 2015. № 33. С. 201–310.

ЮРОЧКИН В.Ю. Готская Епархия (краткий исторический очерк) // Материалы Международной церковно-исторической конференции «Духовное наследие Крыма» памяти преподобного Иоанна, епископа готфского. – Симферополь, 2006. С. 41–67.

ЮРОЧКИН В.Ю. Новые христианские памятники «Пещерного города» Бакла в Крымской Готии // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. – Симферополь, 2009. С. 275–311.

ЮРОЧКИН В.Ю., ТУРОВСКИЙ Е.Я. Сосуды с изображением святых мучеников из Таврики // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тезисы докладов III Крымской Международной конференции по религиоведению. – Севастополь, 2001. С. 43–44.

WAKSMAN S.Y., TESLENKO I., ZELENKO S. Glazed Wares as Main Cargoes and Personal Belongings in the Novy Swet Shipwreck (13th c. AD, Crimea): a Diversity of Origins Investigated by Chemical Analysis // Actas del

VIII Congreso Internacional de Ceramica Medieval. – Ciudad Real-Almagro, 2009. Tomo II. P. 851–856.

WAKSMAN S.Y., TESLENKO I. «Novy Svet Ware», an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea) – Morphological Typology and Laboratory Investigations // International Journal of Nautical Archaeology. – 2010. Vol. 39(2). P. 357–375.

А.В. МАСТЫКОВА
Институт археологии РАН
(Москва)

**БРОШИ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ТРАДИЦИИ
В КОСТЮМЕ АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

Считается, что женский костюм в традиционных обществах является одним из наиболее устойчивых «этнографических» элементов материальной культуры, он сакрализован, и его составные играют роль оберегов. В то же время общеизвестен феномен существования женской интернациональной моды, что несколько не противоречит сказанному о традиционности женского «варварского» костюма. Престижные женские моды интернационального характера распространялись прежде всего среди знати, т.е. среди наиболее мобильной, полиэтничной и подверженной внешним влияниям социальной группы, и в этом пространстве мода подчеркивала особое положение ее носителей, их политическую и культурную ориентацию. Затем мода привилегированного стратума копировалась другими слоями населения, пытавшимся подражать своей социальной верхушке [Мастыкова 2009: 7–14].

Погребения с фибулами-брошами V–VI вв. или имитирующими их бляхами на Северном Кавказе относятся к числу наиболее богатых могил, например, «княжеская» могила некрополя Клин-Яр, курган 14 могильника Былым-Кудетеново, погребения 3 и 5. 1965 г. могильника Гиляч, катакомбы 10, 11 некрополя Лермонтовская скала-2 и др. К сожалению, в северокавказском археологическом материале имеется не так много случаев, когда удастся проследить местоположение фибул-брошей и их имитаций в уборе погребенных. Как правило, они присутствовали по одной в костюме и только однажды – в паре [Мастыкова 2009: 136–144].

Зафиксированы следующие позиции фибул-брошей: на груди (рис. 1); – под подбородком; на левом плече (рис. 2); на тазовых костях; на боку.

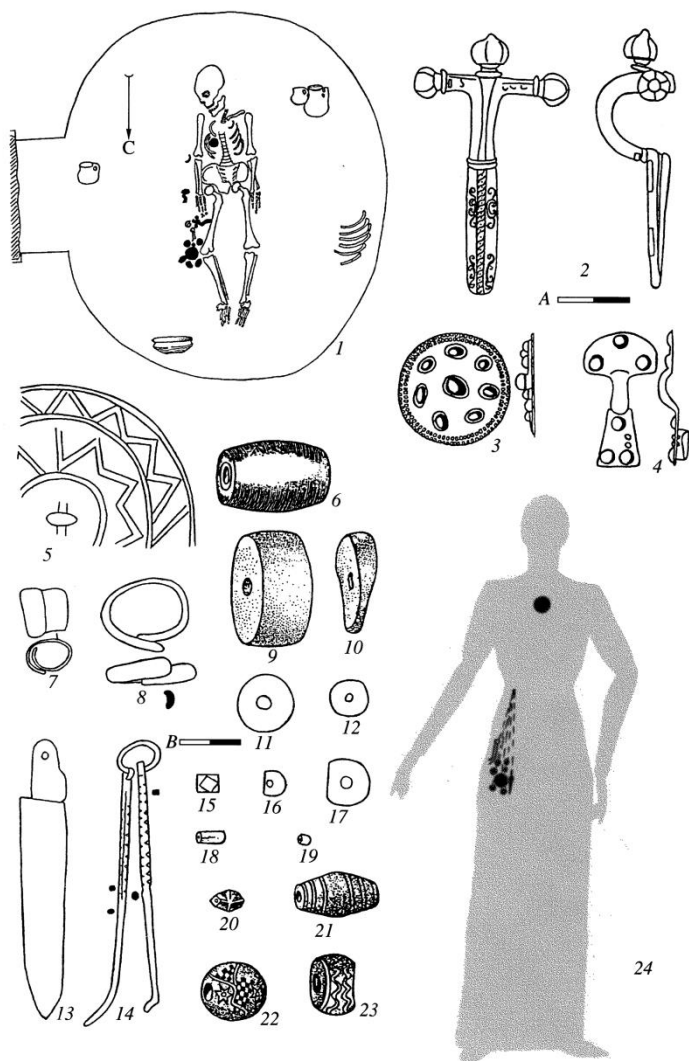

Рис. 1. Погребение 24 могильника Байтал-Чапкан (по: Мастыкова 2005).
 1 – план погребения; 2–23 – погребальный инвентарь;
 24 – реконструкция костюма.

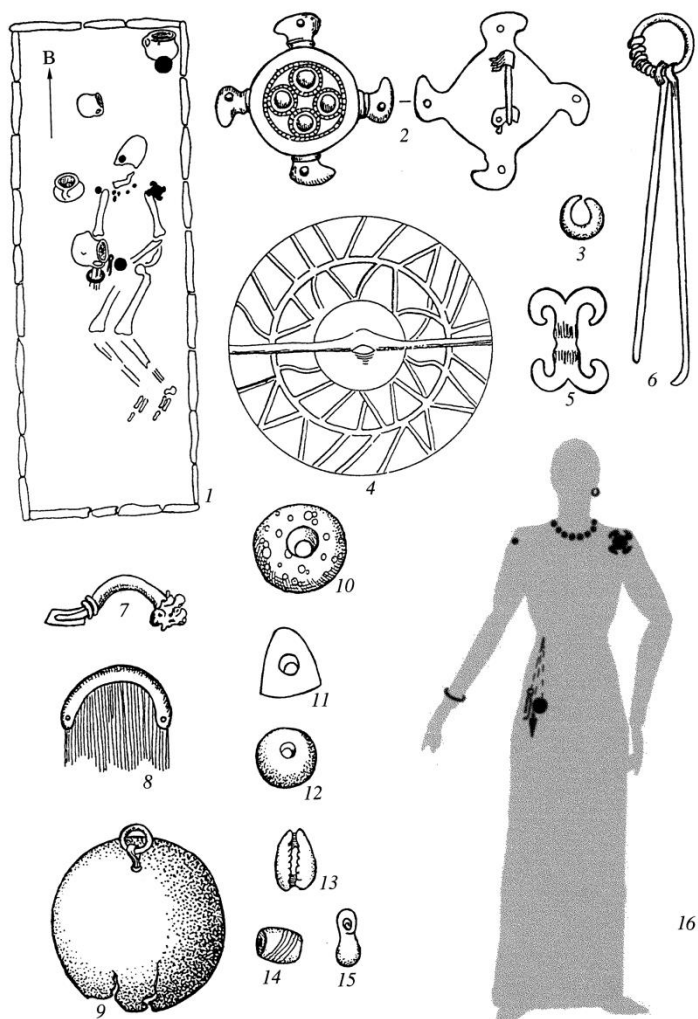

Рис. 2. Погребение 3 могильника Гиляч (по: Мастыкова 2005).
 1 – план погребения; 2–15 – погребальный инвентарь;
 16 – реконструкция костюма. Без масштаба.

Наибольшая концентрация костюма с фибулами-брошами прослеживается в ареале расселения алан – на Верхней Кубани и в Пятигорье, броши встречаются и в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, но они редки в Западном Предкавказье в зоне протоадыгских народов [Мастыкова 2009: 137].

Выделены следующие типы брошей:

- округлые и овальные многолепестковые инкрустированные фибулы-броши;
- округлые и овальные инкрустированные фибулы-броши и имитирующие их округлые бляхи;
- прямоугольные инкрустированные шарнирные бляхи, имитирующие фибулы-броши;
- солярные фибулы, украшенные по бордюру птичьими головками;
- «тюрингские» многолепестковые фибулы;
- птицевидные фибулы.

Параллели северокавказскому костюму с фибулами-брошами V–VI вв. хорошо известны в средиземноморском регионе и на меровингском Западе. В варварской Западной Европе, как считают многие исследователи, такой костюм распространяется в результате средиземноморского влияния. Действительно, костюм с брошами хорошо представлен в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке уже в римское время [Беляев 1929: 66].

По иконографическим данным в женском средиземноморском костюме V–VI вв. выделяются следующие варианты ношения фибул-брошей:

1. одна брошь на груди в качестве застежки накидки/плаща [Grabar 1966: fig. 352; Quast 1999: Abb. 9].

2. пара брошей скрепляют одежду на плечах [Schulze-Dörflamm 1986: 687, Abb. 103, 104]. В отдельных случаях парные фибулы-броши заменялись декоративными бляхами, вероятно, уже не выполняющими функции застежек [см. в частности, одеяние императрицы Феодоры: Bovini, Pierpaoli 1991: fig. 62; 66].

3. округлые броши/бляхи, скрепляющие пояс/шарф под грудью [Grabar 1966: fig. 161, 162]. Про этот способ ношения упоминается в «Истории августов»* – в описании убора пальмирской царицы Зенобии гемма в форме раковины фиксирует опоясывающий шарф [Histoire auguste 1994: 906. (XXIV. Vie des trente tyrans. Zénobie. XXX. 14)]. Конечно, к реальной царице Зенобии, жившей во второй половине III в., это описание не имеет отношения, однако оно хорошо отражает представления позднеримского автора о «парадном» женском уборе (о

несоответствии реального костюма II–III вв. и представлений о нем позднеантичных авторов см.: [Moliner-Arbo 2003: 70]).

В «Истории августов» имеются и другие интересные сведения. Так, по утверждению автора, император Александр Север ограничил убор придворных дам – они имели право носить сеть-вуаль для прически, пару серег, ожерелье из бус, расшитую золотом тунику-плащ и церемониальное платье, вес золотых украшений на котором не должен был превышать шести унций [Histoire auguste 1994: 609 (XVIII. Vie d'Alexandre Sévère. XLII. 4)]. А женщины, например, знатной римской фамилии Macriani носили вуали для прически, браслеты, перстни, пояса, украшенные изображением Александра Македонского, которое имелось также на туниках и пенулах (Histoire auguste 1994: 885 (XXIV. Vie des trente tyrans. Quiétus. XIV. 4)).

В средиземноморском регионе фибулы-броши V–VI вв. хорошо известны и по археологическому материалу [Schulze-Dörlamm 1986: 687, 688; Martin 1994: 569; Quast 1999], хотя наиболее полно женский средиземноморский убор V–VI вв. с фибулами-брошами все же представлен только в иконографическом материале. Именно этот источник является первостепенным для изучения состава убора, поскольку погребения V–VI вв. с металлическими элементами костюма встречаются в средиземноморском регионе редко, т.к. романские погребальные обычаи предполагали помещение в могилу лишь отдельных «символических» предметов [Martin 1988; 1990: 192].

Возникает вопрос, каким же образом этот средиземноморский престижный женский убор мог попасть на Северный Кавказ? Один из вариантов – через дипломатические связи. Императорские пожалования способствовали распространению у северокавказских варваров престижной византийской моды [Засецкая и др. 2007: 92–100]. Известно, что Юстиниан подарил царице северокавказского племени савир Воа «много царской одежды, различной серебряной посуды и немало денег» [Малала 2001: 469]. Вполне возможно, царица Воа была не единственной представительницей варварских элит, кто получал такие подарки из Константинополя.

Прототипом византийского женского убора с фибулами-брошами является костюм римского эллинизированного Востока I–III вв., известный по погребальной скульптуре и живописи Пальмиры, а также по погребальным портретам римского Египта. Византия наследовала эту восточно-эллинистическую моду, и женский костюм с фибулами-брошами считался престижным в Византии [Беляев 1929: 60, 61].

Из Средиземноморья этот «фибульный» престижный костюм распространяется в Центральное Предкавказье [Kazanski, Mastykova 1999; Мастыкова 2005; 2009; Прокопенко 2001].

Таким образом, на примере женского костюма с фибулами-брошами можно проследить на Северном Кавказе общеевропейский феномен *imitatio imperii*, охвативший в начале средневековья практически весь Барбарикум. Как уже говорилось, в северокавказском регионе этот костюм распространяется, в основном, в Центральном Предкавказье, т.е. в зоне формирования раннесредневековой Алании, ориентированной в VI в. на Византию.

* Сочинение анонимного автора самого конца IV – начала V в. Сведения о римских императорах II–III вв., содержащиеся в этом труде, часто не имеют отношения к описываемым историческим лицам.

Библиография

- БЕЛЯЕВ Н.М. Очерки по византийской археологии. I. Фибула в Византии // *Seminarium Kondakovianum*. – Prague, 1929. Vol. III.
- ЗАСЕЦКАЯ И.П., КАЗАНСКИЙ М.М., АХМЕДОВ И.Р., МИНАСЯН Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. – СПб., 2007.
- МАЛАЛА, Иоанн. Хронография // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. и коммент. А.А. Чекаловой. – СПб., 2001.
- МАСТЫКОВА А.В. Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами на Северном Кавказе в V–VI вв. // РА. – 2005. № 1.
- МАСТЫКОВА А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. – М., 2009.
- ПРОКОПЕНКО Ю.А. О многолепестковых инкрустированных фибулах как элементе средиземноморской моды у населения Северного Кавказа в V–VI вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). – Самара, 2001. Т. 2.
- BOVINI G., PIERPAOLI M. Ravenna: Treasures of Light. – Ravenna, 1991.
- GRABAR A. L'Age d'or de Justinien. – Paris, 1966.
- Histoire auguste. (Пер. с лат. d'A. Chastagnol). – Paris, 1994.
- KAZANSKI M., MASTYKOVA A. Le Caucase du Nord et la region mediterraneenne aux 5e–6e siècles: A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // *Eurasia Antiqua*. – 1999. Bd. 5.

MARTIN M. Grabfunde des 6. Jahrhunderts aus der Kirche St. Peter und Paul in Mels SG // Archäoloige der Schweiz. — 1988. Bd. 11.

MARTIN M. Le Haut Moyen Age // Peuples et archéologie. — Bâle, 1990.

MARTIN M. Fibel und Fibeltracht: Späte Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit auf dem Kontinent // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. — Berlin; New York, 1994. Bd 8. Lief. 5/6.

MOLINER-ARBO A. «Imperivm in virtute esse non in decore»: Le discours sur le costume dans l'Histoire Auguste // Costume et société dans l'Antiquité et le haut Moyen Age. — Paris, 2003.

QUAST D. Closures of Disc Fibels from Achmim-Panopolis (Agypten) // Archäologisches Korrespondenzblatt. — 1999. Bd. 29.

SCHULZE-DÖRR LAMM M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. Weslich der Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums — Mainz. 1986. Bd. 33.

В.Е. НАУМЕНКО

Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

**ХРИСТИАНСКАЯ ТОПОГРАФИЯ МАНГУПСКОГО
ГОРОДИЩА ПЕРИОДА КНЯЖЕСТВА ФЕОДОРО
(по материалам новейших археологических исследований)***

Археологические исследования Мангупа были начаты графом А.С. Уваровым в 1853 г. раскопками христианских некрополей на эспланаде цитадели на м. Тешкли-бурун и, вероятно, вблизи церкви Св. Константина. В дальнейшем они периодически возобновлялись работами приват-доцента Санкт-Петербургского университета Ф.А. Брауна в 1890 г., директора Херсонесского музея Р.Х. Лепера в 1912–1914 гг. и совместной экспедиции ИИМК АН СССР и Севастопольского музейного объединения в 1938 г. С 1967 г. систематическое изучение городища ведет Мангупская археологическая экспедиция Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского**. Одним из наиболее важных результатов работ последних десятилетий является формирование необходимого массива материальных источников для реконструкции исторической топографии памятника в отдельные периоды его существования. В работе мы сосредоточимся на результатах раскопок христианских памятников Мангупа периода княжества Феодоро (XIV в. – 1475 г.), которые во многом определяют и современную топографию городища. Основная библиография о стратиграфии и исторической топографии Мангупского городища, основных архитектурно-археологических объектах для каждого из выделяемых ныне исторических периодов в истории памятника, а также опубликованных результатах раскопок представлена в специальном обзоре А.Г. Герцена и В.Е. Науменко [см.: Герцен, Науменко 2015а: 88–97].

На сегодняшний день, на площади Мангупского плато, в верхней части его склонов и на участке главной подъездной дороги, известно 16 скальных и наземных храмовых и монастырских комплексов (Рис. 1).

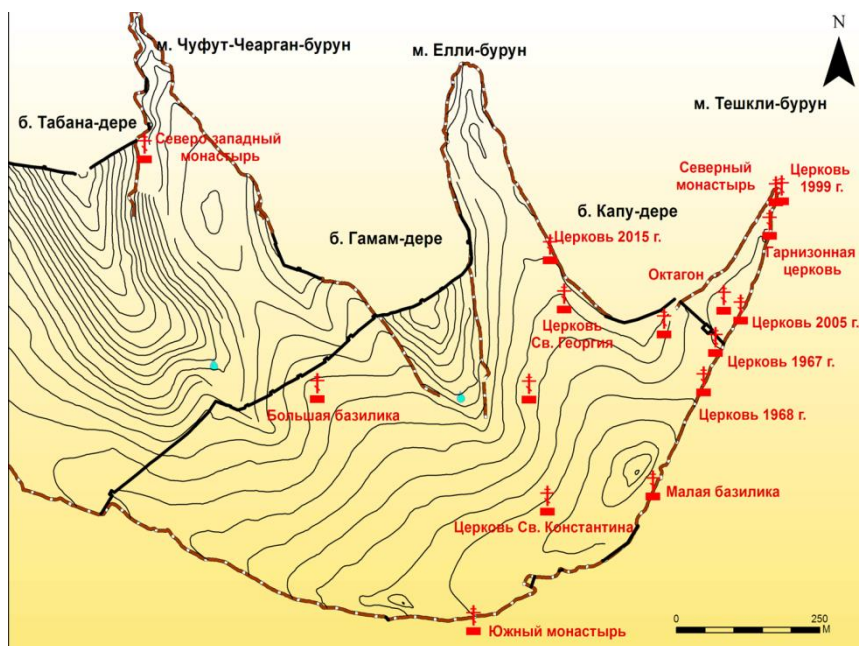

Рис. 1. План Мангупского городища
с указанием христианских культовых памятников XIV–XV вв.

В данный перечень не включены комплекс пещерных сооружений на так называемой «площадке со склепами», а также алтарь (?) в карстовой пещере на южной кромке плато [Герцен, Могаричев 1995: 16–21]. Функциональное назначение этих памятников, на наш взгляд, требует дополнительного изучения. Подавляющее большинство из них (14 из 16) в разные годы были подвергнуты архитектурно-археологическим либо полноценным археологическим обследованиям, то есть раскопкам на широкой площади. Не затронутыми исследованиями остаются лишь две небольшие квартальные христианские церкви, местоположение которых хорошо определяется надгробиями их прихрамовых кладбищ и визуально различимыми даже сейчас контурами самих храмов – в верховьях Капу-дере, на эспланаде цитадели на м. Тешкли-бурун, и в верховьях Гамам-дере, между церквями Св. Георгия и Св. Константина. Последняя церковь также известна по топографическим планам Мангупа, составленным в 80-е гг. XVIII в. [Герцен 2008: 221–223]. Следует отметить, что еще пять храмовых комплексов расположены в ближайшей округе Мангупа –

базилика в Каралезской долине (раскопки В.А. Сидоренко начала 1980-х гг.), пещерная церковь на поляне Кильсе-тубю, крестообразный храм на юго-восточном склоне плато (раскопки В.Л. Мыца 1981 г.), храм на склоне г. Илья и «базилика Маркевича» на берегу р. Кара-Ильяз в Адым-Чокракской долине (раскопки В.Е. Науменко 2012–2016 гг.).

Проведенные работы позволяют заключить, что почти все указанные памятники функционировали или были построены в период княжества Феодоро. Полученный общий вывод позволим проиллюстрировать наиболее интересными результатами раскопок последних лет.

Группа скальных христианских сооружений состоит из пяти памятников, включая три пещерных монастыря. Итоги их изучения в целом подведены в книге А.Г. Герцена и Ю.М. Могаричева, которые пришли к выводу о возникновении скальных церквей и монастырей Мангупа в пределах второй половины XIV – начала XV вв. и прекращении их функционирования вместе с гибелью княжества Феодоро в 1475 г. Одновременно авторами монографии подчеркнута главная сложность исследований такого рода памятников – почти полное отсутствие на их площади культурного слоя [Герцен, Могаричев 1995].

В связи с этим, особый интерес вызывает публикация полных результатов раскопок дозорного и культового комплекса с пещерной церковью в оконечности м. Тешкли-бурун в 1999 г., наиболее активное использования которого приходится на интересующий нас период времени [Герцен, Карлов 2006: 235–236]. Не меньший интерес представляют охранные раскопки 2008 г. в центральном гроте «Южного пещерного монастыря» с остатками фресковой росписи в монастырской церкви, пока еще не введенные в научный оборот. На площади раскопа открыто водосборное сооружение времени существования монастыря, имевшее два строительного периода. В целом, говоря о хронологии объекта, отметим цельность археологического комплекса находок, происходящих как из горизонтов функционирования, так и слоев разрушения памятника. Бытовая глазурованная и неглазурованная керамика из них датируется в пределах 1425–1475 гг., что подтверждает высказанную прежде дату функционирования монастыря.

Наземные храмы Мангупского городища периода княжества Феодоро образуют группу из 10 церквей, которую условно можно разделить на три категории памятников. Прежде всего, речь идет о храмовых комплексах статусного круга, к числу которых относятся Большая базилика в центральной части плато, несомненно, кафедральный храм Готской митрополии, и октагональный храм цитадели городища на м. Тешкли-бурун, очевидно, княжеская капелла этого времени.

Базилика является объектом многолетних исследований Н.И. Барминой. Автором раскопок предложена подробная периодизация комплекса, отдельные элементы которого функционировали, по ее мнению, на протяжении длительного периода времени, от VI до начала XVI вв. [Бармина 2008а: 308–313]. К сожалению, эта архитектурно-археологическая схема истории памятника в публикациях слабо увязана с результатами собственно его раскопок. К тому же материалы археологических исследований остаются практически не введенными в научный оборот. В связи с явным дефицитом изданных материальных источников по истории Мангупской базилики периода княжества Феодоро важное значение имеет недавно опубликованный археологический комплекс – поясной набор середины XIV в. из погребения № 482 (2005 г.) в центральном нефе базилики [Бармина 2008б: 267–271; Крамаровский 2009: 457–473]. По мнению М.Г. Крамаровского, пояс принадлежит к числу памятников золотоордынского круга статусного характера, владелец которого занимал важное место в улусной иерархии, а его находка в погребении, совершенном в центральном храме Мангупа, свидетельствует о вкусовых предпочтениях местной правящей элиты в это время. Публикация этого комплекса, в совокупности с известными строительными надписями сотников (гекатонтархов) Хуйтани и Чичикия, а также растущим числом находок золотоордынского времени, спровоцировала дискуссию о возможности выделения золотоордынского периода в истории городища (60–90-е гг. XIV в.), когда оно находилось под управлением администрации, назначаемой властями Крымского улуса Золотой Орды [Герцен, Науменко 2016: 247–253].

Октагональная церковь Мангупской цитадели вместе с прилегающей застройкой исследована в 1997–1999 гг. [Герцен, Науменко 2010: 227–235]. Эти раскопки позволили уточнить общую планировку памятника, которая включает три композиционных элемента – алтарную часть, наос и открытый четырехколонный нартекс. Кроме того, они дали археологические основания для установления новой даты сооружения октагона – первая четверть XV в., что делает возможным соотносить его с храмом Свв. Константина и Елены из известной мангупской надписи 1427 г.

Другую группу наземных храмов Мангупа составляют кварталные церкви в верховьях балок Гамам-дере и Капу-дере. На сегодняшний день их известно пять. Две из них (на эспланаде цитадели и между церквями Св. Георгия и Св. Константина), как уже отмечено, археологически не изучены и включены в данную группу памятников лишь предположительно, исходя из их топографических и планиграфических особенностей. Остальные – церкви Св. Константина, Св. Георгия и так

называемый «храм 2015 г.», в последние годы стали предметом полноценных археологических исследований.

Церковь Св. Константина расположена в центральной части плато, в 100 м к западу от его наивысшей точки, отмеченной триангуляционным знаком. Является, вероятно, наиболее поздним действующим христианским храмом на территории городища, о чем свидетельствует Мартин Броневский, посетивший Мангуп в 1578 г. П.С. Паллас в конце XVIII в. застал церковь уже в заброшенном состоянии, отметив остатки фрески Богородицы в ее полуразрушенной апсиде. Еще в середине XIX в., судя по рисунку из альбома А.С. Уварова, стены храма сохранялись практически на полную высоту, что не могло не вызвать интереса первых исследователей Мангупа. В 1853 и 1912 гг., скорее всего, небольшие по объему работы на памятнике проводили соответственно А.С. Уваров и Р.Х. Лепер. В 1992–1994 гг. церковь Св. Константина была полностью исследована. Она представляет собой однефный храм с апсидой и внутренними размерами 9,50 x 4,30 м. Внутри сохранилась вымостка солей, раскопаны две скальные гробницы, в одной из которых открыто погребение священнослужителя. Вокруг церкви функционировал прихрамовый некрополь с грунтовыми и плитовыми захоронениями. В целом, проведенные раскопки показали, что храм был возведен в XV в., разрушен в 1475 г., затем, после некоторой паузы, восстановлен и продолжал использоваться христианским населением Мангупа еще в первой половине XVII в. [Герцен, Науменко 2015б: 16–18].

Церковь Св. Георгия расположена в верховьях м. Елли-бурун, непосредственно у поворота дороги из Капу-дере на территорию городища. О ней кратко упоминает Эвлия Челеби в 1666–1667 гг. Внимание турецкого путешественника привлекла, в первую очередь, сохранившаяся *in situ* плита с рельефным изображением Св. Георгия в уже заброшенном храме. Нижняя часть барельефа обнаружена во время раскопок памятника в 1912 г. Р.Х. Лепером, что дало основание отождествить его с церковью Св. Георгия Эвлия Челеби. Полные исследования храма удалось провести в 2015–2016 гг. Они позволили установить, что церковь представляет собой однефный храм с апсидой и внутренними размерами 8,00 x 4,40 м. Вблизи входа к его стенам примыкает каменная обкладка двух гробниц. Церковь оштукатурена и имела богатую полихромную фресковую роспись изнутри. Вокруг храма, на двух террасах, располагался прихрамовый некрополь. Основные типы погребальных сооружений – скальные прямоугольные гробницы, перекрытые известняковыми плитами, и гробницы, напоминающие по форме склепы с коротким дромосом и большой, для многократных захоронений, погребальной камерой. История церкви включает не менее

двух строительных периодов. Она построена в период княжества Феодоро, скорее всего, в первой половине XV в., серьезно перестроена в связи с событиями 1475 г. и продолжала функционировать вплоть до середины XVI в.

Другим важным результатом раскопок 2015–2016 гг. является открытие нового христианского памятника на территории Мангупа в 100 м к западу от церкви Св. Георгия, получившего условное наименование «храм 2015 г.» (о результатах раскопок см.: [Герцен, Науменко, Душенко и др. 2016: 131–133]). На сегодняшний день, изучена только южная часть комплекса вместе с четырьмя скальными гробницами для многократных захоронений в пределах раскопа. К сожалению, стены самого храма не сохранились. Его местоположение фиксируется лишь по очертаниям слоя разрушения памятника и сохранившимся *in situ* фрагментом круглой колонны, установленной на скальную поверхность. Вместе с археологическим материалом из заполнения гробниц и горизонта разрушения такая степень сохранности храмового комплекса явно свидетельствует о более ранней, чем для церкви Св. Георгия, дате его строительства и функционирования. Предварительно мы определяем ее в рамках XIV в. (до 1395 г.). Есть основания полагать, что в начале XV в., в период восстановления столицы княжества Феодоро после похода Тимура-Тамерлана в начале 90-х гг. XIV в., уже не действующая на тот момент церковь была окончательно разобрана на строительный материал, хотя ее некрополь продолжал функционировать, как часть прихрамового некрополя церкви Св. Георгия, на протяжении всего XV в. и, возможно, в начале XVI в.

Наконец, в отдельную группу наземных церквей Мангупа объединены четыре храма вдоль южного склона Мангупского плато, от которых сохранились на момент раскопок лишь скальные постели под их стены – «Малая трехнефная базилика», «церковь 1968 г.», «церковь 1967 г.» [Веймарн, Лобода, Пиоро, Чореф 1974: 126–134], а также «церковь 2005 г.». Следует заметить, что эта группа храмов вызывает наибольшие трудности в отношении их хронологии и, тем более, функционального назначения. Лишь «церковь 2005 г.», на местонахождение которой указывает сохранившаяся скальная гробница, может быть уверенно датирована периодом княжества Феодоро на основании находок из слоя ее функционирования. «Малая базилика» и «церковь 1968 г.» отнесены к числу храмов этого времени лишь на основании близости формы погребальных сооружений на площади их некрополей со скальными гробницами некрополей церкви Св. Георгия и «храма 2015 г.». Еще менее ясна общая хронология «церкви 1967 г.», расположенной на эспланаде цитадели, что предполагает ее возведение до начала сооружения

крепостных стен акрополя городища в 1360-х гг. Вопрос функционального назначения перечисленных храмовых комплексов также остается открытым. Можно лишь предполагать несколько иную, отличную от квартальных церквей, атрибуцию этих культовых объектов.

В заключение подчеркнем, что даже общий обзор христианских храмов Мангупа показывает их важнейшую роль в топографии городища периода княжества Феодоро и городской характер застройки этого времени. Дальнейшее изучение данной проблематики связано не только с ревизией накопленного материала, как в случае с Большой базиликой, но и с продолжением исследований храмовых комплексов и окружающей их застройки. Наиболее перспективными районами для таких работ представляются верховья балок Гамам-дере и Капу-дере. Следует ожидать также открытие новых феодоритских квартальных церквей в округе дворца 1425–1475 гг. и кафедральной базилики.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (бывш. РГНФ) в рамках проекта №15-31-10159 «Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв. н.э.)».

** Выражаем признательность руководителю экспедиции – А.Г. Герцену, за возможность использования неопубликованных материалов из раскопок Мангупа последних лет.

Библиография

БАРМИНА Н.И. Этапы жизни Мангупской базилики // ТГЭ. Т.42. Византия в контексте мировой культуры: к 100-летию со дня рождения А.В. Банк. Материалы конференции. – СПб., 2008а.

БАРМИНА Н.И. Раскопки Мангупской базилики в 2005 г. // АДСВ. – Екатеринбург, 2008б. Вып. 38.

ВЕЙМАРН Е.В., ЛОБОДА И.И., ПИОРО И.С., ЧОРЕФ М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. – Киев, 1974.

ГЕРЦЕН А.Г., КАРЛОВ С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. – Киев, 2006.

ГЕРЦЕН А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX вв.) // БИАС. – Симферополь, 2008. Вып. 3.

ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Октагональная церковь Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ.

Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв. (Материалы Международного семинара). — СПб., 2010. Т. 53.

ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период средневековья. Географическая среда и социум». Материалы конференции. — Керчь, 2015а.

ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. К изучению исторической топографии Мангупа: церковь Святого Константина // II Свято-Владимирские чтения. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной 1000-летию преставления Святого равноапостольного князя Владимира. — Севастополь, 2015б.

ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация. — Казань, 2016. № 9.

ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е., ДУШЕНКО А.А., КОРЗЮК Д.В., ЛАВРОВ В.В., СМЕКАЛОВА Т.Н., ШВЕДЧИКОВА Т.Ю., ЧУДИН А.В. Комплексные исследования Мангупского городища и его округи в 2015 г. // КСИА. — М., 2016. Вып. 243.

КРАМАРОВСКИЙ М.Г. Мангупская находка: сельджукидские отражения в Крыму и на Северном Кавказе // МАИЭТ. — Симферополь, 2015. Вып. XV.

О.В. ОШАРИНА
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

ИЗОБРАЖЕНИЯ В МЕДАЛЬОНАХ НА ПАМЯТНИКАХ РАННЕХРИСТИАНСКОГО ИСКУССТВА

На позднеантичных египетских тканях конца IV–VII вв. часто встречаются мужские и женские бюсты в медальонах, с одинаковыми прическами и подчеркнуто сходными, схематично выполненными чертами лица при полном отсутствии каких-либо атрибутов. Вопрос иконографии и символики этих образов до сих пор остается нерешенным. Некоторые исследователи, в частности А. Гонозова, считают, что мотив с погрудными изображениями, головами и масками имел чисто декоративное значение [Beyond the Pharaohs 1989: 127]. Другие авторы связали мотив бюстов в тондо с изображениями времен года, так как часто их помещали в углах мозаичных композиций [Balty 1973: pl.XV.1,2].

Уже в античный период образы *imago clipeata* были символом защиты, возвышения и обретения бессмертия [Grabar 1968: 73–74]. В римское и христианское время они подразделяются на два типа: триумфальные и погребальные (последние часто встречаются на позднеантичных саркофагах и стелах). Например, на фризе из Ахнаса (Каир. Коптский музей) с изображением ангелов, возносящих медальон с погрудным бюстом богини, или на доньшке стеклянного сосуда с запаянной золотой фольгой с погрудным изображением юноши, сценами из Ветхого и Нового Завета и латинской надписью: «Живи!». Грудь женщины на погребальной стеле II в. из Пальмиры украшает массивная цепь с тремя скульптурными бюстами в медальонах. Эти изображения в тондо, вероятно, были призваны показать принадлежность умершей определенной религиозной практике, по-видимому, культу богини Кибелы [Bruhn 1993: 18, 15]. На влияние Сирии указывает и роспись середины III в. из Пальмиры, и портрет молодой женщины с мальчиком начала IV в. на доньшке стеклянного сосуда с запаянной золотой фольгой. Изготовленный в подобной же технике медальон с

изображением Геннадия, победителя в спортивных соревнованиях, происходит уже из Александрии.

Бюсты в медальонах пользовались в Египте особенной любовью. Изображения голов богов и святых, знаки-апотропеи встречаются в скульптуре, например, на рельефе IV в. с Афродитой на фоне раковины [Ägypten 1996: 82, 15], поддерживаемой эротами или рельефе V в. из Ахнаса с изображениями танцующих nereid и Эрота на дельфине [Ägypten 1996: 82, 16]; на тканях с Дионисом на золотом диске [Beyond the Pharaohs 1989: 125, 35], возносимым ангелами, а также на ампулах святого Мины [Ägypten 1996: 167, 145b].

Уже в росписях Бауита, монастырского комплекса VI–VIII вв., представлены аллегорические образы в медальонах: веры, надежды, удачи, символов, олицетворяющих силы природы и времена года, святых воинов [Clédat 1912: LXXXVII].

Из Бауита происходят также архитектурные фризы с чередующимися изображениями юношей и розетками в медальонах [Kalavrezou: 161, 84]. Изображениями в медальонах, к примеру, декорирован фриз росписи ниши с композицией сидящей на троне Богоматери с младенцем. Левую часть сцены с Вознесением Христа занимает изображение *imago clipeata*, над которым сохранилась коптская надпись: «Апа Сильваний, мученик».

Особое распространение в Египте получают золотые и серебряные ювелирные изделия, включающие монеты с изображениями императоров в окружении бюстов с дионисийскими образами, мифологическими и анонимными героями. Например, золотая подвеска из Асьюта со сценой Благовещения и портретом римского императора или золотой медальон с изображением богини Геи и чередующимися изображениями крестов и римских императоров (Музей изобразительных искусств. Ричмонд). В коллекции Эрмитажа хранится латунное ожерелье с погрудным изображением женщины в окружении портретов римских императоров (бактиатов) и греческих надписей.

Иногда бюсты императоров включались в восьмиконечную звезду, так же как изображения в медальонах на пурпурных тканях, усиливая символику спасения и защиты. В центре одной из эрмитажных композиций IV в. в виде восьмиконечной звезды представлено изображение головы юноши в диадеме [Матье, Ляпунова, 1951: 168, № 361] (Рис. 1).

Рис. 1. Тканый медальон с изображением головы юноши в диадеме.
IV в. Египет. Государственный Эрмитаж.

Лучи звезды и свободное поле ткани заполнено листьями и побегом виноградной лозы, что может указывать как на связь с дионисийским культом, так и христианской религией. Центр таких композиций часто занимал знак-апотропеей в виде плетений, узла Соломона, мотива лабиринта, виноградной лозы, вырастающей из канфара, символа древа жизни. (Рис. 2).

В коллекции Эрмитажа хранится также детская туника, клавы которой украшают медальоны с погрудными изображениями. Повторяемость изображений, подобно магическому ритуалу, создавала эффект цикличности, обещая ее обладателю бессмертие и вечную жизнь.

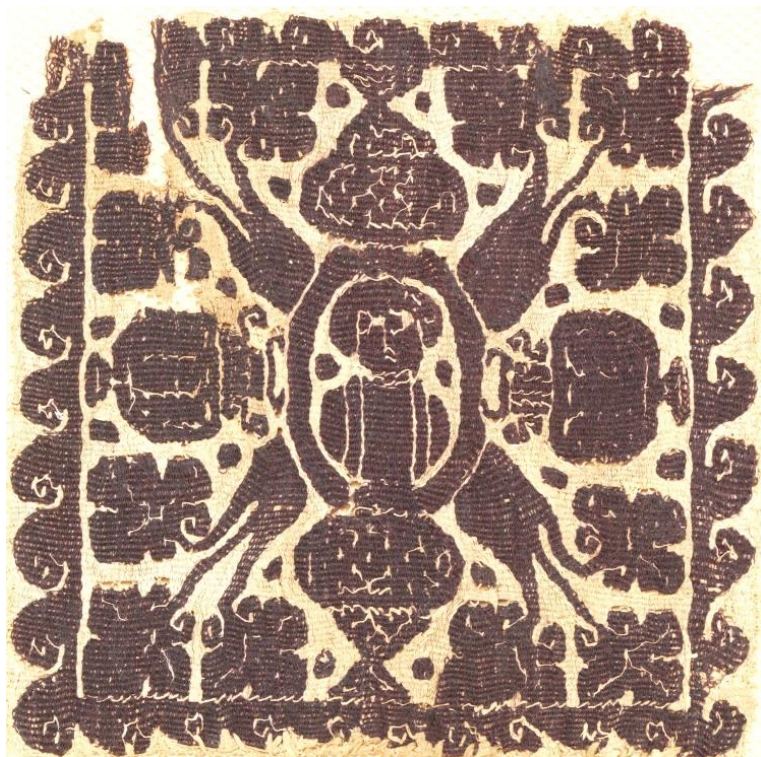

Рис. 2. Пурпурная вставка с погрудным изображением юноши.
IV в. Египет. Государственный Эрмитаж.

Подобные композиции часто встречаются на римских саркофагах позднего времени, обещаая их владельцу возрождение в новой жизни.

Изображения в медальонах характерны для эсхатологических композиций, в центре которых представлены nereida, плывущая на гиппокамфе, скачущий галопом всадник, фигуры льва, зайца или орла. На ткани с изображением орла с крестом в клюве из собрания Эрмитажа вытканы чередующиеся головки с львиными протомами, которые, несомненно, свидетельствуют о воскресении [Матье, Ляпунова 1951: 171, 172, № 381].

В более поздний период складывается подчеркнуто христианский характер композиций. К VI в. относится плечевой медальон и полоса с изображением всадника и двух воинов по сторонам *imago clipeata*. Эта композиция из частного собрания М. Бувье [Stauffer 1991: 125, 126, 42]

представляет значительный интерес с точки зрения иконографии, так как фигуры воинов, поддерживающих медальон с двух сторон, подобно ангелам, напоминают сцену Вознесения.

Обратившись к композициям с погрудными изображениями в медальонах заметим, что все они, так или иначе, связаны с дионисийской тематикой. Отсутствие конкретных атрибутов у большинства изображений не дает возможности для их отождествления, но позволяет связать их с благопожелательной символикой [Maguire 1999: 135]. Большая часть типологически близких изображений из собрания Эрмитажа приходится на лондонскую коллекцию Виктории и Альберта и собрание Муниципального музея Гааги. Примечательно, что все они происходят из бывшего греческого поселения Панополя (современный Ахмим). Возможно, причина кроется в том, что значительная часть населения этого поселения была римскими ветеранами и их потомками, долгое время сохранявшими традиции привычной погребальной практики.

Библиография

- МАТЬЕ М., ЛЯПУНОВА Э. Художественные ткани коптского Египта. – М.; Л., 1951.
- Ägypten: Schätze aus dem Wüstensand. Kunst und Kultur der Christen am Nil. Katalog zur Ausstellung. – Wiesbaden, 1996.
- BALTY J. Mosaique de Gê et des Saisons a Apamêe // Syria. – 1973. N 3–4.
- Beyond the Pharaohs. Egypt and the Copts in the 2nd to 7th century A.D. – Rhode Island, 1989.
- BRUHN J.-A. Coins and Cosrume in Late Antiquity. – Washington, 1993.
- CLÉDAT J. Le monastere et la necropole de Baouit. // MIFAO. – 1912. T. XII.
- GRABAR A. Christian Iconography. – New York, 1968.
- KALAVREZOU J. Byzantine Women and their World. – London, 2003.
- Maguire, The good Life // Late Antiquity. A Guide to the postclassical World. – Cambride; London, 1999
- STAUFFER S. Textiles d’Egypte. – Bern, 1991.

Л.В. СЕДИКОВА
Государственный музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

ПРЕДМЕТЫ ХРИСТИАНСКОГО КУЛЬТА ИЗ РАСКОПОК I КВАРТАЛА ХЕРСОНЕСА

Раскопки I квартала Южного района Херсонеса, проведенные совместной экспедицией Херсонесского заповедника и Института классической археологии Техасского университета (США) при участии специалистов из Университета Саленто (Италия) обогатили наши представления о жизни провинциального византийского города. По предварительным подсчетам раскопками открыто менее половины квартала последнего периода застройки города. Среди огромного разнообразия вещевого материала раскопок можно выделить небольшую группу находок, связанных с христианским культом.

1. Крест нательный из медного сплава (инв. № 6/37363). Размеры 2х1,7 см. Найден в засыпи цистерны, во внутриквартальном дворе.

Крест украшен кружками на концах ветвей (сохранился лишь один). Средокрестье оформлено в виде квадратного щитка, в центр которого вписан «андреевский» крест. Датировка – XII–XIII вв. Аналогии встречаются как на византийских, так и на древнерусских памятниках [Дончева-Петкова 2011: 260; Колесникова 2006: 137].

2. Крест из желтого металла на кольце с разомкнутыми концами (инв. № 3/37384). Размеры креста 3х1,9 см, толщина 0,3 см. Диаметр кольца с разомкнутыми концами 1,9 см, длина язычка – 1,8 см. Найден в слое разрушения XIII в. в помещении 26 усадьбы 1.

Крест равноконечный с петелькой сверху; продет в кольцо-серьгу. Средокрестье обмотано нитками.

3. Крест нательный бронзовый (инв. № 34/37425). Размеры 3,6х3 см, толщина 0,2 см. Найден во внутреннем дворе усадьбы 2.

4. Крест процессионный железный (инв. № 76/37363). Размеры 45х25 см. Найден в слое разрушения помещения 21 усадьбы 1.

Крест односторонний, плохой сохранности. Ветви с удлинненными вертикальными рукавами и расширяющимися концами в виде «ласточкиных хвостов». Средокрестье декорировано серебряной накладкой, в верхней части которой видны следы орнамента. Сохранность памятника затрудняет его атрибуцию. В целом, железные прецессионные кресты датируются в пределах IX–XII вв. [Пескова, Строкова 2012: 168]. Условия находки в кладовой с продуктами позволяет предположить, что к моменту разрушения помещения крест вышел из употребления по прямому назначению.

5. Крест-энколпион бронзовый с гравировкой и инкрустацией серебром (инв. № 106/37406). Размеры 6,5х4,4 см, толщина створок 0,5 см. Обломана часть нижней петли лицевой створки. Найден в слое разрушения помещения 35 усадьбы 2.

Концы ветвей энколпиона закругленные, с двумя выступами по бокам. На выступах – круглые углубления, инкрустированные серебром. На лицевой створке рельефное распятие, на концах боковых ветвей – инкрустированные медальоны с очень плохо сохранившимися гравированными изображениями святых (в верхнем медальоне плохо читаемое изображение креста); на оборотной – рельефное изображение в рост Богородицы с ладонями, раскрытыми перед грудью и погрудные изображения святых в трех медальонах.

Этот иконографический тип характерен для древнерусских энколпионов, обычно датируемых XII – первой половиной XIII в. [Корзухина, Пескова 2003: 117–127].

6. Икона из черного сланца (инв. № 79/37384). Размеры сохранившегося фрагмента 3,2х3,0 см при толщине 0,6 см. Найдена в слое разрушения стен помещения 25 усадьбы 2.

Маленькая прямоугольная икона-подвеска с закругленной верхней частью, несет погрудное изображение Христа Эммануила выполненное в низком рельефе. В центре композиции лицо безбородого юноши в хитоне. Над головой крестчатый нимб. Бюст Христа обрамлен рельефным арочным ободком. Изображение Христа Эммануила без сопровождения Богородицы встречается редко. Близкие аналогии – стеатитовые иконы-подвески XIII в. из коллекции Британского музея, музеев Торонто и Кливленда, опубликованные И. Калаврезу-Максейнер [Kalavrezou-Maxeiner 1985: 190].

Предметы христианского культа из I квартала Херсонеса, в подавляющем большинстве, относятся к византийскому производству. Исключение составляет крест-энколпион древнерусского происхождения. Набор культовых предметов является типичным для провинциального византийского города.

Библиография

- КОЛЕСНИКОВА Л.Г. Связи Херсонеса – Херсона – Корсуни с племенами Восточной Европы в домонгольский период. – Севастополь, 2006.
- КОРЗУХИНА Г.Ф., ПЕСКОВА А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. – Спб., 2003.
- ПЕСКОВА А.А., СТРОКОВА Л.В. Христианские древности Византии в «сирийской» коллекции» Б.И. и В.Н. Ханенко. – Спб.; Киев, 2012.
- ДОНЧЕВА-ПЕТКОВА Л. Средновековни крестове-енколпиони от България (IX–XIV вв.). – София, 2011.
- KALAVREZOU-MAXEINER I. Byzantine icons in steatite. – Wien, 1985.

В.А. СИДОРЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

К ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО О СТРОИТЕЛЬСТВЕ САРКЕЛА

Трактат «Об управлении империей» императора Константина Багрянородного (908–959) содержит неоценимые по значению сведения для истории античного Херсонеса и средневекового Херсона. Список литературы, посвященной ему, превосходит, по признанию комментаторов издания 1989 г., библиографию сочинений Прокопия Кесарийского. Составлявшийся как руководство по управлению империей и предназначенный для соправителя и наследника Романа II (945–963), едва ли успевшего в период своего правления совместно с Василием II (959–963) и Константином VIII (961–963 гг.) в полной мере воспользоваться рекомендациями трактата, он оставался конфиденциальным и не имел широкого доступа. Вместе с тем и источники, которыми пользовался Константин Багрянородный, принадлежали в основном к числу конфиденциальных, в большинстве не сохранившихся до наших дней. Отсюда – уникальность многих из исторических свидетельств, иногда не известных более поздним авторам или получивших искаженное их редакцией освещение.

Истории Херсона в сочинении Константина Багрянородного посвящено немало строк, среди которых в главе 42 после описания событий, связанных со строительством Саркела Петроной Каматиром и назначения его первым стратигом Херсона следует: «ἐξ οὗ καὶ μέχρι τῆν σήμερον ἐλεκράττησεν ἀπὸ τῶν ἐντεῦθεν εἰς Χερσῶνα προβάλλεσθαι στρατηγούς» (*из-за этого и до нынешнего дня укоренилось от тех, кто оттуда, в Херсон избирать стратигов*) [Constantine Porphyrogenitus 1967: 184, §42⁵³⁻⁵⁴; Константин Багрянородный 1989: 172, 173, гл. 42⁵³⁻⁵⁴]. Опубликованный без комментария и греческого текста перевод В.В.

Латышева и Н.В. Малицкого [Латышев, Малицкий 1934] не избежал корректировки начальной фразы этого сообщения. У Дженкинса оно переводится «And from that time until this day» [Constantine Porphyrogenitus 1949, 1967: 185], где «с того времени» устраняет причинно-следственную связь частей, выражавшуюся посредством «ἐξ οὗ». Перевод под редакцией Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева корректен только по отношению к английскому переводу Дженкинса: «С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних» [Константин Багрянородный 1989: 173]. По мнению комментаторов 42-й главы (М.В. Бибилов, А.П. Новосельцев) выражению «ἀπὸ τῶν ἐντεῦθεν» более соответствует «из этих мест», но, очевидно, понимая приближенность к переводу такого варианта, отмечали: «Не исключено, однако, что здесь Константин говорит об избрании стратига из жителей Херсона, что еще раз свидетельствует об особом статусе Херсонской фемы в это время» [Константин Багрянородный 1989: 403, прим. 35]. Нарушение логической связи этого раздела с предшествующим сообщением, где речь шла о назначении стратигом Петроны Каматира, который хотя и побывал в Херсоне по пути из строившейся под его присмотром хазарской крепости Саркел, но местным для Херсона не был, практически и породило затруднения в переводах.

Пересказ событий, связанных со строительством крепости Саркел, находится у «Продолжателя Феофана» в 3-й книге, написанной, как предполагается, в правление Константина Багрянородного в 945–959 гг. [Продолжатель Феофана 1992: 218]. Некогда высказывавшееся предположение (Х. Сигнес) о принадлежности авторства первых пяти книг Продолжателя Феофана самому Константину Багрянородному не подтверждается хотя бы потому, что анонимный автор иногда по-своему понимал изложенное в трактате Багрянородного, пытаясь прояснить показавшиеся ему неясными места. Возможно заметив несогласованность частей описания ее, он пишет о назначении Петроны стратигом Херсона следующее: «Дал он царю и совет относительно Херсона, поскольку познакомился там и с людьми, и с местом... Феофил возвел в протоспафарии и послал туда стратигом все того же Петрону, поскольку тот знаком был с местом, а протевону и всем другим велел безоговорочно ему подчиняться. С тех пор и поныне вошло в обычай отсюда посылать стратигов в Херсон. Так был сооружен Саркел. Так начали отсюда посылать стратигов в Херсон» [Продолжатель Феофана 1992: 56, 57; Theophanes Continuatus 1838: III, 28]. Таким образом, если у Константина Багрянородного стратиги должны были происходить «оттуда» (ἀπὸ τῶν ἐντεῦθεν), т.е. из Херсона, и избираться (назначаться), то Продолжатель

Феофана вносит поправку, исходя из своего понимания связи назначения стратигом Петроны и вытекающего из этого обычая «отсюда посылать».

Перевод начинающей оборот фразы в тексте Константина Багрянородного «ἐξ οὗ» – «из-за этого» предполагает акцентируемую предлогом причинно-следственную связь между сообщением о назначении первого стратига и последующим повествованием об избрании стратига из местных, в то же время логически фрагменты не связаны. Объяснение причины, из-за чего стало традицией назначать стратигов «из этих мест», отсутствует в тексте, представляя собой очевидный пропуск свидетельства, возможно находившегося в исходном варианте рукописи или протографе.

Среди известных событий в истории Херсона, происходивших между возведением его в ранг стратигиды и написанием сочинения Константина Багрянородного (ок. 940–945 гг.), такое, которое могло стать причиной избрания херсонских стратигов из местных, можно найти одно. Примечательно, что сообщение о нем находится у Продолжателя Феофана, который связывает время события с поражением ромеев в битве у Булгарофига: «οἱ τῆς Χερσῶνος οἰκητορες τὸν αὐτῶν ἀπέκτειναν στρατηγὸν Συμεὼν τὸν τοῦ Ἰωνᾶ» (*жители Херсона убили их стратига Симеона, сына Ионы*) [Theophanes Continuatus 1838: 360 (VI, 10); Продолжатель Феофана 1992: 150]. Так же кратко это событие, относимое к 892 г., описал Георгий Амартол, который, возможно, по ошибке связывал его с правлением Феофила [Успенский 1889: 288, 289; Истрин 1920: 531]. Это разночтение представляется особенно важным для подтверждения предположения о том, что в тексте Константина Багрянородного изначально могла находиться вставка с сообщением об убийстве херсонского стратига, которая хронологически не связана с деяниями Феофила и была перемещена переписчиками в жизнеописания Льва VI в 3-й книге Продолжателя Феофана.

Известно, что император Лев VI (886–912) отменил право назначения должностных лиц как синклитом (совет при императоре), так и органами городского самоуправления (куриями) [Литаврин 1977: 178]. Эта реформация, очевидно, коснулась и Херсона, которого ограничение функций городского самоуправления лишало всех его привилегий. Возможно, причиной бунта была попытка ликвидации сохранявшегося с римского времени традиционного органа управления – Совета (Буле), возглавлявшегося избираемым из лиц его первого ряда («первенствующим» или «отцов города») первым архонтом (протоархонтом) или первенствующим (протевонем).

Совмещение должности стратига и протевона Херсона действительно отмечается в период, следующий за восстанием горожан и

убийством стратига. Таковым был Калокир, о котором сообщает Скилица как о посланнике императора к Святославу в 967 г. Очевидно, переписчик текста дополнил его словом «сын» из соображений своей логики, а в оригинале у Скилицы могло быть вполне связанное сообщение: «τὸν τοῦ ἐκ Χερσῶνος πρωτεύοντο<ς υἱὸν τὸν> Καλοκῦρον» – (самого из Херсона протевона Калокира). Существование двух экз. вислой печати Калокира с надписью «Θ(εοτό)κε βοήθ(ει) τῇ σῇ δούλῳ Καλοκῦρῳ πατρ(ικίῳ) (καὶ) στρατ(ηγῷ) (καὶ) (πρῶ)τευ(όντι) Χερσόννο(ς)» (*Богородица, помоги рабу твоему Калокиру, патрикию, стратигу и протевону Херсона*) [Алексеев 1996: 157–159, № 15, рис. 2,9; Alekseyenko 2012: 220, 221, nr. 137.1-2; Алексеев 2013: 296, 297, № 1] оправдывает нашу корректуру Скилицы, свидетельствуя о совмещении протевонимом Калокиром должностей стратига и протевона. В свое время еще Ф.И. Успенский отмечал, что чины патрикиев обычно получали стратиги византийских фем [Успенский 1901: 161], что тоже находит подтверждение в печати Калокира. Можно не сомневаться, что к подобным Калокиру, совмещавшим должности стратига и главы самоуправления города, относился и херсонский Вогас, упоминаемый в письме константинопольского патриарха Николая Мистика к болгарскому царю Симеону об угрозе нападения печенегов (сентябрь 917 г.). Тот же стратиг, по наблюдению В.Г. Васильевского, спровоцировал нападение печенегов на болгар, что, отвечало политическим интересам Византии [Васильевский 1889: 287, 288]. Таковым же был и херсонский стратиг, приславший царю донесение о походе руссов (Игоря) [Веселовский 1889: 87, 88], и другие, служившие верными императору проводниками византийской политики в Таврике и Причерноморье. Насколько же императоры доверяли стратигам, происходившим из Херсона и совмещавшим свои должности с постами глав самоуправления, можно судить из рекомендаций, предписываемых им Константином Багрянородным на случай восстания горожан [Constantine Porphyrogenitus 1967: 286_{512–529}, 287 (§ 53); Константин Багрянородный 1989: 274, 275].

К вопросу о времени преобразования фемы Херсон в стратигиду, соответствующему назначению первым стратигом Петроны Каматира, исследователи обращались не раз. К.К. Цукерман, опираясь на сообщения Продолжателя Феофана, относит это событие к 841 г., связывая с предшествующим ему строительством Саркела [Цукерман 1997: 312–323]. Ф.И. Успенский высказывал сомнения в достоверности самого свидетельства об этом строительстве: «Хазарский каган не мог просить византийское правительство послать в его страну военный отряд для строения крепости; при известных же отношениях хазар к грекам, отношениях недоверчивых и ревнивых, византийское правительство не

могло отправить экспедицию на север и приказать построить крепость без другого распоряжения — оставить в этой крепости свой гарнизон. Такова, по крайней мере, обычная политика Византии на восточных окраинах, где она приобретала новые области и города посредством военных колоний» [Успенский 1889: 288]. Он же усматривал несогласованность частей 42-й главы Константина Багрянородного, независимую от причинно-следственного алогизма: «... в занимающей нас главе есть смешение двух вещей: постройка Саркела и реорганизация по управлению Корсунем» [Успенский 1889: 288], — что приводило его к заключению, «что вставка о строении Саркела сделана на основании данных, хранящихся в Константинополе, но сделана умышленно и искажена» [Успенский 1889: 288]. Рассматривая этот вопрос под иным углом зрения и считая обнаруживающийся в хронике Продолжателя Феофана фрагмент об убийстве херсонского стратига перемещенным из текста Константина Багрянородного, мы можем рассеять сомнения в достоверности сведений о строительстве Саркела.

Библиография

- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ – Симферополь, 1996. Вып. V. С. 155–170.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Патрикий Калокир: этапы карьеры херсонского аристократа // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». – Севастополь, 2013. Вып. 01. С. 293–312.
- ВАСИЛЬЕВСКИЙ В.Г. О построении крепости Саркела // ЖМНП. – 1889, октябрь. С. 287, 288.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ Б.З. Видение Василия Нового о походе русских на Византию в 941 г. // ЖМНП. – 1889, январь. С. 87, 88.
- ИСТРИН В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. – Петроград, 1920. Т. I.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Под редакцией Г. Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. – М.: «Наука», 1989. – 496 с. + 2 карты.
- ЛАТЫШЕВ В.В., Малицкий И.В. Сочинение Константина Багрянородного «Об управлении государством / Известия византийских писателей о Северном Причерноморье (выпуск первый) // ИГАИМК. – 1934. Вып. 91.
- ЛИТАВРИН Г.Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. Проблемы истории одного столетия: 976–1081 гг. – М.: Наука, 1977. 314 с.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Изд. подг. Я.Н. Любарский. – СПб: «Наука», 1992. 352 с.

УСПЕНСКИЙ Ф.И. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX–X вв. // Киевская старина. – Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1889. Т. 25. С. 253–294.

УСПЕНСКИЙ Ф.И. Военное устройство Византийской империи // ИРАИК. – София: Державна печатница, 1901. Т. VI (вып. 1). С. 154–208.

ЦУКЕРМАН К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // БИАС. – Симферополь: Таврия, 1997. Вып. I. С. 312–323.

ALEKSEYENKO N. L'administration Byzantine de Cherson. Catalogue des sceaux. – Paris, 2012. 268 p.

Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. I. Ed. by G. Moravcsik, english translation by R.J.H. Jenkins // Corpus fontium historiae Byzantinae. – Washington, 1967.

Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ex rec. I. Bekkeri. – Bonnae: Imp. E.D. Weberi, MDCCCXXXVIII (1838).

В.П. СТЕПАНЕНКО

Уральский Федеральный университет
им. Первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

БРОНЗОВАЯ ИКОНКА ИЗ ХЕРСОНЕСА

В собрании Херсонесского музея-заповедника хранится бронзовая иконка с изображением Архангела Михаила в рост и некого Иоанна [Яшаева, Денисова, Гинькут, Залеская, Журавлев 2011: 206, 496, № 141] (рис.1).

Рис. 1. Икона
с изображением архангела
Михаила Хониата
и адоранта Иоанна.
Бронза. Фонды ГМЗ
«Херсонес Таврический»,
инв. № 5505.

Размер 12,3x8,5 см.

Место находки неизвестно (из раскопок Херсонеса до 1888 г.).

Сюжет традиционный в византийском искусстве, в частности, в монументальной живописи. Обращенный в три четверти к архангелу Иоанн изображен в рост, что является наиболее распространенным вариантом схемы адорации, широко представленным как во фресках Касторьи [Καστοριά 1984: 29, ill. 6; 40, ill. 20; 42, ill. 21; 45, ill. 24; 65, ill. 19, 21; но ср.: 70, ill. 4, 6] и Каппадокии [Bernardini 1992: 121], так и в мозаиках Сицилии, но редким в памятниках прикладного искусства. Изображения и надписи выполнены чеканкой. Судя по следам от гвоздей, возможно, ранее иконка имела обрамление, до нас не дошедшее. Атрибуция ее изготовления в Малой Азии лишь на основании того, что в надписи Михаил назван Хониатом, не единственно возможная, так как храмы его известны от Южной Италии (Монте Гаргано) до Хон. Ясно лишь, что сделана она не в Херсонесе, где ее видимо «изуродовали», вырезав фрагменты для вставок.

Датировка иконки – XI в.

Вторым и третьим вариантами композиции являются изображения коленопреклоненного адоранта перед божеством (святым) или же распростершегося перед ним в проскинезисе, примером чего является литая бронзовая иконка почти тех же размеров (11x9 см) из Византийского музея в Фессалониках [Φεσσαλονίκη 1986: 89, v. 24.11]. В данном случае это механическая копия оригинала, возможно, из драгоценного металла. Воспроизведены все греческие надписи с именами апостолов и св. Николая в среднике, но, в отличие от херсонесской, здесь нет надписи, сопровождающей изображение адоранта, распростершегося в проскинезисе у ног святого. Отливка очень низкого качества, с массой раковин в металле. Но, судя по качеству оригинала, это явно пример не массовой продукции, как и херсонесский памятник.

В Протате на Афоне хранится серебряная ставротека (размер 17,8x14,2 см) с Распятием, предстоящими и заказчиком монахом Зосимой, распростертым опять же в проскинезисе перед Богоматерью, но не перед Христом [Mont Athos 1997: 339–341, пг. 9.18]. Памятник явно заказан ктитором, хотя его константинопольское происхождение довольно сомнительно.

Изображения ктиторов известны на бронзовых вратах, сделанных в Константинополе в XI–XII вв. представлены они также на дверях церкви Сан Паоло фуори ле Мура в Риме (1070) и на портале Сен Марко в Венеции (ок. 1112). В клейме первых изображение ктитора Панталеоне из Амальфи, коленопреклоненного перед апостолами Петром и Павлом, на вторых – Лео де Молино, бывшего прокуратором Сан Марко, также на

коленях у ног св. Марка [Bizantini in Italia 1982: 314, 366, ill. 249–251, 318; Frazer 1973: 152–158].

Данные сцены известны и на двух моливдовулах. На первом князь Олег-Михаил распростерся в проскинезисе перед Архангелом Михаилом [Алферов 2013: 28–31]. Матрицы печати были сделаны в Константинополе в 80-е гг. XI в. На втором – монах Иосиф из монастыря св. Тарасия в Константинополе изображен коленопреклоненным перед св. патриархом Тарасием [Campagnolo-Pothitou, Chenet 2016: 437, 438, nr. 386a-b]. Ее матрицы также явно столичного происхождения.

Создается впечатление, что за пределами Византии данная иконография была не слишком популярна и представлена лишь памятниками византийского культурного круга. Можно упомянуть ктиторскую мозаику Мартораны в Палермо с изображением Георгия Антиохийского, распростертого в проскинезисе у ног Богоматери (ок. 1143). Ктитор также был греком или сирийцем. Отсюда и обращение к византийским образцам и приглашение греческих мозаичистов.

Возвращаясь к иконкам из Херсонеса и Салоник отметим, что обе они явно связаны с паломничествами и привезены из центров почитания архангела и святого. Но, как показал К. Тотев, традиционно евлогии отливали из дешевого свинца и они дошли до нас в значительном количестве [см. Totev 2011]. Памятников из бронзы известно намного меньше. Чаще всего они копировали образцы из более дорогих материалов – слоновой кости и драгоценных металлов. Как, например, иконка с изображением Богоматери Умиление из Болгарии, копирующая оригинал из слоновой кости, хранящийся в Ватопеде на Афоне [Mont Athos 1997: nr. 9.7; Тотев, Плетньов 2011: 153–155, № 17]. Публикация памятников из района Варны показывает, что значительное количество медных экземпляров механически копирует оригиналы, как, например, иконка с Богородицею на троне из Калиакры, отлитая в совершенно стершейся форме так, что от всех фигур остались лишь контуры [Тотев, Плетньов 2011: 69, фиг. 33].

В отличие от данных памятников ставротека Зосимы сделана по индивидуальному заказу. Создается впечатление, что и херсонесская иконка, также выполненная в технике чеканки, была изготовлена по заказу некоего Иоанна. Судя по отсутствию его патронима, к знати он не принадлежал, но мог позволить себе приобрести достаточно дорогую вещь, возможно, даже для него и созданную, если надписи не были добавлены позже, уже после ее покупки где-то в империи. Была ли это евлогия сказать трудно, хотя это вполне вероятно.

И последнее. Судя по вариативности иконографии сцены адорации, можно предположить, что образ ктитора или адоранта в рост, на коленях или в проскинезисе всецело зависел от степени осознания оным своей греховности.

Библиография

АЛФЕРОВ А. Печатка Михаїла, архонта і дуки Матрихи та всей Хазарії з колекції О. Шереметева // *Sphragistic meridian*. Київ-Корсунь-Константинополь. Матеріали міжнародного colloquium по візантійсько-руській сфрагистике. Київ 13–16 сентября 2013 г. Київ; Севастополь. 2103. С. 28–31.

TOTEV K., ПЛЕТНЬОВ В. Візантійсько искусство. Християнски реліквии от Варненско XI–XIV век. Варна, 2011.

ЯШАЕВА Т., ДЕНИСОВА Е., ГИНЬКУТ Н., ЗАЛЕССКАЯ В., ЖУРАВЛЕВ Д. Наследие византийского Херсона. Каталог. – Севастополь; Остин. 2011.

CAMPAGNOLO-POTHITOU M., CHENET J.-Cl. Sceaux de la collection George Zacos au Musée d'Art et d'histoire de Genève. – Milan, 2016. *Φεσσαλονίκη. Ιστορία και Τέχνη*. – Αθήνα, 1986.

FRAZER M.E. Church Doors and the Gates of Paradise: Byzantine Bronze Doors in Italy // *DOP*. – 1973. Vol. 27.

I Bizantini in Italia. – Milano, 1982.

TOTEV K. Thessalonican eulogia found in Bulgaria. – Veliko Tynovo, 2011.

The Treasures of Mont Athos. Catalogue of the exhibition. – Thessaloniki, 1997.

Νατζηδακης Μ. Καστοριά – Αθήνα, 1984.

Bernardini L. Les donateurs des églises de Cappadoce // *Byzantion*. – 1992. Vol. LXII.

Е.В. СТЕПАНОВА
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

**ЛЕВ - ДИАКОН ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ
И Ὁ ἈΝΘΡΩΠΟΣ ΔΕΣΠΙΝΗΣ***

Категории Ὁ ἄνθρωπος и ὁ δοῦλος не входили в византийский «Табель о рангах» и не являлись ни титулом, ни должностью. Скорее, они обозначали личную преданность нижестоящего лица вышестоящему. По письменным источникам и сфрагистическим памятникам в большей мере известны Οἱ ἄνθρωποι и οἱ δοῦλοι светских лиц, в ряде случаев – церковных иерархов. В особую группу входят печати, в легендах которых фигурируют Ὁ ἄνθρωπος τοῦ βασιλέως и ὁ δοῦλος τοῦ βασιλέως. Отмечая это явление, Г.Г. Литаврин в свое время писал: «здесь имеются в виду не просто высшие придворные чины, а люди, пользующиеся доверием и расположением императора. Они могли не занимать официально высокой должности, но фактически в силу своих личных отношений с императором править империей» [Кекавмен 1972: 604, прим. 1209].

В этом ряду стоит одна из неопубликованных печатей из коллекции Эрмитажа.

1. Лев, диакон Великой церкви, канстрисий, хартулярий и человек деспины.

ГЭ. Инв. № М-4607.

Диаметр – 23 мм.

Сохранность: щербины по краю, прорыв канала на лицевой стороне.

Происхождение: из коллекции РАИК.

Не издана.

Аверс. Надпись в пять строк:

+Κ.Ρ. | ΛΕΟΝΤΙ | ΔΙΑΚΟΝ. | ΤΗΣ ΜΕΚ | ΚΛ.С

Реверс. Надпись в пять строк:

ΣΚΑΝC | Τ·ΧΑΡΤΗ | ΑΡSΑΝΘ | ΤΗΣ ΔΕC | ΠΟΙΝ

Κ(ύρι)[ε] β(οή)[θ](ε)ι Λέοντι διακόν[ω] τῆς Μ(ε)γ(άλης) Ἐκκλ[ε]σ(ίας)
(καὶ) κανστ(ρισίω) χαρτου[λ]αρ(ίω) (καὶ) ἀνθ(ρώπω) τῆς δεσποίν(ης).

Датировка печати: XI в.

Кроме должностей диакона Святой Софии и хартулярия в легенде указан также редко встречающийся на печатях пост *канстрисия*. Канстрисий занимал высокое положение в церковной иерархии, находясь в личном услужении патриарху, отвечал за патриаршие облачения и помогал ему во время литургии.

Самым же необычным на этой печати является соединение церковных должностей с указанием на то, что Лев был человеком госпожи – деспины (ἀνθρώπῳ τῆς δεσποίνης).

Деспина (наряду с августой или василиссой) – один из официальных титулов византийской императрицы. Как показали исследования Е. Бенсаммар, этот титул в основном использовался с IX в. (начиная с супруги императора Феофила (829–842) Феодоры) и вплоть до конца XII в., в особенности суверенными правительницами, либо соправительницами, либо регентами при малолетних императорах (Bensammar 1976: 284–288).

Пожалуй, пред нами первый случай, когда на печати, встречается фраза не «человек императора», а «человек деспины», в данном контексте следует понимать – императрицы.

Печать относится к XI в. Велика вероятность того, что в ее легенде титул деспины относится либо к Зое, либо, что более вероятно, к ее сестре Феодоре, управлявшими империей во второй четверти XI в. Титул деспины, наряду с другими официальными титулами императриц, появляется при описании их деятельности у Пселла, Скилицы, Атталиата, и у других авторов.

Владелец печати, несомненно, был очень влиятельным и близким к императрице человеком, таким, например, как Лев Параспондил, фаворит и «первый министр» императрицы Феодоры.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00228.

Библиография

- КЕКАВМЕН. Советы и рассказы: Поучения византийского полководца XI века. / Подготовка текста, введение, пер. с греч., комментарий Г.Г. Литаврина. – М., 1972.
- BENSAMMAR E. Le titulature de l'impératrice et sa signification // Byzantion. – 1976. Т. 66.

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

НАГРУДНЫЕ УКРАШЕНИЯ В КОСТЮМЕ КРЫМСКИХ ГОТОВ*

Одним из важных аксессуаров в костюме жительниц Юго-Западного Крыма во второй половине VI–VII вв. были фибулы – наплечные застежки, при помощи которых накидка пристегивалась к платью [Хайрединова 2000]. Во второй половине VI–VII вв. бытовали двупластинчатые и пальчатые фибулы германского круга, во второй половине VI – первой четверти VII вв. – византийские застежки различных форм, а в VII в. – еще и фибулы днепровского круга.

Как правило, в одежде женщин и девочек присутствовало по две одинаковых фибулы. Нередко в пару объединяли однотипные, но по разному декорированные и отличающиеся размерами фибулы. Зафиксированы случаи использования и одиночных фибул. Фибулы всех типов носили головками вниз и зачастую соединяли между собой цепью или низкой бус и различных подвесок, образовавших своеобразное нагрудное украшение.

Чаще всего фибулы соединяли толстой нитью, на которую были нанизаны от 11 до 36 крупных бусин из янтаря, одноцветного и полихромного стекла, а также из меловой породы и горного хрусталя (рис. 1). Концы нити привязывали к пружинам фибул. В «фибульных» ожерельях бусы располагались в определенном порядке: изделия из природных материалов чередовались со стеклянными. Последние представлены крупными экземплярами, среди которых преобладают полихромные с глазчатым или пятнистым орнаментом. Такие бусины были своеобразными амулетами. По этнографическим данным, на Кавказе женщины хранили в специальной шкатулке 9–10 крупных бус, каждая из которых имела свое назначение: с волнистой полоской вдоль центра – «от змей», желтая с мелкими глазками – «от оспы», синяя глазчатая – «от сглаза» и т.д. [Иерусалимская 2001: 95]. Бусы из природных материалов отличаются крупными размерами и необычной формой. Они никогда не встречаются в ожерельях, носившихся на шее.

Рис. 1. Нагрудные украшения в costume крымских готв.

Вместе с бусами на нить, соединявшую фибулы, нередко нанизывали колокольчики и различные металлические подвески (рис. 1, 1,2,4). Колокольчики выполнены с граненой петелькой, их тулова украшены резными концентрическими линиями, а внутри у многих сохранились остатки железной биты. Колокольчики являются одним из самых распространенных видов амулета-оберега в погребениях древних народов Северного Причерноморья и Кавказа. Много их в варварских могильниках Крыма римского времени. В древности колокольчики пришивали или подвешивали на цепочке к одежде. Они известны в женских погребениях VI–VII вв. у гепидов, лангобардов и меровингов, в византийских крепостях в Подунавье. В Юго-Западном Крыму колокольчики характерны как для детского костюма, так и для женского парадного убора с большой орлиноголовой пряжкой [Хайрединова 2000]. В некоторых «фибульных» украшениях присутствуют перстни и кольца (рис. 1,3). Один из таких перстней, с вырезанным на щитке изображением Хнубиса, змея с лвиной головой в нимбе, относится к группе медицинских магических амулетов, предназначавшихся для улучшения пищеварения и для лечения болезней пищеварительного тракта [Хайрединова 2014]. Женщина, которой принадлежал перстень-амулет, специально носила его в нагрудном ожерелье, на уровне желудка (рис. 1,3).

В качестве подвесок к фибулам использовались и уникальные предметы. Так, в могильнике у с. Лучистое, в склепе 154 в низке бус, соединявшей фибулы, присутствовали бронзовая крышка от светильника и ручка стеклянной лампы, а к левой фибуле подвесили зеркало (рис. 1,3). Крышка принадлежала бронзовому византийскому светильнику, аналогичному бытовавшим в VI–VII вв. в Египте. Судя по находкам, такие светильники поступали и в Херсон, и на Боспор. Крышку использовали в качестве подвески из-за ее формы – она отлита в виде морской раковины. В склепе 122А из этого же некрополя, в одном из погребений первой четверти VII в. найдена фибула, к которой кожаным ремешком привязали вытянутый по всей длине бронзовый шарнирный браслет (рис. 1,2). Подобные браслеты известны в Византии [Waldbaum 1983: Pl. 26,416]. Видимо, похороненная в названном склепе женщина не знала о назначении предмета и использовала его в качестве подвески.

Фибулы соединяли между собой еще и бронзовыми цепочками, образованными восьмерковидными проволочными звеньями (рис. 1,4). Крайние звенья цепей надевали на иглы или крепили на тетиве пружин фибул. В могильнике на склоне плато Эски-Кермен найдена бронзовая цепь, между звеньями которой вставлена поломанная византийская цельнолитая пряжка варианта II-8 [Хайрединова 2008].

Иногда к каждой фибуле отдельно прикрепляли несколько крупных янтарных бусин или сложносоставную «шумящую» подвеску. Основу такой подвески образует ядро из дерева, либо грецкого ореха или фруктовой косточки, оплетенное бронзовыми узкими пластинами и пронзенное тремя пересекающимися стерженьками с петельками на концах, к которым при помощи кожаных ремешков прикреплены трубочки с трапециевидными подвесками. Подвески – амулеты из орехов, фруктовых косточек, дерева, металла или горного хрусталя, оплетенные бронзовыми лентами известны в женских погребениях германцев в позднеримское время и в эпоху раннего средневековья. Их носили в составе ожерелий или в качестве подвесок к поясу. В Лучистом описанные подвески зафиксированы *in situ* рядом с фибулами. В склепе 228 следы кожаного шнура от подвески зафиксированы на пружинном механизме двупластинчатой фибулы. Скорее всего, «шумящие» подвески выполняли роль оберега. Их подвешивали к одной или обоим фибулам. При хождении подобные украшения должны были производить много шума, «отгоняя» тем самым злых духов.

Обычай украшать фибулы подвесками известен у различных варваров в эпоху Великого переселения народов. В княжеском погребении из Эрана первой половины V в. цепь сопровождала пару двупластинчатых инкрустированных фибул [Pilet 1995]. В комплексах VI – первой трети VII вв. из некрополя на р. Дюрсо цепочки служили подвесками к двупластинчатым фибулам [Дмитриев 1982]. В качестве украшений для фибул цепи известны у остготов в Италии [Annibaldi, Werner 1963], лангобардов [Bierbrauer 1990] и меровингов [Werner 1961]. Низками бус украшали фибулы аламаны в V в. [Martin 1995] и гепиды в VI в. [Csallány 1961]. Вкладах из Среднего Поднепровья в большом количестве найдены цепочки с прикрепленными к ним колокольчиками и различными подвесками [Корзухина 1996].

В Юго-Западном Крыму фибулы с украшениями носили как женщины, так и девочки в костюме с большой пряжкой во второй половине VI–VII вв. Каждый элемент этого украшения – будь то бусина или металлическая подвеска, имел свое значение. Фибулы с подвесками были не только украшением, но и средоточием амулетов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Крымские готы страны Дори (середина III–VII вв.)» №15-31-10123.

Библиография

- ДМИТРИЕВ А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков / отв. ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. – М., 1982. С. 69–107.
- ИЕРУСАЛИМСКАЯ А.А. Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (по материалам анализа одежды адыго-аланских племен VIII–IX вв.) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). – Самара, 2001. Т. I. С. 87–105.
- КОРЗУХИНА Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. – Симферополь, 1996. Вып. V. С. 352–435.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. – Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 91–133.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 161–183.
- ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Перстень-амулет первой четверти VII в. из Юго-Западного Крыма // АДСВ. – Екатеринбург, 2014. Вып. 42. С. 69–89.
- ANNIBALDI G., WERNER J. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta, Prov. Ascoli Piceno (Marche) // Germania. – 1963. Bd. 41. S. 356–373.
- BIERBRAUER V. Il ducato di Tridentum // I Longobardi. – Milano, 1990. P. 113–129.
- CSALLÁNY D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454–568 u. Z.). – Budapest, 1961.
- MARTIN M. Schmuck und Tracht der frühen Mittelalters // Frühe Baiern im Straubinger Land. – Straubing, 1995. S. 40–71.
- PILET CH. Un centre de pouvoir: le domaine d’Airan, Calvados (IVe–IXe siècles) // La noblesse romaine et les chefs barabares du IIIe au VIIe siècle: Mémoires publiées par l’Association Française d’Archéologie Mérovingienne. – Saint-Germain-en-Laye, 1995. T. IX. P. 327–334.
- WALDBAUM J.C. Metalwork from Sardis. – London; Cambridge, 1983.
- WERNER J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). Bd. 1. Die Fibeln. – Berlin, 1961.

Н.И. ХРАПУНОВ

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

ХЕРСОН, КАФФА И «МОНОМАХОВЫ РЕГАЛИИ»*

Знаменитый австрийский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн, побывавший при дворе Василия III в Москве в 1516–1517 и 1525–1526 гг., описал обряд венчания российских правителей и, в частности, заметил, что одну из коронационных инсигний, бармы, предок великого князя Владимир Мономах «отнял [...] у некоего побежденного им генуэзца, начальника Каффы» [Герберштейн 2008: 122–123]. Это сообщение, историографией практически не замеченное, имело далеко идущие последствия. Во-первых, в конечном итоге оно привело к формированию популярного в XVII–XVIII вв. представления о крещении Владимира Святого в Каффе (Феодосии). Во-вторых, из него «вырос» рассказ о походе Руси на Крым во второй половине XI в. – первой половине XII в., который, несмотря на критику, существует в историографии до сих пор.

С. Герберштейн, очевидно, столкнулся с ситуацией, когда, стремясь упрочить свою власть, русские цари обратились к популярной фигуре Владимира Мономаха (1053–1125). Возникает представление, что свои инсигнии князь получил от византийского императора Константина IX Мономаха (1000–1055) после успешного похода во Фракию [Дмитриева 1955: 162–165, 175–177, 182–184, 189–195, 197–199, 209–210]. Герберштейн мог знать альтернативную версию происхождения великокняжеских регалий [ср.: Жданов 1891: 337–354], или же намеренно исказить существующую, дабы снизить их престиж. Разумеется, оба варианта имеют мало отношения к реальности, поскольку при жизни Константина IX древнерусский князь был младенцем, а генуэзская Каффа еще не существовала.

Герберштейнову информацию использовал польский историк второй половины XVI в. Мацей Стрыйковский, дополнивший ее яркими деталями. Противниками Владимира Мономаха стали жившие в Каффе

генуэзцы, причем древнерусский князь победил в поединке их вожда, взяв в качестве трофея его драгоценности, ставшие инсигнией московских правителей, и получив за это свое прозвище, означавшее по-гречески «единоборец» [Strykowski 1846: 188]. Вполне возможно, его мотивировало желание объяснить прозвище древнерусского князя [Жданов 1891: 346]. От Мацея Стрыйковского это известие в начале XVII в. попало в сочинения шведа Петра Петрея [Petrus Petreus 1851: 277], испанца Антонио Эрреры-и-Тордесильяса [Herrera 1606: 749] и через него – итальянца Джеронимо Марини [Hieronymus de Marinis 1666: 106–107].

В другом отрывке, рассуждая о крещении князя Владимира Святого в Корсуне (Херсонесе), Мацей Стрыйковский говорит о том, что Владимир захватил сначала Каффу, а потом Корсунь [Maciej Strykowski 1846: 129–130]. Поскольку здесь он также ссылается на Герберштейна, якобы видевшего взятые русским князем трофеи, похоже, что ученый поляк смешал «крымские походы» двух Владимиров. С этого времени «корсунский поход» Владимира I начинают связывать с Каффой, а со временем и отождествлять этот город с Корсунем. Со временем в Каффе даже появилось здание, на которое заезжим путешественникам указывали как на место крещения киевского князя [Храпунов 2016: 320, 321, 323, 325, 326]. Местоположение Херсонеса было точно установлено только после присоединения Крыма к России и начала научных исследований полуострова [Храпунов 2017].

Во второй четверти XVIII в. Василий Никитич Татищев использовал данные Мацея Стрыйковского о походе Владимира Мономаха на Каффу в своей «Истории Российской» [Татищев 1995: 103, 252, прим. 312]. Несмотря на то, что уже Николай Михайлович Карамзин усомнился в достоверности этих известий [Карамзин 1991: 94, 277–278, прим. 221], благодаря авторитету Татищева представление о «походе Руси на Крым», который датируют по-разному, в пределах второй половины XI – первой половины XII, утвердилось в историографии [Сазанов 2015: 327–334; Слядзь 2014: 120–129]. Со временем оно обросло различными подробностями, соображениями и косвенными аргументами, ложность которых выясняется при ближайшем рассмотрении [Свердлов 2009: 140, 179–185; Каштанов 2010: 15–16]. Периодически даже пытаются отыскать археологические свидетельства этого похода.

Проанализированный случай является еще одним примером того, как возникшие в начале Нового времени исторические сюжеты начинают жить собственной жизнью, постепенно изменяясь и порождая новые интерпретации, а иногда обнаруживая мнимые связи с археологическими памятниками. Сегодня они интересны не как источник по истории

Херсонеса и византийской Таврики, но как ценный материал для изучения интеллектуальной истории и исторической имагологии.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование» № 15-01-00104.

Библиография

- ДМИТРИЕВА Р.П. Сказание о князьях владимирских. – М.; Л., 1955.
- ЖДАНОВ И.Н. Повести о Вавилоне и «Сказание о князьях владимирских» (окончание) // ЖМНП. – 1891. Октябрь.
- КАРАМЗИН Н.М. История государства российского. Т. II–III. – М., 1991.
- КАШТАНОВ Д.В. К критике известий об угрозах Херсону в последней четверти XI в.: «Татищевское известие» о походе русского войска // II Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2010.
- САЗАНОВ А.В. Херсон в XI веке // Русский исторический сборник: Средневековый Херсон X–XI вв. – М., 2015. Вып. 8.
- СВЕРДЛОВ М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». – СПб., 2009.
- ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о Московии. / пер. А.И. Малеин, А.В. Назаренко. – М., 2008. Т. I.
- СЛЯДЗЬ А.Н. Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII века). – СПб.; М., 2014.
- ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений. Т. II–III: История российская. Часть вторая. – М., 1995.
- ХРАПУНОВ Н. И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. – Симферополь, 2016. Вып. XXI.
- ХРАПУНОВ Н. И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // АДСВ. – Екатеринбург, 2017. Т. 44 (в печати).
- HERRERA A. (de). Historia general del mundo. P. 1. – Valladolid, 1606.
- MARINIS Hier. (de). Genua, sive dominii, gubernationis, potentiae, dignitatis, Serenissimae Reipublicae Genuensis. Compendiaria descriptio. – Genova, 1666.
- PETREUS P. Warhafftige und Eigentliche Beschreibung, wie und mit welchen Ceremonien die Musskowiter ihre Gross Fürsten... T. 3 // Rerum rossicarum scriptores exteri. – Petropolis, 1851. Т. I.
- STRYKOWSKI M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkich rusi. – Warszawa, 1846. Т. I.

Л.Г. ХРУШКОВА

Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва)

**РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР ИЗ МРАМОРА
(история изучения и современное состояние)**

В ранневизантийскую эпоху мраморные карьеры на о. Проконнесс близ Константинополя массово производили архитектурные детали, которые доставлялись морским путем в разные регионы Средиземноморья. Изучение мрамора касается различных проблем: сред них экономические, политические и культурные связи, распространение христианства и развитие культового строительства, история архитектуры и искусства, особенности литургических устройств, использование споллий в позднейшие эпохи.

Начало изучения византийского мрамора было положено статьей Ж. Лорана, с несколько вызывающим для того времени заглавием: «Христианские Дельфы» [Laurent 1899: 206–279]. Статья Лорана была посвящена византийским архитектурным деталям из мрамора. Интересно, что предложенные им датировки некоторых типов капителей не слишком отличаются от современных. В те же годы знаменитый венский историк искусства Йозеф Стриговский обратил внимание на особый тип аканфа, «тонкий зубчатый аканф» – характерное явление ранневизантийской архитектурной скульптуры [Strzygowski 1893]. Позже капители с этим типом аканфа еще раз рассмотрит Гийом де Жерфаньон, нередко вступая в полемику со Стриговским [Jerphanion 1930: 96–119].

Книга Рудольфа Кауча «История позднеантичной капители на Востоке с IV по VII век» [Kautzsch 1936 (repr. 1970)] стала важнейшим и до сих пор непревзойденным синтезом. Именно на ней основана вся последующая традиция, которая в последние десятилетия развивается преимущественно в региональных аспектах: Константинополь [Betsch 1979; Zollt 1994; Kramer 1994; Russo 2012], Равенна [Deichmann 1976–1989], Балканы [Sodini 1984: 207–298], Греция [Vemi 1989], Адриатика

[Russo 1991], Венеция [Deichmann et al. 1981; Minguzzi 2000], Малая Азия [Ötügen 1996], Эфес [Russo 2011: 23–60] и т.д. В некоторых работах рассматриваются общие проблемы типологии и хронологии [Peschlow, Möllers 1998; Sodini, Barsanti, Guidobaldi 1998; Peschlow 2001].

Как отразился этот опыт в отечественной историографии? В Херсонесе первым мраморами заинтересовался А.Л. Бертье-Делагард, который правильно отметил их сходство с мраморами Равенны, однако он считал херсонесские мраморы более поздними. По его мнению, мраморы Херсонеса «относятся к VI или, вернее, к VII в. [Бертье-Делагард 1893: 30–31]. Работы Лорана и Стриговского остались неизвестны Бертье-Делагарду. Однако его мнение оказалось очень устойчивым и нередко повторяется и в наши дни.

В советское время отметим небольшую, но важную статью Н.В. Измайловой, посвященную одному редкому типу ионической импостной капители из Херсонеса [Измайлова 1927: 121–125]. Эта полузабытая работа сохраняет свою ценность и сейчас.

С изучения капителей Херсонеса начал свою научную карьеру А. Л. Якобсон, еще будучи студентом [Якобсон 1929: 24–27]. Тридцать лет спустя он опубликует свою хорошо известную монографию, в которой раздел, посвященный мраморам, написан на основе сравнительного анализа, с учетом труда Кауча и обширной западноевропейской литературы [Якобсон 1959]. После выхода в свет книги Якобсона публикации, посвященные мраморам Херсонеса, были нечастыми. О.И. Домбровский предложил для некоторых типов капителей значительно более поздние даты, что шло в разрез с международным опытом изучения этого вида мраморных изделий [Домбровский 1963: 76–86]. Позже получили обобщение византийские материалы из Восточного Причерноморья [Хрушкова 1980; 2002; Khroushkova 2006].

Важным этапом стало издание в Польше Каталога ранневизантийских мраморов Херсонеса [Biernacki 2009]. Однако западный читатель находит сведения о Херсонесе в основном в обширной статье Кл. Барзанти [Barsanti, 1989, 91–220]. Барзанти не смогла осмотреть мраморы Херсонеса на месте и включила их в свой обзор мраморов в понтийских регионах, опираясь на упомянутую выше книгу А.Л. Якобсона и статью Анны Бортоли-Казански [Bortoli-Kazanski, 1981: 55–65].

В последние годы мраморы рассматриваются как в контексте общих работ по ранневизантийской архитектуре Херсонеса [Pülz 1998: 45–78; Хрушкова 2004: 167–194; 2016: 327–435; Khroushkova 2007: 75–126; 2008: 141–158; 2013a: 387–402; Смірнов, 2010: 87–112], так и в специальных публикациях, посвященным определенным группам капителей в

Херсонесе и вне его [Хрушкова, 2011, 174–191; 2016, 137–162; Khrushkova 2012: 129–140; 2013b: 85–94].

Сложилась традиция, согласно которой исследователи уделяют больше внимания капителям. Что же касается плит различного назначения, столов, столбиков и пр., о них обобщающих работ издается значительно меньше. В отечественной литературе к числу редких примеров относится статья С.А. Беляева о плитах литургического назначения [Беляев 1987: 142–153].

Значительные коллекции херсонесских мраморов хранятся в Государственном Эрмитаже и Государственном Историческом музее в Москве. Эрмитажные материалы известны лучше [Каталог, 1977], из московской же коллекции изданы лишь единичные предметы.

Полное издание всех византийских мраморов, найденных в Херсонесе, и их всесторонний анализ в современном контексте – дело будущего.

Библиография

БЕЛЯЕВ С.А. Новые памятники ранневизантийской пластики из Херсонеса (к вопросу об интерьере херсонесских базилик) // ВВ. – М., 1987. Т. 48.

БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. – СПб., 1893. Т. 12.

ДОМБРОВСКИЙ О.И. Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // СХМ. – Симферополь, 1963. Вып. 3.

ИЗМАЙЛОВА Н.В. Византийская капитель в Херсонесском музее // *Seminarium Kondakovianum*. 1927. Т. I.

Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Ред. А.В. Банк, О.С. Попова. М., 1977. Т. 1–3.

СМІРНОВ Р. Скульптура та архітектурний декор (IV – перша половина XVI ст.) // *История українського мистецтва. У п'яти томах. Гол. Ред. Г. Скрипник. Мистецтво середніх віків.* / под ред. Л. Ганзенко и др. – Київ, 2010.

ХРУШКОВА Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. – Тбилиси, 1980.

ХРУШКОВА Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. IV–VII века. – М., 2002.

ХРУШКОВА Л. Г. Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. – М., 2004. Т. 63.

ХРУШКОВА Л.Г. Проконнесский мрамор в Херсонесе Таврическом: капители с тонким зубчатым аканфом // ВВ. – М., 2011. Т. 70.

ХРУШКОВА Л.Г. Епископская базилика Херсонеса Таврического: методы изучения, результаты, современный взгляд // *Владимирский*

Сборник. Материалы международных научных конференций «1 и 2 Свято-Владимирские Чтения. Отв. ред. В.В. Майко и Т.Ю. Яшаева. – Калининград, 2016.

ХРУШКОВА Л.Г. Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из Юго-Восточного Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «История. Исторические науки». – Симферополь, 2016. Т. 2 (68), 2. (в печати).

ЯКОБСОН А.Л. Византийская капитель VI в. из Херсона // Сборник работ студентов-выдвиженцев факультета истории, языка и материальной культуры Ленинградского Государственного Университета. Л., 1929.

ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. – М.; Л., 1959 Т. 63.

BARSANTI C. L'esportazione di marmi dal Proconesso nelle regione pontiche durante il IV–VI secolo // Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte. Serie III. – 1989. XII.

BETSCH W.E. The History, Production and Distribution of the Late Antique Constantinople. Univ. Pennsylvania Ph. Diss. Fine Arts, 1977 (Ann Arbor, 1979).

BIERNACKI A.B. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonesu Taurydzkiego. – Poznań, 2009 (Architektura wczesnobizantyjskich budowli sakralnych Chersonesu Taurydzkiego, II).

BORTOLI-KAZANSKI A. La repartition du marbre de Proconèse en Crimée à l'époque paléochrétienne // Byzantina Sorbonensia: Geographica Byzantina. – Paris, 1981 Vol. 3.

DEICHMANN F.W. Ravenna. Hauptstadt des spätantiken Abendlandes. Bd. II. Kommentar. 2. Teil. – Wiesbaden, 1976; Bd. II. Kommentar. 3. Teil. Geschichte, Topographie, Kunst und Kultur. – Stuttgart, 1989.

DEICHMANN F.W., MITARBEIT von KRAMER J., PESCHLOW U. Corpus des Kapitelle der Kirche von San Marco zu Venedig. – Wiesbaden, 1981.

JERPHANION G. De. Le chapiteau théodosien // La Voix des Monuments. – Paris, 1930. P. 96–119.

KAUTZSCH R. Kapitellstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten vom vierten bis siebenten Jahrhundert // Studien zur spätantiken Kunstgeschichte. – Berlin; Leipzig, 1936. Bd. 9. (Repr.: Berlin, 1970).

KHROUSHKOVA L. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie. IVe–XIVe siècle // Bibliothèque de l'Antiquité Tardive. – Turnhout, 2006. T. 9.

KHROUSHKOVA L. Chersonesos in the Crimea: the first Christian Buildings (4th–5th Centuries) // Antiquité Tardive. – 2008. T. 16.

KHRUSHKOVA L.G. Krim (Chersonesus Taurica) // Reallexikon für Antike und Christentum. – 2007. Bd. XXII.

KHRUSHKOVA L. Chersonesus in the Crimea: Early Byzantine capitals with fine-toothed acanthus leaves // Tsetskhladze G. R., Laflı E. et al. (Eds.). The

Black Sea, Paphlagonia, Pontus and Phrygia in Antiquity. Aspects of Archaeology and Ancient History. – Oxford, 2012 (BAR - IS, 2432).

KHRUSHKOVA L.G. Chersonèse en Crimée aux IVe–VIe siècles: topographie et chronologie // Acta XV Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae. Episcopus, civitas, territorium. P. I. – Città del Vaticano, 2013a.

KHRUSHKOVA L. Quelques chapiteaux protobyzantins inédits du Sud-Est de la Crimée // Jurković M. (Éd.). Mélanges Jean-Pierre Caillet. – Zagreb; Motovun, 2013b.

LAURENT J. Delphes chrétiens // BCH. – Paris, 1899. T. 23.

MINGUZZI S. Catalogo delle tipologie di capitelli e plutei // Marmi della basilica di San Marco. Capitelli, plutei, rivestimenti, arredi. A cura di I. Favaretto, E. Vio, S. Minguzzi. – Milano, 2000.

ÖTÜKEN Y. Forschungen im Nordwestlichen Kleinasien. Antike und byzantinische Denkmäler in der Provinz Bursa // Istanbulur Mitteilungen. – Tübingen, 1996. Bd. 41.

PESCHLOW U. Kapitell // Reallexikon für Antike und Christentum. – 2001. Bd. XX.

PESCHLOW U., MÖLLERS J. (Hrsg.). Spätantike und byzantinische Bauskulptur. Beiträge eines Symposiums in Mainz. Febr. 1994. – Stuttgart, 1998.

PÜLZ A. Die frühchristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos/Krim // Mitteilungen zur Christlichen Archäologie. – 1998. Bd. 4.

RUSSO E. Sculture del complesso eufrasiano di Parenzo. – Napoli, 1991.

RUSSO E. I capitelli del quadriportico di S.Giovanni a Efeso // Bizantinistica. – 2011. T. XIII.

RUSSO E. Introduzione ai capitelli di S. Sofia di Costantinopoli // Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte. Serie III. 67. 2012. Vol. XXXV.

SODINI J.-P. La sculpture architecturale à l'époque paléochrétienne en Illyricum // Actes du Xe Congrès international d'Archéologie chrétienne. Thessalonique, 28 sept. – 4 oct. 1980. – Città del Vaticano; Athènes, 1984.

SODINI J.-P., BARSANTI C., GUIGLIA GUIDOBALDI A. La sculpture architecturale en marbre au VIe siècle à Constantinople et dans les régions sous influence constantinopolitaine // Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christianae. Pars II. – Città del Vaticano; Split, 1998.

STRZYGOWSKI J. Byzantinische Denkmäler. Bd. II. – Berlin, 1893.

VEMI V. Les chapiteaux ioniques à imposte de Grèce à l'époque paléochrétienne // Bulletin de Correspondance Hellénique. – Athènes; Paris, 1989. Suppl. XVII.

ZOLLT T. Kapitellplastik Konstantinopels vom 4. bis 6. Jahrhundert n. Chr. mit einem Beitrag zur Untersuchung des ionischen Kämpferkapitells. – Bonn, 1994.

В.Н. ЧХАИДЗЕ
Институт археологии РАН
(Москва)

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА ИКЕЛИЯ
(вторая половина XI в.)

Корпус переводчиков, входивший в ведомство логофета дрома, играл одну из важнейших ролей в византийской дипломатии начиная с VI в. Переводчики (*ерминевты* и *дерминевты*) выполняли самые разнообразные задачи: службу при посольствах и сопровождение послов за рубежом; переводы документов на греческий с иностранных языков, или наоборот – переводы актов императорской канцелярии на другие языки; помощь во встречах, проходах и контроле над иностранными дипломатами. В имперской дипломатии, помимо греков и латинян, широко привлекали на службу скандинавских, арабских и тюркских переводчиков [Laurent 1981: 230].

Немногочисленные нарративные и сфрагистические сведения о византийских переводчиках уже становились предметом специальных исследований [Шандровская 2003: 56, 57; 2005: 111, 112; Филипчук 2012: 8–10]. И каждая новая находка печати переводчика представляет исключительный интерес.

Моливдовул переводчика Икелия (рис. 1) был найден в 2016 г. в с. Григорово Юрьев-Польского района Владимирской области и в настоящее время он находится на хранении в Новгородском музее-заповеднике.

Диаметр печати – 17–15 мм;

толщина заготовки – 3,3 мм; вес – 6,08 гр.

Аверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин погрудное изображение Богородицы в мафории, держащей перед собой младенца Христа. По сторонам титлы: [ΜΡ] – ΘΥ] – [Μ(ήτη)ρ] Θ(εο)υ, а также эпитет Богоматери в столбик: слева – .|.|.|.Κ|..; справа – ΠΑ|CΤ|OC –

[ή Θεο]κ[έ]λατος (?) – Богом хранимая!

Реверс. Пятистрочная надпись в ободке из слившихся в линию жемчужин: +ΘΚ̅ΕΡ̅Θ|ΤΩΣΩΔΥ|ΛΥΙΚΕΛΗ.ΙΕΡΜΗΝΕ|ΥΤΗ –

Θ(εοτό)κε βο(ήθει) τῷ σῶ δούλου Ἰκελή[ω] ἐρμηνευτῇ –
Богородица, помоги Своему рабу Икелию, переводчику.

Рис. 1. Печать Икелия, *ерминевта* (переводчика)
(вторая половина XI в.).

Моливдовул может быть отнесен ко второй половине XI в.

Икелий – очень редкое имя. Единственное известное упоминание – имя судьи Икелия в процессе Брута и Кассия в «Римской истории» Аппиана Александрийского [Appian 1972: IV.4.27]. Известно и парное ему женское имя – Икелия. Так Кирилл Скифопольский рассказывает о богатой и набожной римлянке Икелии, которая во времена Иерусалимского патриарха Ювеналия (420–458) строила храм Богородицы в Кафисме – на полпути между Иерусалимом и Вифлеемом [Житие аввы Феодосия 1899: 83–84].

До настоящего времени было известно лишь 13 печатей переводчиков, суммарно датированных VI–XIII вв. Благодаря им становится возможным сопоставить происхождение переводчиков с определенными этносами: болгарами, ромеями, англичанами и варягами.

1–2. Στεφάνο ἐρμηνευτοῦ (вторая половина VI – начало VII вв.) [Вишнякова 1939: 128, № 12; Соколова 1991: 206, № 14, табл. 4,14; Sokolova 1993: 106, pl. IV]. Печати найдены в Херсонесе.

3. Ν ἐρμηνευτοῦ (VII–VIII вв.) [Соколова, 1991: 206, № 15, табл. 4,15]. Происходит из Херсонеса.

4. Ἰωάννου ἐρμηνευτοῦ (VII–VIII вв.) [Zacos, Veglery 1972: 895, nr. 1510, pl. 113, 1510; Laurent 1981: 230, nr. 467].
5. Γραφῶν σφράγισμα ἐρμήνου Προκοπίου (IX в.) [Шандровская 2005: 111].
6. Σφραγὶς Ἰωάννου ἐρμηνευτοῦ (X в.) [Лихачев 1911: 22, № 28, табл. VI, 28; Laurent 1981: 231, nr. 468].
7. Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ ... βασιλικῷ σπαθαρίῳ καὶ ἐρμηνευτοῦ (X в.) [Шандровская 2005: 111].
8. Χριστοφόρῳ βασιλικῷ σπαθαροκανδιδάτῳ ἐπὶ τῆς μεγάλης ἐταιρείας καὶ ἐρμηνευτῇ τῶν Βουλγάρων (?) (X–XI вв.) [Laurent 1981: 231, nr. 469].
9. Ἰωάννῃ βασιλικῷ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ διερμηνευτῇ Ῥωμσίων (XI в.) [Laurent 1981: 232, nr. 470, pl. 18, 470].
10. Σφραγὶς Πάρδου ἐρμηνευτοῦ τοῦ δρουγγαρίου (конец XI в.) [Laurent 1981: 540, nr. 991, pl. 38, 991].
11. Κύριε βοήθει Σφένι πατρικίῳ καὶ δορμινευτῇ τῶν Ἐνκλίνων (последняя четверть XI в.) [Zacos 1984: 337, nr. 706; Schavelev 2015: 193–198, fig. 1].
12. Ὁ σεβαστὸς καὶ διερμενευτὴς τῶν πιστοτάτων Ἰγγλίνων Κωνσταντῖνος ὁ Κουρτίκης (вторая половина XII в.) [Seibt 1993: 147; SPINK 1999: 50, nr. 250].
13. Σφραγὶς τοῦ πανσεβάστου σεβαστοῦ καὶ μεγάλου δερμηνευτοῦ τῶν Βαράγγων Μιχαήλ (середина XIII в.) [Mordtmann 1881: 697; Schlumberger 1884: 349–351; Laurent 1981: 232, 233, № 471; Шандровская 2005: 113–115; Филипчук 2012: 57].

Находка печати переводчика Икелия уникальна сама по себе, но еще более важно, что она является первым памятником такого рода на территории Древнерусского государства.

Библиография

- ВИШНЯКОВА А. Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. – М.; Л., 1939. № 1. С. 121–133.
- Житие аввы Феодосия: Кирилла монаха об иже во святых аввы Феодосия // Палестинский патерик. – СПб., 1899. Вып. 8.
- ЛИХАЧЕВ Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых православных русских икон. – СПб., 1911.
- СОКОЛОВА И. В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. – М., 1991. Том 52. С. 201–213.
- ФИЛИПЧУК О. М. Печатка Михаїла, «пансєваста і великого перекладача варягів» // Сфрагістичний щорічник. – Київ, 2012. Вип. III. С. 5–16.

- ШАНДРОВСКАЯ В. С. Византийские печати переводчиков // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2003. С. 56–57.
- ШАНДРОВСКАЯ В. С. Византийские печати переводчиков // *Albo dies notanda lapillo*: коллеги и ученики – Г.Е. Лебедевой. – СПб., 2005. С. 109–115.
- Appian's Roman History. IV. / with an english translation with H. White. Reprinted. – London, 1972.
- LAURENT V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Tome II: L'administration centrale. – Paris, 1981.
- MORDTMANN M. Bulles byzantines relatives aux Varègues // *Archives de l'Orient Latin*. Tome I. – Paris, 1881.
- SCHLUMBERGER G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. – Paris, 1884.
- SEIBT W. Ταξίαρχος Μοξηγάζ – ein byzantinischer Kommandant in Mekk' um die Mitte des 11. Jahrhunderts? // *Handes Amsorya*. – Wien, 1993. S. 145–148.
- SHCHAVELEV A. A Seal of Byzantine «Translator of the English» Patrikios Sphen: Its Date and Socio-Cultural Context // *Byzantine and Rus' Seals*. – Kyiv, 2015. P. 193–200.
- SOKOLOVA I. V. Les sceaux byzantins de Cherson // *SBS*. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 99–111.
- SPINK. Auction 135. Byzantine Seals from the Collection of George Zacos. – London, 1999. Part III.
- ZACOS G., VEGLERY A. Byzantine Lead Seals. – Basel, 1972. Vol. I.
- ZACOS G. Byzantine Lead Seals. – Bern, 1984. Vol. II.

В.Н. ЧХАИДЗЕ
С.А. ЕФРЕМОВ
Институт археологии РАН
(Москва)

ПЕЧАТЬ ЛЬВА ГУРНА
(первая половина XII в.)

Сфрагистические материалы византийского Кипра (конец V – конец XII вв.) достаточно подробно изучены благодаря двум каталогам и ряду статей [Metcalf 2004; 2014; Cheynet, Morrisson, 1990: 132; Αβραμιά, Γαλάνη-Κρίκου, Τουράτσογλου 1990: 260–266; Nesbitt, Oikonomides 1994: 101–107; Karagiorgou, 2016; Stepanova, 2016]. Однако находка каждого нового моливдовула на Кипре представляет собой значительный интерес.

Большинство печатей Кипра относится ко времени до начала VIII в., затем их количество резко сокращается. Немного и печатей XI–XII вв. Эта ситуация несколько диссонирует с ходом исторических событий, известных по немногочисленным нарративным источникам: арабские нашествия 649 и 653 гг., установление византийско-арабского кондомината в конце VII в., «византийская реконкиста» 961 г. Никифора Фоки и, наконец, захват острова в 1184 г. Исааком Дукой Комнином, а в 1191 г. Ричардом Львиное Сердце. При этом каких-либо резких скачков в количественном отношении или репрезентативности сфрагистического материала, связанных с поворотными событиями в истории острова, также не отмечается.

В 2016 г. стала известна печать (рис. 1), случайно обнаруженная на Кипре в окрестностях грузинского монастыря Ялья. В настоящее время печать находится в частной коллекции.

Диаметр печати – 43×35 мм. Вес – 21 гр. Печать правильной четырехугольной формы, края аккуратно скруглены. В найденном состоянии оказалась согнутой аверсом наружу, вследствие чего сам аверс оказался сильно затерт. Печать была разогнута не до конца, однако хорошо сохранившуюся надпись реверса можно прочитать.

Рис. 1. Печать Льва Гурна (первая половина XII в.)
из грузинского монастыря Ялья на Кипре (2016 г.).

Аверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин изображение двух святых воинов в рост (предположительно – свв. Феодор Стратилат и Феодор Тирон)*. Надписи не сохранились.

Реверс. Шестистрочная надпись в ободке из слившихся в линию жемчужин: +ΛΕΟΝΤΑ|ΔΥΑCΧṼΜΑ|ΤΙΡΩΝΑΝΩ|ΡΕΛΛΙC.Μ|ΤΟΝΓΩΡ.ΙΟΥ –

Λέοντα, δυάς Χριστοῦ μα(ρ)τίρων, (πρωτο)νωβελλίσι[ι]μ(ον) τὸν Γοῦρ[ν]ον –
Христовых мучеников двое <защитите>, Льва Гурна, протоновелиссима.

Орфография и текст легенды** выдают руку малограмотного составителя. Он, очевидно, ориентировался на аналогичные печати подобного содержания (типа: Δυάς, Λέοντα, μαρτύρων, σκέπ(ε)τ(ε) (πρωτο)νωβελλ(ι)σ(ι)μων πιστὸν Ρουπένην [SPINK 1999: 14, nr. 131; Wassiliou-Seibt 2011: 305, 306, nr. 669], где также допущена метрическая ошибка), но забыл вырезать по двусложному слову в каждом из двенадцатисложников (типа: Γραφὰς σφραγίζω λόγων Λέοντος [Wassiliou-Seibt 2011: 219, 220, nr. 435] и Δειν(ὸν) με σῶζ(ε), Παντελεήμ(ων). Θεοφάνην σὸν οἰκέην ἀσηκρῆτις [Wassiliou-Seibt 2011: 280, № 604]), в т.ч. глагол типа σκέτοις, из-за чего надпись потеряла смысл.

Печать скорее всего принадлежит первой половине XII в. Справа от «ро» в предпоследней строке, представляющей патроним владельца, видны следы еще одной стертой буквы. На наш взгляд единственное возможное восстановление патронима – Γοῦρ[ν]ον.

Таким образом, печать принадлежит представителю рода Гурнов. До настоящего времени был известен лишь один функционер этого семейства. Известна печать Василия Гурна монаха, *кувуклисия* и *игумена* [Панченко

1908: 99, № 282, табл. X,11; Laurent 1963: 127, nr. 165, pl. X,11; Шандровская 1977: 111, 112, № 282, табл. III,6], которая датируется X–XI вв.

Высокий титул *протоновелиссима* становится распространенным во время и после правления Алексея I Комнина. Достаточно часто он использовался во второй половине XII в. [Oikonomidès, 1972: 293].

Весьма примечательна находка этой печати на территории северо-западного Кипра, при этом несомненна ее связь с грузинским монастырем Ялья. Монастырь просуществовал с конца X в. и вплоть до османской оккупации Кипра в 1571 г. В 2006–2010 гг. монастырь раскапывался экспедицией Республики Грузия, а в 2014 г. был музеефицирован [Gagoshidze, Mindorashvili, Gagoshidze, 2014: 66–106].

* В качестве аналогичного примера можно привести печать Льва Вурцы: Λέοντα Βούρτζην μαρτύρων δυὰς σκέποις [см.: SPINK 1998: 46, № 91; Cheynet 2008: 375, 376, nr. 34; Wassiliou-Seibt 2011: 545, nr. 1251].

** Авторы выражают благодарность А.Ю. Виноградову за помощь в написании этой работы.

Библиография

- ПАНЧЕНКО Б. А. Каталог моливдовулов (Отдельный оттиск из ИРАИК: 1903, Том 8. Вып. 3; 1904, Том 9. Вып. 3; 1908 Том 13). – София, 1908.
- ШАНДРОВСКАЯ В. С. Поправки и дополнения к «Каталогу моливдовулов» Б. А. Панченко // ВВ. – М., 1977. Том 38. С. 102–119.
- ΑΒΡΑΜΕΑ Α., ΓΑΛΑΝΗ-ΚΡΙΚΟΥ Μ., ΤΟΥΡΑΤΣΟΓΛΟΥ Γ. Μολυβδόβουλλα με γνωστή προέλευση από τις συλλογές του Νομισμτικού Μουσείου Αθηνών // SBS. – Washington, 1990. Vol. 2. Σ. 235–271.
- CHEYNET J.-Cl. La société Byzantine. L'apport des sceaux. – Paris, 2008.
- CHEYNET J.-Cl., MORRISSON C. Lieux de trouvaille et circulation des sceaux // SBS. – Washington, 1990. Vol. 2. P. 105–136.
- GAGOSHIDZE I., MINDORASHVILI D., GAGOSHIDZE G. Gialia. Georgian monastery on Cyprus. – Tbilisi, 2014.
- KARAGIORGOU O. «Nine Seals Worth Ninety»: Sigillographic Finds from Polis Chrysochous, Cyprus // SBS. – Berlin; Boston, 2016. Vol. 12. P. 47–69.
- LAURENT V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin. Tome V: L'église. – Paris, 1963.
- METCALF D. M. Byzantine Lead Seals from Cyprus. – Nicosia, 2004.
- METCALF D. M. Byzantine Lead Seals from Cyprus. Vol. 2. – Nicosia, 2014.
- NESBITT J., OIKONOMIDES N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 2. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor. – Washington, 1994.
- OIKONOMIDÈS N. Les listes de préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. Introduction, texte, traduction et commentaire. – Paris, 1972.

- SPINK. Auction 127. Byzantine Seals from the Collection of George Zacos. Part I. – London, 1998.
- SPINK. Auction 132. Byzantine Seals from the Collection of George Zacos. Part I. – London, 1999.
- STEPANOVA E. Seals of Cyprus from the Hermitage Collection // SBS. – Berlin; Boston, 2016. Vol. 12. P. 83–91.
- WASSILIOU-SEIBT A.-K. Corpus der byzantinischen Siegel mit metrischen Legenden. Teil 1. Einleitung, Siegellegenden von Alpha bis inclusive My. – Wien, 2011.

А.В. ШАМАНАЕВ

Уральский Федеральный университет
им. Первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

**ПРОЕКТЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦЕРКВИ
НА ХЕРСОНЕССКОМ ГОРОДИЩЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Современные исследования истории изучения и сохранения памятников археологии, как правило, предполагают привлечение широкого круга архивных документов. Обращение к таким источникам позволяет выявить и детально изучить те аспекты деятельности ученых прошлых лет, которые не отражены в публикациях своего времени. Так, сведения о не реализованных научных и охранных мероприятиях сохранились преимущественно в документах, дающих представление о развитии методов раскопок, консервации и реставрации объектов археологического наследия.

Архивные материалы из хранилищ Санкт-Петербурга и Севастополя позволили подробно рассмотреть эволюцию проекта реконструкции средневекового храма на Херсонесском городище в 1870–1890-х гг. Ранее некоторые аспекты этой идеи были рассмотрены Р.В. Стояновым и В.В. Калиновским [Стоянов 2009: 527–529; Калиновский 2012: 83–85].

В 1876 г. Одесское общество истории и древностей (ООИД) разработало план научных изысканий и охранных мероприятий в Херсонесе, который предусматривал создание на памятнике музея древностей и реконструкцию средневекового культового сооружения [Гриневич 1927: 9–23]. Первоначально речь шла о возведении баптистерия в романском (?) стиле [ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 21, 21об.]. В конце 1870-х гг. Н.Н. Мурзакевич (вице-президент ООИД) предложил построить здание в «*в византийском характере*» и разместить в нем музей христианских (фактически – средневековых) артефактов [Отчет

ООИД 1879: 9]. Эскизный проект (арочная конструкция, увенчанная куполом) выполнил кондуктор Пруденков [РО ИРЛИ РАН: ф. 603, № 68, л. 5об., 6].

В 1879 г. Н.Н. Мурзакевич привлек к обсуждению проекта А.Л. Бертье-Делагарда, который высказал серьезные критические замечания. Так, он поставил под сомнение целесообразность постройки псевдосредневекового здания, отметив, что эскиз Пруденкова не основан на исторических или археологических реалиях, лишен эстетической целостности, а здание слишком маленькое для размещения полноценной музейной экспозиции. Кроме того, Александр Львович скептически оценил перспективу применения древних мраморных фрагментов для декора здания [РО ИРЛИ РАН: ф. 603, № 68, л. 3–7]. А.Л. Бертье-Делагард предложил реконструировать один из раскопанных храмов Херсонеса, обратившись к конкретному прототипу, но указал, что постройка будет плохо смотреться рядом с будущим собором св. Владимира [РО ИРЛИ РАН: ф. 603, № 68, л. 5об., 6об.].

Проект не был реализован, так как ООИД не удалось найти необходимого финансирования.

Идея получила новый импульс для развития после передачи Херсонесского городища под контроль Императорской Археологической Комиссии (ИАК) в 1887 г. [Гриневиц 1927: 23–28]. План деятельности ИАК на городище предусматривал возможность реконструкции одной из церквей на основе сохранившегося фундамента для размещения археологического музея [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, оп. 1 (1887), д. 22, л. 28, 29об.]. Для постройки предполагалось использовать остатки древних сооружений [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, оп. 1 (1887), д. 22, л. 34–36].

В апреле 1887 г. академик, архитектор-реставратор, археолог В.В. Суслов посетил памятник и разработал рекомендации по организации охранных работ, но крайне осторожно оценил перспективы реконструкции средневекового храма [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, оп. 1 (1887), д. 22, л. 61]. В мае 1888 г. Н.П. Кондаков сообщил председателю ИАК о своих сомнениях в перспективности проекта, указав на сложность использования подлинных фрагментов средневековых зданий [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, оп. 1 (1887), д. 22, л. 65–66].

В 1890 г. А.А. Бобринский (председатель ИАК) обратился к А.Л. Бертье-Делагарду с просьбой оценить возможность восстановления конкретной базилики и определить стоимость реставрационных работ [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, оп. 1 (1890), д. 26, л. 210, 211].

А.Л. Бертье-Делагард высказал сомнение в целесообразности и научности идеи реконструкции храма. Тем не менее, он назвал шесть объектов потенциально пригодных для реализации проекта,

охарактеризовал преимущества и недостатки каждого. Так, археолог отметил, что «Уваровская» (№ 23) и «Восточная» (№ 36) базилики имеют плохую сохранность, есть опасность их дальнейшего разрушения. Храм № 28, базилики «Крузе» (№ 7) и «на холме» (№ 14) неудачно расположены (соседствуют с собором, хозяйственными постройками, артиллерийской батареей). Руины «Базилики в базилике» (№ 15), по мнению специалиста, представляли самостоятельную научную ценность и реконструкция этого храма привела бы к утрате подлинных структур памятника [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, оп. 1 (1890), д. 26, л. 215, 215об., 220, 221об.].

В целом, А.Л. Бертъе-Делагард обратил внимание А.А. Бобринского на плохую сохранность Херсонесских культовых сооружений, не позволяющую воссоздать подлинный облик храмов и на то, что возведение новодела приведет к утрате подлинных структур археологических объектов Херсонеса [НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, оп. 1 (1890), д. 26, л. 215, 215об., 217об.].

Проект реконструкции средневекового храма на территории Херсонесского городища и его обсуждение российскими археологами соответствовали общеевропейским тенденциям развития концепций реставрации архитектурно-археологических памятников второй половины XIX – начала XX в. План воссоздания базилики можно соотнести с идеями сторонников направления «stylistic restoration» (восстановления внешнего облика зданий в соответствии с общим стилем эпохи). Точка зрения А.Л. Бертъе-Делагарда соответствовала принципам консервационного подхода, представители которого требовали минимального вторжения в подлинные структуры и научного обоснования воссоздаваемых элементов архитектурных конструкций [Jokilehto 2002: 173–212].

Реконструкция средневекового храма на Херсонесском городище, конечно, могла бы способствовать повышению аттрактивности памятника для публики. В конце XIX в. Крым стал популярным курортом и объекты археологического наследия полуострова вызывали все больший интерес образованной части российского общества [Мальгин 2004: 295–302, 320–323]. Вероятно, председатель ИАК А.А. Бобинский хорошо осознавал необходимость не только организации изучения памятника, но и эффектных способов презентации результатов научных раскопок [Тихонов 2003: 95–117].

Планы руководителей ООИД и ИАК по воссозданию византийского храма на территории Херсонесского городища не были реализованы. Во многом это было обусловлено прагматическими причинами (отсутствие финансирования). Но не исключено, что отказ от реализации проекта произошел под влиянием критики сторонников научной реставрации архитектурно-археологических памятников.

Библиография

- Государственный архив города Севастополя (ГАГС). Ф. 19. Оп. 1. Д. 10.
ГРИНЕВИЧ К.Э. Сто лет херсонесских раскопок. – Севастополь: Херсонесский музей, 1927. 55 с.
- КАЛИНОВСКИЙ В.В. «Древностей – и замечательных и интересных и красивых – непочатый уголок» : Церковное крымоведение (1837–1920) / под. ред. и вступ. ст. А.А. Непомнящего. – Киев; Симферополь: Антиква, 2012. 340 с. (Серия : «Биобиблиография крымоведения». Вып. 18).
- МАЛЬГИН А.В. Русская Ривьера. – Симферополь : СОНАТ, 2004. 352 с.
- Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук, Рукописный архив (НА ИИМК РАН, РА). Ф. 1. Оп. 1 (1887). Д. 22.; Ф. 1. Оп. 1 (1890). Д. 26.
- Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14-го ноября 1877 г. по 14-е ноября 1878 г. – Одесса, 1879. 32 с.
- Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом; РО ИРЛИ РАН). Ф. 603. № 68.
- СТОЯНОВ Р.В. Императорская Археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. Под общ. ред. Е.Н. Носова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 522–555.
- ТИХОНОВ И.Л. Последний председатель Императорской Археологической Комиссии // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. – СПб.: ИД Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. С. 95–117.
- ЖОКІЛЕНТО J. A history of architectural conservation. – Oxford: Butterworth-Heinemann, 2002. 354 p.

В.Ю. ЮРОЧКИН
Институт археологии Крыма РАН
(Симферополь)

И. ТУНМАНН И СРЕДНЕВЕКОВАЯ НАДПИСЬ ИЗ ДЕРЕВНИ САБЛЫ

В 70-х гг. XVIII в. профессором красноречия и философии университета в Галле (Саксония) Иоганном Эриком Тунманном (1746–1778) был составлен трактат о Крыме. Сочинение не раз переиздавалось и многие годы оставалось единственным обобщающим научным сочинением по истории и географии Таврики [Тунманн 1991]. В нем учёный фактически первым сформулировал своего рода парадигму древней и средневековой этнополитической ситуации на полуострове. Его взгляды оказали значительное влияние на отечественную и зарубежную историографию, хотя и не все оказались верными.

К числу особо живучих заблуждений относится «инкерманская» локализация страны Дори и города Дороса. Окончательно она была опровергнута лишь спустя столетие Ф.К. Бруном [Brun 1866].

По мнению И. Тунманна, после разгрома Константинополя в 1204 г. и отпадения от Византии Таврического полуострова, здесь образовалось два независимых княжества: «Теодори (Ингкирман) и Готское (Мангут)», впоследствии завоеванных турками [Тунманн 1991: 19, 20]. Ещё более интересна его позиция относительно Инкермана: «...город, которому Инкирман обязан своим происхождением, назывался Евпатория, затем Дори, Дорос или Дарас. Его основал Диофант, полководец великого Митридата. Хазары в 679 г. отняли его у готов, которые к концу восьмого столетия, правда, опять им завладели, но вскоре снова потеряли. С 1204 г. город имел собственных князей, к которым принадлежал последний византийский император Константин (Константин XI Палеолог (1449–1453) – *В.Ю.*) перед своим восшествием на престол» [Тунманн 1991: 31].

Цепочка, выстроенная автором: Евпатория-Дорос-Теодори (Феодоро), вероятно, основана на созвучии наименований. Но какое из них стало в ней первым звеном? Причём здесь Константин и Палеологи?

К сожалению И. Тунманн не указывал источников, на которые опирался. Между тем большинство из них угадывается без труда, хотя и не все. Считается, что учёный никогда лично в Тавриде не бывал, при этом его сведения о современной ему географии полуострова по большей части обладают высокой степенью достоверности. Это касается, в частности, «пещерных городов» Тепе-Кермен и Качи-Кальон, искусственные гроты которых сравниваются с колумбариями – погребальными локулами [Тунманн 1991: 133]. Безусловно, данная ассоциация могла возникнуть только у человека, непосредственно видевшего объекты. Более того, погребальный характер ряда пещер Тепе-Кермена подтвердили последующие раскопки. Примеры можно продолжать. Это позволяет поставить вопрос о некоем неизвестном источнике или непосредственном информаторе И. Тунманна, побывавшем в Крыму и осмотревшем здешние достопримечательности. При этом, надо думать, он уделял особое внимание древностям, в частности «пещерным городам» в число которых входил и Инкерман.

В эту эпоху, как и позднее, веским основанием для локализации древних населённых пунктов являлся либо картографический материал, либо надписи, сообщавшие имя города. В нашем случае первый вариант маловероятен. Второй выглядит более привлекательным.

О камнях с греческими надписями и гербами в Инкермане свидетельствовал ещё в 1578 г. Мартин Броневский [Броневский 1867: 340, 341]. Какой-то камень «с генуэзским гербом», найденный в Инкермане, в 1803 г., упоминал К.И. Габлиц [Габлиц 1803: 50]. Это заставляет вспомнить о хорошо известной надписи 1427 г., вырезанной от имени владетеля города Феодоро – Алексея, в память о постройке крепости и храма во имя свв. Константина и Елены. В центре лапидарной плиты помещена монограмма из греческих букв, в левом поле – крест, напоминающий герб Генуи, а в правом вырезана половина изображения двуглавого «палеологовского» орла.

Изображение, впервые опубликовал П.И. Сумароков [Сумароков 1805: рис. 20], а затем Д. Рауль-Рошетт [Raoul-Rochette 1822: 182]. В 20–30-х годах XIX в. артефакт находился в крымском имении Саблы. Историческую атрибуцию надписи дал П.И. Кеппен. На неё внимание учёного обратил И.А. Стемпковский (1788–1832), который полагал, что «надпись должна была быть вывезена из Инкермана» [Кеппен 1837: 220]. В настоящее время большинство исследователей, вслед за В.В. Латышевым считает, что надпись относилась к одной из церквей Мангупа [Латышев 1896: 50–63]. Однако А.Л. Бертье-Делагард, пытавшийся реконструировать историю находки и её появления в имении Саблы, все же склонялся к инкерманской версии происхождения [Бертье-Делагард

1918: 2–10]. Вместе с тем, эта надпись, украшенная «палеологовским» орлом, содержит название города Феодоро и имя императора Константина. Именно эти элементы присутствуют в пассаже И. Тунманна по истории Инкермана, хотя и в ином контексте. Если допустить, что саксонский учёный действительно пользовался сведениями некоего лица, побывавшего в Инкермане и видевшего данную (или подобную) надпись, то повод для «инкерманской» локализации Феодоро был у него вполне весомый. Почему гипотетический информатор не привёл текст надписи целиком или неверно её интерпретировал можно только догадываться. Причиной, возможно, были субъективные обстоятельства: сложный для визуального восприятия греческий шрифт надписи, слабые познания в греческом, нехватка времени на дешифровку и т.д. Возможно, артефакт находился в грунте или среди камней завала и для осмотра были доступны только некоторые его элементы.

Высказанное предположение не ставит задачей отрицание «мангупской версии» происхождения надписи 1427 г. из деревни Саблы. Однако допускается, что основой «инкерманской» локализации Дороса-Феодоро, предложенной И. Тунманном, стала не совсем точно интерпретированная некая надпись, обнаруженная в руинах Инкермана неизвестным информатором саксонского учёного.

Библиография

- ТУНМАНН. Крымское ханство / пер. с немецкого издания 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской, прим., предисловие и приложения Н.Л. Эрнста. – Симферополь, 1991.
- BRUN Ph. Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie // Mémoires de l'Academie de St.-Petersburg. – 1866. 7 serie. Т. 9.
- БРОНЕВСКИЙ М. Описание Крыма (Tartariae Descriptio) / пер. с лат. Л.Г. Вершеневич // ЗООИД. – Одесса, 1867. Т. 6.
- СУМАРОКОВ П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Часть 2. – СПб., 1805.
- КЕППЕН П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837.
- ЛАТЫШЕВ В.В. Сборник греческих надписей христианских времён из южной России. – СПб., 1896.
- БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. – 1918. № 55.
- ГАБЛИЦ К.И. Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии собранные из разных древних и средневековых времён писателей. – СПб., 1803.

Н.Д. БАРАБАНОВ

Волгоградский государственный университет
(Волгоград)

ВИЗАНТИЙСКИЕ СВЯТЫЕ И МИР ПРИРОДЫ. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Феномен культа святых — явление исключительно сложное и многогранное, имеющее специфические проявления на разных уровнях религиозной жизни, в литературе, в искусстве. По этой причине тема неизбежно требует уточнения и конкретизации. В данном случае в центре внимания находятся те компоненты почитания святых и представлений о них, которые отражают верования, потребности и элементы «картины мира» рядового населения Византии, то есть с известной долей условности могут быть названы «народными». Аспект «конструирования» образа святых агиографами с помощью сюжетов и эпизодов, касающихся их отношений с миром природы, разумеется, учитывается. Еще одно уточнение состоит в том, что ввиду невозможности равномерного представления в докладе всех сюжетов, тема рассматривается под углом зрения постановки проблемы, и только некоторым примерам уделено больше внимания.

Фонд источников по теме велик и разнообразен. Основу его составляют памятники агиографии — от житий раннехристианских мучеников до повествований о святых периода Поздней Византии. Апокрифические тексты, молитвы и различные последования [Алмазов 1904] также сохранили ценную информацию. Хронологические рамки темы с трудом поддаются локализации, что связано с необходимостью при анализе многих византийских сюжетов обращаться к античным источникам и данным новогреческого фольклора и этнографии.

Хорошо известно, что в народной традиции в культе святых на первом плане находилась их функциональная значимость. Святые воспринимались как покровители разных сторон частной и общественной жизни, защитники и целители. Их отношения с миром фауны и флоры, с различными климатическими явлениями также обретали ценность в

контексте практической пользы. Жития святых содержат немало примеров того как дикие животные не только не причиняют вреда, но служат святым, проявляют о них заботу, питают и охраняют. Святые, со своей стороны, проявляют заботу о зверях, кормят их, спасают, лечат. Вместе с тем они могут быть участниками и даже организаторами жертвоприношений животных. В сложной системе отношений святых с миром природы особую роль играет демонстрация господства и подчинения. В разных ситуациях и с различными целями подвижники благочестия демонстрируют свою власть над животными, над всеми видами живых существ, домашними и дикими, включая насекомых и обитателей вод. В известной мере, подобные эпизоды в житиях являются агиографическим топосом или субстратом, но это не снижает их значимость для изучения специфики религиозного сознания, поскольку они способствовали формированию представлений о специализации святых и являлись необходимым компонентом набора доказательств их чудотворной силы.

Ярким примером особенных отношений святого с миром природы является житие св. Феофана Исповедника, игумена Великого Поля, Сигрианского (IX в.), в котором даже не сам подвижник благочестия, а некий его родственник именем святого приказал лягушкам, раздражавшим людей своим кваканьем, замолчать. Феофан, на второй день узнав о причине молчания животных, послал того же человека освободить их от наложенного запрета, возмущившись насилием над естеством. Сюжет раскрывает сложный комплекс представлений. В нем, разумеется, явлена сила Бога, действующего через святого и еще одного посредника. В нем присутствует вдруг раскрывшаяся понятливость лягушек, которые проявили послушание святому, в чем виден агиографический замысел: если уж лягушки его почитают, то и нам следует. Наконец, в нем содержится доказательство того, что святой достиг подобающего человеку состояния Адама, который до грехопадения повелевал животным миром.

Пример власти святых над миром насекомых дает житие св. Феодора Сикеота (VII в.), который трижды спасал крестьянские хозяйства от вредоносного действия саранчи и жуков. В первом случае по молитвам святого три саранчи сдохли у него в руке, а затем погибла и вся остальная стая [Festugière 1970: 32–36.14–16]. Следует отметить, что уничтожение нескольких особей для устрашения всей стаи известно, как прием борьбы с этой напастью по «Геопоникам». Во втором случае саранча исчезла после окропления огорода водой, благословленной Феодором [Festugière 1970: 80.101.12–81.101.25] Третий эпизод – изгнание молитвой святого навозных жуков [Festugière 1970: 95.118.20–26]. Что касается саранчи, то

она имеет богатую библейскую историю и могла выступать в качестве кары господней, но в данном случае ветхозаветные коннотации можно только подразумевать. Житие представляет доказательство практической пользы обращения к святому и поклонения ему.

Отношения святых с флорой во всем ее многообразии также полны различных нюансов. Есть немало агиографических свидетельств о том, как становились чудотворными деревья, посаженные святыми или выросшие на их могилах. Некоторые святые оказались тесно связанными с конкретными растениями, которые или расцветают к дню их почитания, или близки к их именам по названию, что важно для народного религиозного сознания. Интересные в этом отношении свидетельства сохранились до наших дней в материалах новогреческой этнографии и фольклористики [Сиднева 2008]. Так, растение η αἰοβασιλίτσα/*Scilla* (связано со святым Василием и выставляется на подоконник 1 января в день святого Василия), ο Αἰαννίτης (цветы, которые собираются на день святого Иоанна), το λουλούδι Αἰ-Γεωργίου или Παναρίτσα (цветок св. Георгия), της Αγίας Άννας το λουλούδι/*R. Sprunerianus* Bois (цветок св. Анны), τ' αἰδημητριάτικα/ *Ryethri species* (цветы, распускающиеся ко дню св. Димитрия).

Отметим, что бывает и обратное влияние, когда святой получает прозвище от растения. Так, святого Кирьяка называют еще Ἅγιος Συκαλᾶς (от σύκο το – смоква). Святого Иоанна называют Ρηγανάς, так как к его дню приурочен сбор орегана (ρίγανη, η). В византийский период, судя по посвященным ему последованиям, св. Трифон считался главным покровителем земледелия. Этот аспект культа сохраняется в Греции и в наши дни. Его в народе часто называют Τριφύλλο / клевер. Чаше св. Трифон считается покровителем виноградников. В одной из обрядовых эпирских песен он получает растительный эпитет: «Τρύφωνα πολύκαρπε, ἔλα δώ στ' αἰπῆλι μου καὶ στο χωράφάκι μου, να φάμε καὶ να πιούμε» [Трифон многоплодный, приходи в мой виноградник, в мое полюшко, покусшаем и выпьем].

Иногда народная этимология связывает название растения с именем святого, основываясь на фонетическом созвучии человеческого имени и фитонима. Так, 18 ноября празднуется праздник, посвященный святому мученику Платону (ἅγιος Πλάτωνας), имя которого народная этимология возводит к слову «платан» (πλάτανος), что влечет за собой своеобразное искажение имени святого – ἅγιος Πλάτανος (св. Платан). В греко-македонской этнографии этот праздник ввиду ложной этимологии иногда буквально воспринимается как день «святого платана». В этот день платановому дереву воздаются различные почести, приносится блюдо из пшени, ветки украшаются разноцветными лентами [Сиднева 2008: 56–58].

Еще один аспект отношений святых с природой – их влияние на климатические явления, от которых зависел урожай и, соответственно, благосостояние и жизнь византийцев. В качестве примера снова может выступить житие св. Феодора Сикеота, проявившего способность избавлять поля от засухи и ненужных ливней, а виноградники – от града. Способностью борьбы с бездождем прославился даже св. Григорий Палама.

В качестве предварительного итога следует отметить, что в отношениях святых и природы видится сложнейший комплекс, в котором в диапазоне от агиографических стереотипов до народного восприятия присутствуют и возрожденный Адам, и полезный в конкретных хозяйственных ситуациях помощник (если не заместитель) вышних сил.

Библиография.

- АЛМАЗОВ А.И. Святые-покровители сельско-хозяйственных занятий. (Из истории относящихся к ним греческих последований). – Одесса. 1904.
- СИДНЕВА С.А. Растительный код в новогреческом фольклоре. Диссертация на соискание кандидата филологических наук. – М., 2008.
- FESTUGIERE A.-J. Vie de Théodore de Sykéôn. I. Texte grec. II. Traduction, commentaire et appendice. – Bruxelles, 1970 (Subsidia hagiographica, 48).

Е.Я. ТУРОВСКИЙ

Т.Ю. ЯШАЕВА

ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь)

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ ИЗ СЛОЯ ПОЖАРА X В. В ЮГО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

В 2009–2012 гг. проводились археологические исследования возле юго-восточного участка оборонительных стен Херсонеса [Ступко, Туровский, 2016: 261–267]. В ходе раскопок были зафиксированы следы двух разновременных пожаров, условно названных авторами раскопок *первым* (ранним, «нижним») и *вторым* (поздним, «верхним»). Основной археологический материал из обоих слоев пожара по своему составу практически синхронен. Он включал в себя фрагменты тарной керамики: амфоры различных типов, среди которых наблюдается абсолютное преобладание высокогорлых плоскодонных амфор-кувшинов различных разновидностей. Однако информативные возможности этой группы материала для узких датировок невелики, т. к. они бытовали со второй половины (или последней трети) IX в. до конца XI в. (начала XII в.) [Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 63]. Амфоры других типов из слоев пожара X в. также не имеют drobных датировок (даже в рамках половины столетия) [см.: Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 50–70]. Среди столовой посуды наибольшее число фрагментов принадлежало поливной белоглиняной керамике группы «Glazed White ware» II по Hayes, датирующейся второй половиной IX–XI вв., поэтому для узких датировок она также не может быть использована [Hayes 1992: 15–29]. Наконец, последняя и самая многочисленная группа артефактов из слоев обоих пожаров и слоев, прилегающих непосредственно к ним – это монеты, из которых 690 экземпляров представляют собой местные литые выпуски. Поскольку большинство из них хорошо определяются и датируются достаточно узко, по мнению авторов раскопок именно их следует считать основными хронологическими индикаторами.

В слое *первого* «большого» пожара, который вполне четко датируется «репрезентативной выборкой нумизматического материала, ограничивающей *terminus ante quem* местными выпусками Константина VII (948-949) и Романа II (959–963)» [Ступко, Туровский 2016: 261–267], помимо перечисленных выше фрагментов керамических изделий были встречены различные предметы с христианской символикой, выполненные из медного сплава (визуальный осмотр). Среди них отметим кресты-тельники, медальон, щиток перстня, пряжки.

1. Крест-тельник с трехлопастным завершением ветвей, односторонний (инв. № 30/37606 «А»); размеры: ширина – 2,4 см, сохранившаяся высота – 2,1 см; лицевая сторона декорирована по продольным осям желобком; верхняя ветвь с ушком для подвешивания обломана.

2. Крест-тельник миниатюрный имеет трехлопастные завершения ветвей, односторонний (инв. № 29/37606 «А»); размеры: ширина – 1,5 см, сохранившаяся высота – 1,4 см; лицевая сторона декорирована по продольным осям желобком; верхняя ветвь с ушком для подвешивания обломана.

3. Крест-тельник миниатюрный односторонний, с расширяющимися концами (инв. № 28/37606 «А»); размеры: высота – 1,8 см, с ушком для подвешивания – 2,5 см; сохранившаяся ширина – 1,3 см (левая ветвь обломана); лицевая сторона декорирована выпуклыми точками, покрывающими всю поверхность.

Ареал крестиков аналогичной формы и дизайна достаточно широк. В Сербии они датируются исследователями VII–VIII и XI вв., в Крыму известны в погребениях конца VII–IX вв. [Айбабин 2003: 125, № 19; Марјановић-Вујовић 1987: 27–28, № 7].

4. Крест-тельник односторонний, с расширяющимися ветвями, имеющими раздвоенные концы со «слезками» (инв. № 27/37606 «А»); лицевая сторона декорирована желобком, повторяющим форму креста; размеры: высота – 3 см, с ушком для подвешивания – 3,9 см, ширина – 2 см. Находит аналогии на территории Болгарии в слоях конца X – 60-х гг. XI в. [Дончева-Петкова 2011: 484, № 1266А, табл. СХСХVIII].

5. Крест-тельник прямоконечный (инв. № 26/37606 «А»); размеры: 2,5 x 3,5 см, с обломанным ушком для подвешивания – 3,2 см; узкие прямые ветви профилированы шариками (псевдозернь), имеющих более крупные размеры на концах ветвей; средокрестие уплощенное.

Ближние по тельники с профилированными ветвями, найденные на территории Болгарии, датированы XI–XII вв. [Дончева-Петкова 2011: 487–488, № 1298–1306, табл. ССIII].

6. Медальон двухсторонний (раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича; инв. № 31/37606 «А»); диаметр – 1,7 см, длина ушка для подвешивания – 0,8 см; на обеих сторонах изображены рельефные четырехконечные кресты, концы которых декорированы тремя шариками; изображение на лицевой поверхности более четкое, на оборотной – немного затертое. Близкие беспаспортные аналогии известны в Херсонесе.

7. Щиток перстня ромбовидный в плане с плохо читаемым изображением (инв. № 45/37606 «А»).

8. Две малые византийские пряжки с крестовидным щитком (инв. № 42/37606 «А», 41/37606 «А»), на котором просматриваются слабые следы циркульного орнамента, язычок короткий, слегка выступающий за передний конец крепки, с выступом.

На территории Малой Азии, материковой и островной Греции датируются исследователями концом VI – началом VII вв., в Таврике – концом VII–IX вв. [Айбабин 2003: 123, № 45; Мусин 2003: 191].

Находка публикуемых артефактов в надежно датированном слое пожара X в. не только расширяет ареал распространения данных христианских древностей, но и дополняет их хронологию.

Библиография

АЙБАБИН А.И. Крым. Часть I. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М., 2003. С. 9–30, 40–52, 55–67, 74–86.

ДОНЧЕВА-ПЕТКОВА Л. Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV в.). – София, 2011.

МАРЈАНОВИН-ВУЈОВИН Г. Крстови од VI до XII века из збирке Народног музеја. – Београд, 1987.

СТУПКО М.В., ТУРОВСКИЙ Е.Я. О хронологических индикаторах в слоях Херсона второй половины X в. // Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения». Отв. ред. В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева. – Калининград, 2016, С. 261–267.

МУСИН А.Е. Империя и федераты: археологические аспекты изучения христианизации // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. – Керчь, 2003. С. 191–194.

**IX Международный
Византийский семинар**

**ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
ИМПЕРИЯ И ПОЛИС**

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Редактор-составитель Н.А. Алексеенко
Корректоры В.А. Нессель, К.С. Ушакова, К.В. Зыкова
Компьютерная верстка Н.А. Алексеенко
Подписано в печать 26.04.2017. Формат 60х84 1/16
Гарнитура Times. Учетно-издательских листов 7,5
Тираж 100 экз.
Заказ № 33

Оригинал-макет изготовлен ФГБУК
«Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
299045, Севастополь, ул. Древняя, 1.
ОГРН 11492040711675
Тел.: + 7 (0692) 55 02 78
E-mail: chersonesedirector@ mail.ru

ООО «Колорит»
ОГРН 1169204061454 от 18.11.2016
299011, Севастополь, ул. Ленина, 28
Тел.: (8692) 54-31-46
E-mail: colorit.ooo2016@ yandex.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК